

**Археологічний
альманах
№ 31
Archaeological
Almanac**

**NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
CRIMEAN BRANCH
DONETSK NATURAL HISTORY MUSEUM
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
PETER THE GREAT MUSEUM ANTHROPOLOGY
AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA)**

Archaeological Almanac, № 31

EPIGRAVETTIAN SITES OF MIDDLE DNIPRO REGION

**KYIV
Publisher Oleg Filuk
2014**

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ
КРИМСЬКИЙ ФІЛІАЛ
ДОНЕЦЬКИЙ ОБЛАСНИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

Археологический альманах, № 31

**ЕПІГРАВЕТСЬКІ ПАМ'ЯТКИ
СЕРЕДНЬОГО ПОДНІПРОВ'Я
ЭПИГРАВЕТТСКИЕ ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ**

КИЇВ

Видавець Олег Філюк

2014

УДК 903(477/470.3)''63''
ББК Т4(4Укр/4Рос34)223.4

Епіграветські пам'ятки Середнього Подніпров'я. Д.В. Ступак, Г.А. Хлопачев (ред.-укл.) –
Археологічний альманах, №31 - К.: Видавець Олег Філюк, 2014. – 152 с.
Э 71 Эпиграветские памятники Среднего Поднепровья. Д.В. Ступак, Г.А. Хлопачев (ред.-сост.) -
Археологический альманах, №31 - К.: Видавець Олег Філюк, 2014. – 152 с.

ISSN 2306-6164
ISBN 978-617-7122-31-8

Epigravettian sites of Middle Dnipro region. Edited by D. Stupak & G. Khlopachev - Archaeological Almanac,
№ 31 – K: Publisher Oleg Filuk, 2014 – 152 p.

Збірка в першу чергу присвячена публікації матеріалів досліджень верхньопалеолітичних пам'яток,
проведених в межах міжнародного проекту НАНУ – РФФД «Середньодніпровська етнокультурна
спільність: структура та кросс-культурні зв'язки» № 07-06-12 (У) та № 12-06-90400-Укр-а.

Для наукових працівників, аспірантів, студентів та усіх, хто цікавиться проблемами верхнього палеоліту.

Сборник преимущественно посвящен публикации материалов, которые были получены в ходе
исследований верхнепалеолитических памятников, проведенных в рамках международного проекта НАНУ
– РФФИ «Среднеднепровская этнокультурная общность: структура и кросс-культурные связи» № 07-06-12
(У) и №12-06-90400-Укр-а.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется проблемами верхнего
палеолита.

This volume is mainly dedicated to the publication of materials that have been received during the studies of
Upper Paleolithic sites, carried out within the framework of the international project of NUAS – RFBR "The Middle
Dnipro cultural group: the contain and inter-cultural connections" № 07-06-12 (У) & №12-06-90400-Укр-а. For
researchers, graduate students and anyone interested in the problems of the Upper Paleolithic.

Головні редактори:

ЧАБАЙ В.П., член-кореспондент НАН України
КОЛЕСНИК О.В., кандидат історичних наук
УСАЧУК А.М., кандидат історичних наук

Відповідальні редактори:

Ступак Д.В.
Хлопачев Г.А. кандидат історичних наук

Редакційна колегія:

БУЙСКИХ А.В., доктор історичних наук
КУТАЙСОВ В.А., доктор історичних наук
ГЕРШКОВИЧ Я.П., кандидат історичних наук
ДЕНИСЕНКО Е.І., заслужений діяч мистецтв України
КИСЛИЙ А.Е., доктор історичних наук
МАЙКО В.В., доктор історичних наук
МОГАРИЧЕВ Ю.М., доктор історичних наук
ОТРОЩЕНКО В.В., доктор історичних наук
ПОЛИДОВИЧ Ю.Б., кандидат історичних наук
ЦИМИДАНОВ В.В., кандидат історичних наук

Рецензенти:

Залізник Л.Л. доктор історичних наук, професор
Гладких М.І. доктор історичних наук, професор
Берюзкін Ю.Е. доктор історичних наук

Chief editors:

Dr. V.P. Chabal, corresponding member of NUAS
Dr. O.V. KOLESNIK
Dr. A.M. USACHUK

Responsible editors:

Stupak D.V.
Dr. Khlopachev G.A.

Editorial board:

Dr. A.V. BUISKIH
Dr. V.A. KUTAIISOV
Dr. Ya.P. GERSHKOVICH
Ye.I. DENISENKO, Honored Art Worker of Ukraine
Dr. A.E. KISLY
Dr. V.V. MAYKO
Dr. Yu.M. MOGARICHEV
Dr. V.V. OTROSCHENKO
Dr. Yu.B. POLIDOVICH
Dr. V.V. TSYMIDANOV

Reviewers:

Dr. Zaliznyak L.L.
Dr. Gladkih M.I.
Dr. Berjozkin Yu.E.

Затверджено до друку Вченою радою Інституту археології НАН України та Вченою радою Музею антропології і
етнографії (кунсткамера) РАН.

The publication of this volume was approved by the Scientific Council of Archaeology Institute, National Ukrainian
Academy of Sciences (NUAS) and the Scientific Council of Peter the Great Museum Anthropology and Ethnography
(kunstkamera) RAS

ISSN 2306-6164
ISBN 978-617-7122-31-8

<http://archaeoalmanac.com>

© Інститута археології НАН України, Кримський філіал, 2014
© Донецький обласний краєведческий музей, 2014
© Васильев П.М., Грибченко Ю.Н., Комар М.С., Куренкова Е.И., Нужный
Д.Ю., Пеан С., Саблин М.В., Сапелко Т.В., Ступак Д.В., Хлопачев Г.А.,
Шидловський П.С.
© Видавець Олег Філюк, 2014

© Crimean branch of Archeology Institute National Ukrainian Academy
of Sciences, 2014
© Donetsk natural history museum, 2014
© Vasil'ev P.M., Gribchenko Y.N., Komar M.S., Kurenkova E.I.,
Nuzhnyi D.Yu., Pean S., Sablin M.V., Sapelko T.V., Stupak D.V.,
Khlopachev G.A., Shidlovskiy P.S.
© Publisher Oleg Filuk, 2014

ЗМІСТ CONTENTS

Ступак Д.В., Хлопачев Г.А. <i>Stupak D.V., Khlopachev G.A.</i>	Передмова <i>Foreword (in Ukrainian)</i>	6
	Предисловие <i>Foreword (in Russian)</i>	7
Ступак Д.В., Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.М., Комар М.С. <i>Stupak D.V., Khlopachev G.A., Gribchenko Yu.M., Komar M.S.</i>	Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння <i>The New Upper Palaeolithic site Obolonnya</i>	9
Васильев П.М. <i>Vasil'ev P.M.</i>	Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Погон (2011-2013 гг.) <i>New investigations of the Upper Palaeolithic site Pogon (2011-2013)</i>	31
Шидловський П.С., Нужний Д.Ю., Пеан С. <i>Shidlovskiy P.S., Nuzhnyi D.Yu., Pean S.</i>	Производственный инвентарь участка культурного слоя на юг от первого межиричского жилища <i>Production Inventory of area of cultural layer to the south from the first mezhyrichian dwelling</i>	51
Нужний Д.Ю. <i>Nuzhnyi D.Yu.</i>	Крем`яний комплекс другого житла верхньопалеолітичного поселення Межиріч <i>The lithic assemblage of the second dwelling of Mezhirich Upper Palaeolithic site.</i>	69
Хлопачев Г.А. <i>Khlopachev G.A.</i>	Абсолютный и относительный возраст стоянки Бугорок: естественно-научные и археологические данные <i>Absolute and relative age of site Bugorok: geological, environmental and archaeological data</i>	81
Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. <i>Gribchenko Yu.N., Kurenkova E.I.</i>	Палеогеографические особенности основных стоянок позднего палеолита бассейна реки Десны (Хотылево, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари) <i>Paleogeographic features of the basic sites of a Late Paleolithic of Desna river basin (Khotylevo, Eliseevichi, Yudinovo, Pushkari)</i>	99
Сапелко Т.В. <i>Sapelko T.V.</i>	Палинология позднепалеолитических памятников Десны <i>Palynology of Late Paleolithic's archeological sites in the Desna river region</i>	117
Саблин М.В. <i>Sablin M.V.</i>	Палеонтология стоянки Юдиново: новые факты, анализ, интерпретация <i>Palaeontology of the Yudinovo site: the new facts, analysis, interpretation</i>	133
	Відомості про авторів <i>Contributors</i>	151

ПЕРЕДМОВА

Територія Середньодніпровського басейну є одним з найбагатших на палеолітичні пам'ятки регіоном, що охоплює Північно-Східні області України і Західні області Європейської Росії. Будучи добре забезпеченою кам'яною сировиною та фауністичними ресурсами, ця територія була дуже привабливою для давньої людини. Саме в цьому регіоні зосереджені все-світньо відомі палеолітичні пам'ятки з житлами з кісток мамонта та унікальними зразками мистецтва епохи кам'яного віку, як такі що досліджувалися в попередньому столітті, так і виявлені в останні роки. Не дивлячись на те, що за більш ніж столітню історію дослідження верхнього палеоліту Середнього Подніпров'я, він неодноразово ставав предметом ґрунтовних публікацій, дослідження генезису, специфіки пам'яток та з'ясування їх культурно-хронологічної позиції продовжують бути ключовими задачами. Саме дослідженню цих питань верхнього палеоліту і насамперед епігравету Середньодніпровського басейну був присвячений міжнародний проект «Середньодніпровська етнокультурна спільність: структура та крос-культурні зв'язки». Цей проект мав на меті, завдяки кооперації українських та російських учених комплексно дослідити різнотипові пам'ятки Середньодніпровської етнокультурної спільності, які розташовані, як на території України, так і на території Росії.

Перші дві статті збірки — **Ступак Д.В., Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Комар М.С.** Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння та **Васильев П.М.** Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Погон (2011-2013 гг.) присвячені комплексним дослідженням пам'яток, які вірогідніш за все, відіграли ключову роль у формуванні епігравету регіону і насамперед Подесення. Це є перші узагальнюючі роботи в яких висвітлюються результати вивчення нововиявленої стоянки

Оболоння — першої в Деснянському регіоні стоянки з яскравими оріньякськими рисами в кам'яному комплексі та стоянки Погон — однієї з найбільш специфічних пам'яток Пушкарівського типу.

Дві наступні — **Шидловський П.С., Нужний Д.Ю., Пеан С.** Производственный инвентарь участка культурного слоя на юг от первого межиричского жилища та **Нужний Д.Ю.** Крем'яний комплекс другого житла верхньопалеолітичного поселення Межирич, присвячені, насамперед, дослідженням особливостей крем'яних комплексів ключового для розуміння особливостей специфіки епігравету регіону поселення Межирич.

В статті **Хлопачева Г.А.** Абсолютный и относительный возраст стоянки Бугорок: естественно-научные и археологические данные досліджуються з залученням сучасних даних особливості однієї з найпізніших епіграветських стоянок Середньодніпровського регіону — Бугорок.

Роботи **Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова** Палеогеографические особенности основных стоянок позднего палеолита бассейна реки Десны (Хотылево, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари) і **Т.В. Сапелко** Палинология позднепалеолитических памятников Десны є підсумком багаторічних палеогеографічних та палінологічних досліджень верхньопалеолітичних пам'яток, насамперед російської частини Подесення.

В роботі **Саблина М.В.** Палеонтология стоянки Юдиново: новые факты, анализ, интерпретация висвітлюються нові палеонтологічні дані, зроблені насамперед на матеріалах останніх досліджень Юднівської стоянки.

Сподіваємось матеріали запропонованих у цій збірці статей будуть цікавими не тільки спеціалістам, а й усім, хто цікавиться давньою історією.

Ступак Д.В., Хлопачев Г.А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Территория Среднеднепровского бассейна является одним из самых богатых палеолитическими памятниками регионом, охватывающим Северо-Восточные области Украины и Западные области Европейской России. Будучи хорошо обеспеченной каменным сырьём и фаунистическими ресурсами, эта территория была очень привлекательной для древнего человека. Именно в этом регионе сосредоточены всемирно известные палеолитические памятники с жилищами из костей мамонта и уникальными образцами искусства эпохи каменного века, как такие, которые исследовались в предыдущем веке, так и обнаруженные в последние годы. Несмотря на то, что за более чем столетнюю историю исследования верхнего палеолита Среднего Приднепровья, он неоднократно становился предметом фундаментальных публикаций, исследования генезиса, специфики памятников и выяснения их культурно-хронологической позиции продолжают быть ключевыми задачами. Именно исследованию этих вопросов верхнего палеолита и в первую очередь эпиграветта Среднеднепровского бассейна был посвящён международный проект «Среднеднепровская этнокультурная общность: структура и кросс-культурные связи». Этот проект имел целью, благодаря кооперации украинских и российских ученых комплексно исследовать разнотипные памятники Среднеднепровской этнокультурной общности, которые расположены, как на территории Украины, так и на территории России.

Первые две статьи сборника — **Ступак Д.В., Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Комар М.С.** *Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння* и **Васильев П.М.** *Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Погон (2011-2013 гг.)* посвящены комплексным исследованиям памятников, которые, вероятнее всего, сыграли ключевую роль в формировании эпиграветта региона и прежде всего Подесеня. Это первые обобщающие работы в которых освещаются результаты изучения недавно

открытой стоянки Оболоння - первой в Деснянском регионе стоянки с яркими ориньякскими чертами в каменном комплексе и стоянки Погон - одной из наиболее специфических среди памятников Пушкарёвского типа.

Две следующие — **Шидловский П.С., Нужный Д.Ю., Пеан С.** *Производственный инвентарь участка культурного слоя на юг от первого межиричского жилища* и **Нужный Д.Ю.** *Крем'яний комплекс другого житла верхньопалеолітичного поселення Межирич*, посвящены прежде всего исследованию особенностей кремневых комплексов ключевого для понимания особенностей специфики эпиграветта региона поселения Межирич.

В статье **Хлопачева Г.А.** *Абсолютный и относительный возраст стоянки Бугорок: естественно-научные и археологические данные* исследуются с привлечением современных данных особенности одной из позднейших эпиграветтских стоянок Среднеднепровского региона - Бугорок.

Работы **Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова** *Палеогеографические особенности основных стоянок позднего палеолита бассейна реки Десны (Хотылево, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари)* и **Т.В. Сапелко** *Палинология позднепалеолитических памятников Десны* являются итогом многолетних палеогеографических и палинологических исследований верхнепалеолитических памятников, прежде всего российской части Подесеня.

В работе **Саблина М.В.** *Палеонтология стоянки Юдиново: новые факты, анализ, интерпретация* освещаются новые палеонтологические данные, сделанные прежде всего на материалах последних исследований Юдиновской стоянки.

Надеемся материалы предложенных в этом сборнике статей будут интересны не только специалистам, но и всем, кто интересуется древней историей.

Ступак Д.В., Хлопачев Г.А.

НОВА ВЕРХНЬОПАЛЕОЛІТИЧНА СТОЯНКА ОБОЛОННЯ¹

В статті висвітлюються матеріали досліджень нововиявленої верхньопалеолітичної стоянки Оболоння у Подесенні.

Ключові слова: Східна Європа, Середнє Подесення, верхній палеоліт, епіоріньяк, гравет, епігравет, наконечники типу Істюрц.

Стоянка Оболоння була відкрита у 2010 році в самому центрі с. Оболоння, Коропського району, Чернігівської області. Вона знаходиться в приблизно 12-15 км нижче по Десні від стоянок Бужанка 1 та Бужанка 2 і є найпівденнішою стоянкою, відомою на сьогодні у Середньому Подесенні (рис. 1).

Стоянка була відкрита випадково під час господарських робіт по облаштуванню свердловини для води в котельні місцевої школи. Серед кісток викопних тварин, кременів та кісткового вугілля найцікавішою виявленою знахідкою є бивень з гравіюванням. Він безперечно належить до найяскравіших витворів палеолітичного мистецтва (Ступак 2010, с.169-178; 2011, с.51-68; Ступак, Хлопачев 2012, с.103-105).

Слід відмітити, що знахідки кісток та оброблених кременів траплялись біля с. Оболоння і раніше. Так, знахідки кісток мамонта

біля села були відомі, як мінімум, з кінця XIX століття (Смоличев 1925). Основна кількість відомих раніше мамонтових кісток походить з правого берега старого русла Десни. У 1937 р. Ю.С. Виноградським на околиці села, на правому березі Десни, під терасою висотою близько 6 м були зібрані кістки мамонта та інших тварин. Знахідки кісток траплялись на протязі 1 км. Окрім кісток ним були виявлені 3 крем'яні різці (Виноградський 1937, с.5,6,9,10). У Сосницькому краєзнавчому музеї ім. Ю.С. Виноградського зберігається бивень, орнаментований рядами діагонально нанесених насічок (Виноградський 1955, с.86-88). Пізніше, територію, де був знайдений орнаментований бивень - біля паромної переправи на лівий берег, та ділянки тераси правого берега Десни поруч, були оглянуті дослідниками у 1965 році, але палеолітичні рештки не були знайдені (Гладких, Толочко, Шовкопляс 1967, с.207). Ця місцевість розташована приблизно в 1,5 км на захід від стоянки.

¹ Робота виконана в межах проекту НАНУ №07-06-12 (У) – РФФД №12-06-90400-Укр-а.

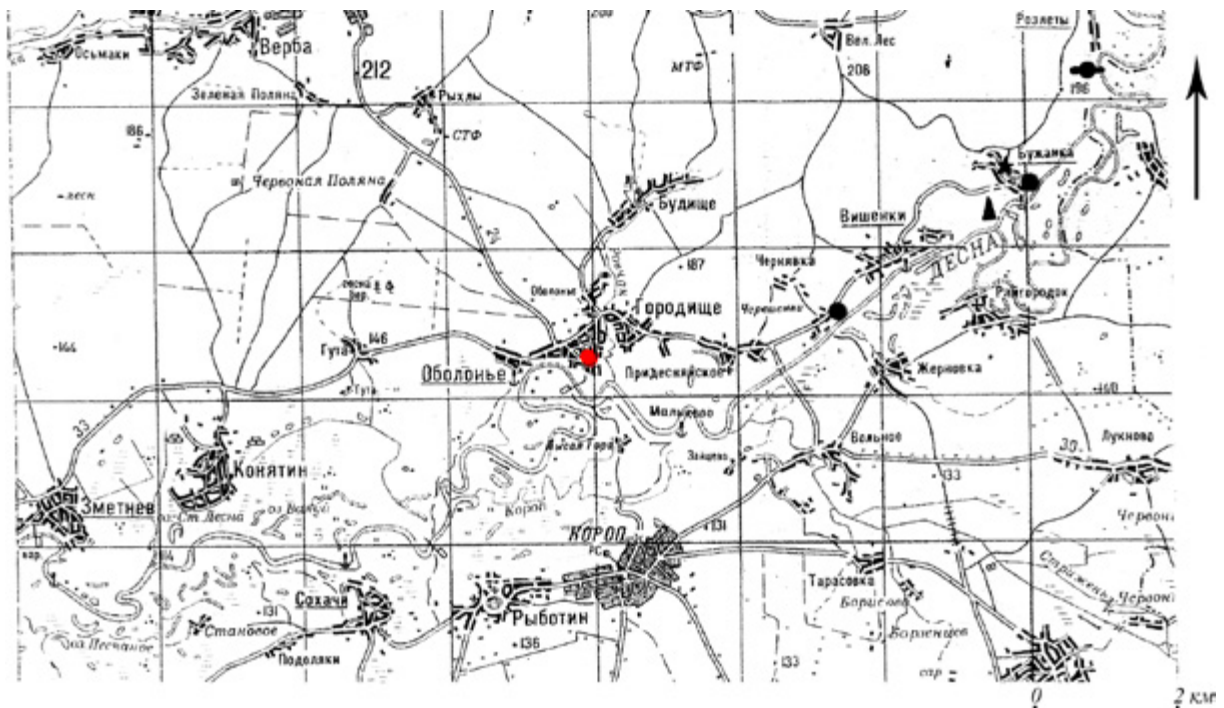

Рис. 1. Карта розташування стоянки Оболоння та стоянок Бужанка 1 і 2 та місця виходів кременю та кварциту.

Умовні позначення: ● - стоянка Оболоння; ▲ - стоянка Бужанка 1; ★ - стоянка Бужанка 2;
● - місце виходів кременю та кварциту; ● - місце виходів кварциту.

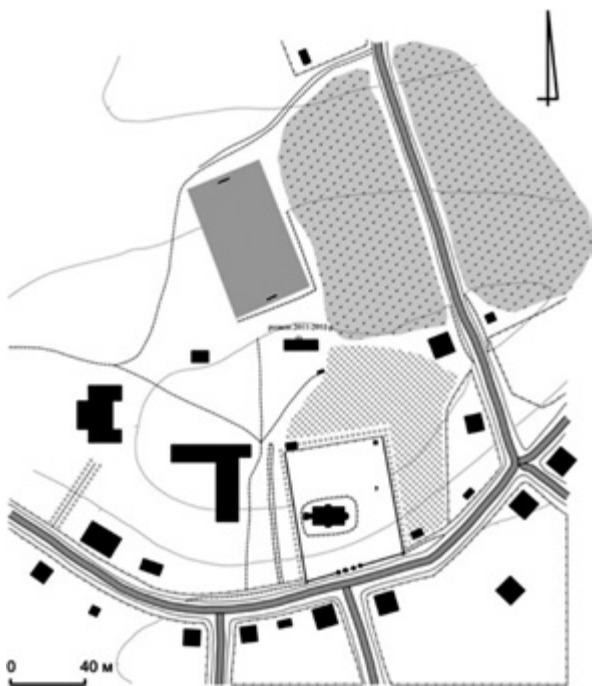

Рис. 2. План розташування стоянки Оболоння та розкопу.

Пам'ятка займає найвищу точку мису, утвореного Десною та її правою притокою – річкою Бистрицею (рис. 2). Стоянка розташована на високій ділянці піщаної тераси Десни. Ця обмежена ділянка має відносне підвищення близько 3-4 м над рівнем першої надзаплавної тераси. Можна припускати, що вона являє собою останець другої тераси. У будові тераси переважають піщані відкладення, створюючи декілька фаціальних пачок. На низьких геоморфологічних рівнях першої тераси і високої заплави, покривні комплекси представлені супісками і суглинками з значним вмістом піску. На відміну від них, в будові стояночного рівня покривна товща представлена дрібно- та середньозернистими пісками, переробленими ґрунтовими процесами, що відображено досить потужною ортзандовою товщею.

Опис південної стінки по лінії Т (рис. 3). Опис та глибини подаються по центральній частині розрізу від умовного 0. (Опис зроблений Ю.М. Грибченко).

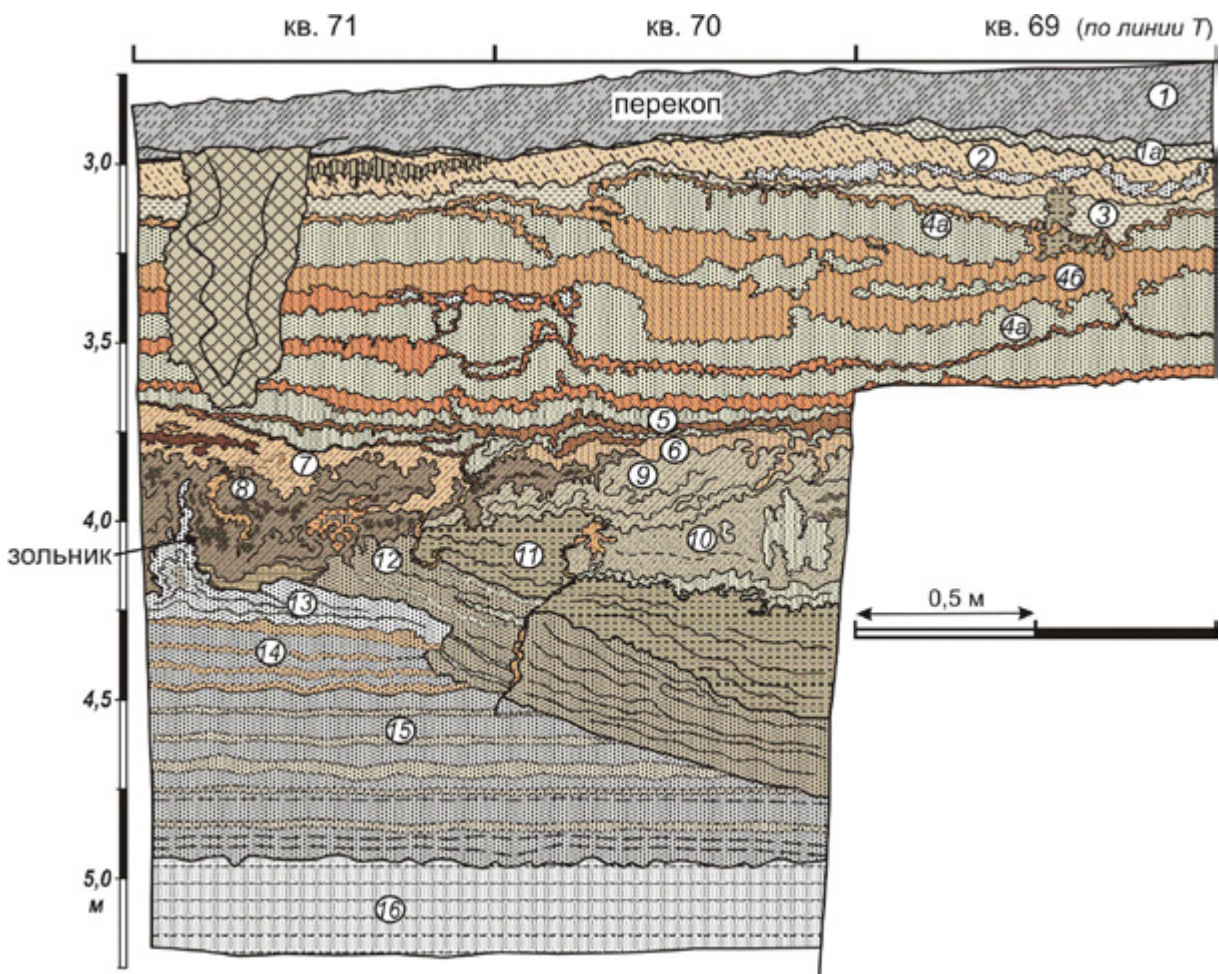

Рис. 3. Стоянка Оболоння стратиграфія по південній стінці розкопу (за Ю.М. Грибченко).

№ шару	Відклади	Потужність, м	Глибина, м (від 0)
1.	Перекоп. Включає два рівня. Рівень 1а (потужністю до 5 см) представлений більш однорідним супіском.	0,25	2,95
2.	Пісок коричнево-сірий, дрібнозернистий, алевритовий, щільний, неоднорідний. У квадраті 71, у середній частині шару, простежується рівень слабо вираженої гумусированості. В кв. 69 хвилясті лінзи світло-сірого піску. Нижній контакт шару хвилястий, чіткий.	0,10	3,05
3.	Супісок світло-сірий, щільний, насичений піском, неоднорідний. Потужність шару не витримана, змінюється від 2 до 8 см. нижній контакт чіткий, нерівний, хвилястий. Підкреслений тонким коричневим ортзандовим прошарком.	0,10	3,15
4.	Піщаний ортзандовий горизонт. Представлений нерівними чергуваннями піску жовтувато-сірого, світлого, пилуватого (горизонти 4а), з великими хвилястими і ступінчастими ортзандовими прошарками буро-коричневого і темно-коричневого кольору (горизонти 4б). Ортзанди представлені глинистими озалізненими пісками. Товщина прошарків від 1-2 см до 10-15 см. Великі ортзанди нерівні, крупнохвилясті, ступінчасті. По розповсюдженню переходять в тонкі, розгалужені.	0,50	3,65
5.	Нижній рівень ортзандового горизонту. Пісок світлий, жовтуватий, дрібнозернистий, чергується з прошарками темно-коричневих ортзандів. Нижній ортзанд щільний, озалізнений, хвилястий.	0,10	3,75
6.	Супісок коричнево-сірий , щільний, неоднорідний. Містить численні включення і дрібні лінзи бурого озалізнення. Шар представлений тільки в правій частині розрізу. У лівій частині (кв. 71) заміщається шаром 8.	0,05	3,80
7.	Суглинок коричнево-сірий , озалізнений, неоднорідний, містить включення темно-коричневого озалізненого піску. Шар деформований і не витриманий по потужності. Нижній контакт нерівний, поступовий.	До 0,15	3,85
8.	Суглинок бурувато-сірий , щільний, неоднорідний, гумусований, насичений піском. Шар порушений складними кріогенними деформаціями. У шар проникають язика і затьоки з вищерозташованого шару. Містяться численні включення бурого озалізнення і оглеєння. У шарі містяться скупчення і включення зольно-вуглистої матеріалу, дрібні кістки і кремій. У нижній частині суглинку шаруватий з дрібними лінзами піску. У центральній частині розрізу матеріал шару більш шаруватий з лінзами зольника, з нечіткими хвилястими контактами. У правій частині розрізу поступово виклинюється. Потужність шару в структурах до 40 см, а в центральній частині скорочується до 10 см.	0,10	3,95
9.	Суглинок бурувато-сірий , насичений піском, подібний за складом з шаром 8. На окремих ділянках шаруватий, за рахунок тонких лінз і прошарків сірого піску. Нижній контакт чіткий, крупнохвилястий.	0,10	4,05
10.	Піски світло-сірі шаруваті , середньозернисті, пилуваті, з темними тонкими прошарками. У правій частині розрізу велике включення неправильної форми світлого піску, більш сортованого. У середній частині розрізу шар обмежений тонкою озалізненою, субвертикальною жилою, по якій заміщається пісками шару 11. У основі шару нерівна лінза світлого піску.	0,15	4,20
11.	Піски сірі , шаруваті, алевритові, несортвані, з похилими лінзами і тонкими прошарками темних пісків. Шар розірваний озалізненою жилою з відкладень що перекивають. Шар залягає похило з кутом падіння близько 25° на захід. Нижній контакт нечіткий, дрібнохвилястий з глибиною від 4,10 м до 4,55 м (у правій частині розрізу).	0,15	4,35
12.	Піски бурувато-сірі , шаруваті, з тонкими лінзами і прошарками світлого піску. Залягають з нахилом, як і вищерозміщені. Похила ерозійна основа зрізає з уступом нижні шари 13,14,15.	0,20	4,55
13.	Пісок світло-сірий , шаруватий, середньозернистий. Представлений невеликим фрагментом в лівій частині розрізу. У зоні структурних деформацій шару 8 розташований між ними у вигляді складного язика. Залягає на рівні шарів 11 і 12. Нижній контакт чіткий, хвилястий.	0,10	4,30
14.	Нашарування пісків світло-сірих і коричневих, слабо глинистих. Товщина прошарків 3-4 см. нижній контакт поступовий.	0,20	4,50
15.	Піски сірі , шаруваті, з прошарками буруватих пісків товщиною 4-8 см. У нижній частині більш тонка шаруватість. З розгалуженими темними прошарками (3-5 мм), що утворюють пачки. Нижній контакт чіткий, хвилястий.	0,45	4,95
16.	Піски світло-сірі , середньозернисті, сортовані, тонкошаруваті. Шаруватість горизонтальна, слабо виражена, слабохвиляста.	Вид. 0,25	Вид. 5,20

Піщані формації переважають у будові відкладень, що вміщують культурний шар. Підстилаючі відклади представлені різними пачками шаруватих пісків, в яких проявляються ознаки складних деформацій і розмиву. Культурний шар простежується в шарі багатих піском гумусованих суглинків, первинне залягання яких порушено достатньо великими кріогенними структурами, типу плям-медальйонів. Положення деформованих лінз і включень зольної маси, кісток і кременя в кріотурбованій ґрунтовій товщі, свідчить про те, що ці кріогенні деформації могли бути пов'язані з фіналом її формування і періодом деградації багаторічної мерзлоти. Після цього на ділянці розміщення стоянки активізувалися процеси седиментації піщаного матеріалу. Судячи по структурі і складу піщаного комплексу, його формування могло бути пов'язано з еоловими процесами епохи пізньюльдовиків'я.

Визначення генезису різних типів відкладень і співвідношень культурного шару стоянки з горизонтами присутніх формацій, можливо при детальному вивченні їх мікростратиграфії і літолого-фаціальних властивостей. Залишається поки що недостатньо ясною зв'язок складних деформацій порід, що залягають в основі ґрунтово-культурного шару, з кріогенними структурами самого шару і з розміщенням великих кісток мамонта. Характер інтенсивного озалізнєння порід, на рівні культурних знахідок, може бути пов'язаний з більш пізніми процесами початку акумуляції верхньої пачки пісків, або з голоценовими ґрунтовими процесами. Всі ці питання можуть бути вирішені після аналітичної обробки відібраних гранулометричних, палінологічних та мікрофауністичних зразків і під час подальших досліджень пам'ятки.

В даний час район відноситься до лісової зони і характеризується рівнинною територією з незначними гривами і вузькими зниженнями. Тут сформувалися соснові і сосново-дубові ліси, поряд з якими зустрічаються дубово-грабові ліси, які із збільшенням вологості змінюються дубовими і далі вільховими. У цих лісах водяться заєць-русак, вовк, лисиця, єнотовидний собака, видра, куниця лісова, борсук, дикий кабан, козуля, лось. Луки приурочені, головним чином, до понижень численних річок Полісся, зустрічаються стариці і невеликі заплавні озера. У річках і озерах мешкають: плотва, карась, лин, щука, окунь, судак, сом та ін. Болота займають пониження малих річок і реліктові долини (Природа Української РСР. Рослинний світ 1985, 278с.). Переважають

ґрунти дерново-підзолисті, піщані і супіщані, а на території Оболонського ботанічного заказника - ґрунти лугового типу, насамперед лугові і дерново-глейові супіщані і піщані, а в пониженнях – лучно-болотні.

Інформація про сучасні умови досліджуваної території приведена не випадково. Порівняння цих даних з результатами, отриманими за допомогою палінологічного аналізу, може допомогти при встановленні ступеня зміни рослинності і ландшафтів в часі. А висновки щодо характеру рослинного покриву і клімату дозволять охарактеризувати середовище проживання пізньюпалеолітичної людини.

Саме з метою отримання інформації про палеогеографічні умови часу існування стоянки Оболоння, з осадків що вміщують культурний шар і тих, що залягають нижче були відібрані зразки на палінологічний аналіз (рис.4).

Підготовка зразка до аналізу проводилася за стандартною методикою Гричука В.В. з деякими змінами (Комар 2006, с.223-231). Щоб виключити спотворення викопних паліноспектрів за рахунок можливого засмічення сучасними паліноморфами, процедура ацетоліза не використовувалася (Комар 2011, с.74). Процентний вміст окремих таксонів вираховувався по відношенню до загальної суми ($AP + NAP + P$), до складу якої входять дерева і чагарники (AP), чагарнички і трав'янисті (NAP), а також спори (P). Із загальної суми виключені водні та прибережно-водні рослини, а також невизначені ($Varia$). Їх процентний вміст підраховувався також по відношенню до загальної суми. Процентний вміст основних груп виділених $L\ PAZ$ показано на (рис. 5).

За результатами палінологічного аналізу виділені паліноспектри можна об'єднати в три локальні пилкові зони ($L\ PAZ$). $L\ PAZ\ O-1$ - зр. 16-13, $L\ PAZ\ O-2$ - 21-18 і 12-10, $L\ PAZ\ O-3$ - зр. 17 і 9-5. Віднесення зразків до тієї чи іншої $L\ PAZ$ проводилося на основі подібності складу паліноспектрів. У зразках 4-1 мікрофітофосилії виявлені в незначній кількості і ці зразки не віднесено до жодної палінозони. Опис $L\ PAZ$ приведено знизу вгору.

Перша $L\ PAZ$ відповідає нижній частині дослідженої товщі. Відсоток пилку деревних і чагарників у загальному складі спектрів становить у середньому 21%. Основу пилку деревних становить пилко хвойних (*Pinus sylvestris* L., *Pinus cembra* L., *Picea*). Зустрінуті 2 пилкових зерна *Larix*. З листяних в спектрах присутній пилко беріз двох секцій *Alba* і *Nanae* et *Fruticosae*, вільхи (*Alnus*), верби (*Salix*).

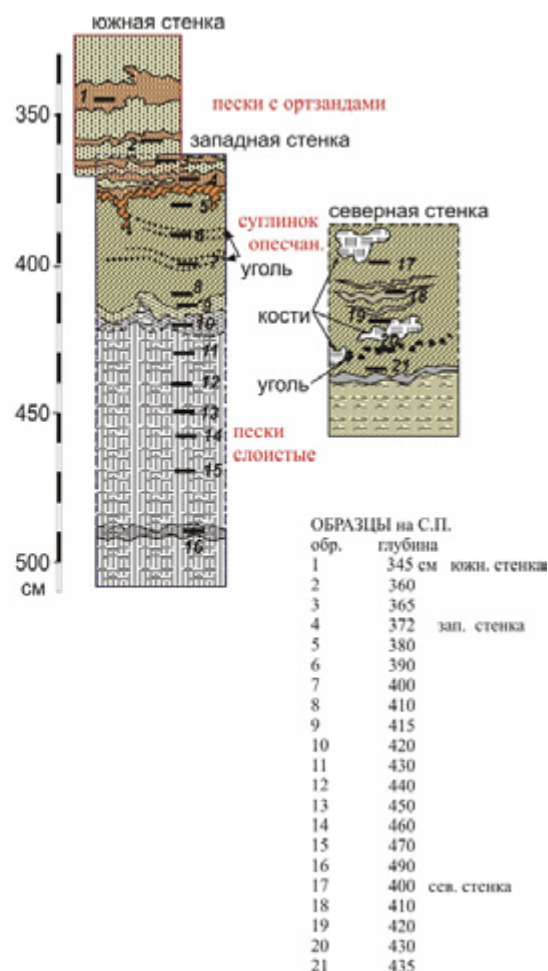

Рис. 5. Схема відбору зразків на палинологічний аналіз.

Виявлені нечисленні пилкові зерна обліпихи (*Hippophae rhamnoides* L.), вересових (*Calluna vulgaris* L. та ін.).

У групі трав'янистих переважає пилок сімейств Сурегасеае, Роасеае, Ранункуласеае (у тому числі роду *Thalictrum*). Відзначається присутність пилку сімейств Астерасеае (у тому числі роду *Artemisia*), Сеноподіасеае, Сариофілласеае, Онуграсеае, Саксифрагасеае.

Визначено спори Polypodiaceae gen indet., *Lycopodium clavatum* L., *Botrychium boreale* (Fr.) Milde., *Selaginella selaginoides* (L.) Link., *Sphagnum*, *Equisetum* і Bryales. У трьох зразках зустрінуто пилок водних та прибережно-водних рослин (*Sparganium*, *Typha*), в них же визначені зелені водорості роду *Pediastrum* (*Pediastrum duplex* Meyen., *P. kawraiskyi* Schmidle, *P. boryanum* Menegh.).

Процентний вміст мікрофітофосилій основних груп L PAZ O-2 наступний: AP - 20%, NAP - 72%, P - 8%. Основна відмінність спектрів цієї локальної зони від попередньої в зникненні палиноморф наступних таксонів: *Picea*, *Larix*, *Calluna*, *Sparganium*, *Typha*, Polypodiaceae gen indet., *Sphagnum*, *Equisetum* і появи *Alnus fruticosa* (Rupr.) Ledeb. (*Alnus*

viridis subsp. *Fruticosa* (Rupr.) Nyman) і *Armeria* Willd. Не виявлені також зелені водорості.

Зникнення зі складу спектрів пилку мезофільних, а також гігро- і гідрофільних рослин може вказувати як на збільшення сухості клімату, так і на зміну положення берегової лінії. Можливо, накопичення відкладень нижньої частини розрізу відбувалося або в прибережній частині водойми, або ця територія періодично затоплювалася. Крім цього, результат застосування методу «кліматогам» свідчить про деяке зниження мінімальних температур як літніх, так і зимових.

AP - 12%, NAP - 73%, P - 15% - такий процентний вміст мікрофітофосилій основних груп L PAZ O-3. У спектрах цієї зони зустрінуто пилок наступних деревних і чагарників: *Pinus sylvestris* L., *P. cembra* L., *Betula* sect. *Alba* і *Nanae et Fruticosa*, *Salix*.

У складі трав'янистих істотних змін не зафіксовано, хоча слід відзначити появу в спектрах одиничних пилових зерен дріади восьмипелюсткової (*Dryas octopetala* L.), а у складі спорових *Huperzia selago* (L.) Bernh. ex Schrank & Mart.

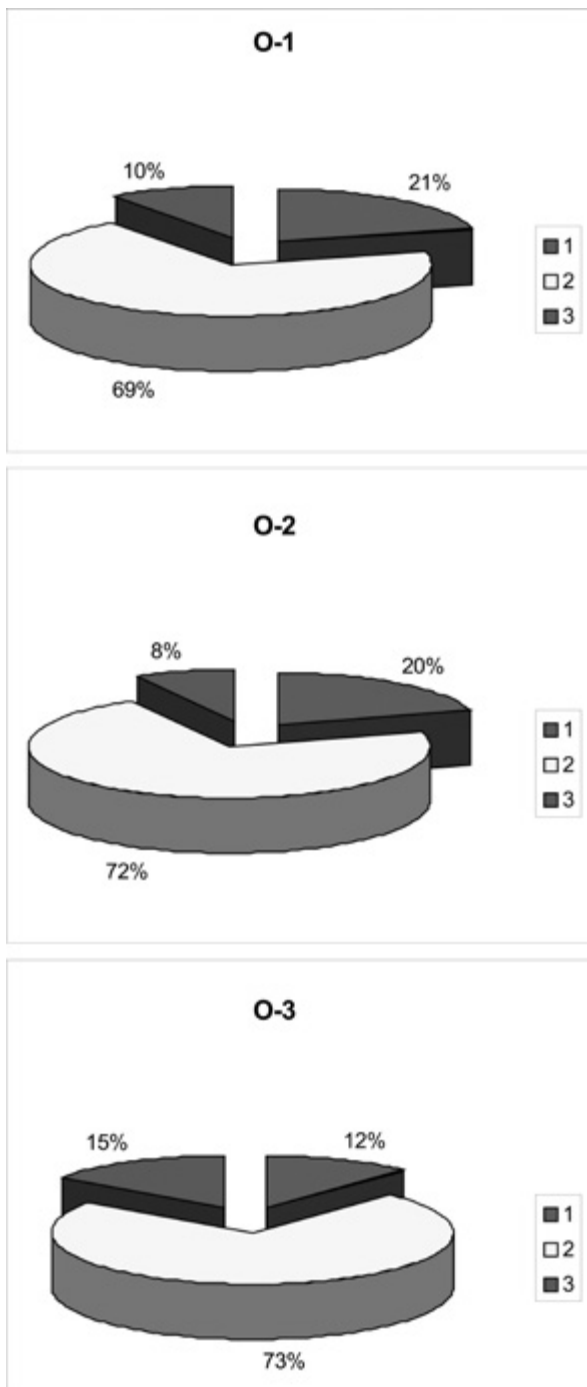

Рис. 5. Циклограми відсоткового вмісту основних груп виділених L PAZ. 1 – дерева та чагарники; 2 – чагарнички та трави; 3 – спори.

У зразках 4-1 присутні нечисленні пилкові зерна наступних таксонів: *Pinus sylvestris*, *P. cembra*, *Betula* sect. *Alba*, *Cyperaceae*, *Poaceae*, *Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Bryales*.

Реконструйовані значення температур січня (МТС) і липня (МТЛ) для часу накопичення верхньої частини розрізу вказують на збільшення діапазону змін, а також на зниження мінімальних зимових, але підвищення максимальних літніх температур. Це може свідчити про збільшення континентальності клімату (рис. 6).

Якщо проаналізувати склад паліноспектрів, можна помітити, що рослинність часу осадконакопичення була екологічно неоднорідною. У її складі були присутні гіпоарктичні мезофіти, характерні для сучасних тундр (*Betula* sect. *Nanae* et *Fruticosae*, *Botrychium boreale*, *Selaginella selaginoides* та ін), ксерофіти (*Armeria*, *Artemisia*, частина злакових і лободових), психрофіти – рослини, що ростуть на вологих та холодних ґрунтах півночі і високогір'я (*Dryas octopetala*). Лісову рослинність становили представники бореального, березнякового, вільшаннікового і вербового ценогенетичного комплексів. Таким чином, можна зробити висновок про існування мозаїчного рослинного покриву з ділянками паркової тундри і перигляціального степу.

У послідовній зміні паліноспектрів зафіксовані зміни рослинного покриву, пов'язані з похолоданням і аридизацією клімату. Очевидно, осадконакопичення досліджуваної товщі розрізу відбувалося в інтервалі 24-17 тис. років, тобто у часовому відрізку, що відповідає мікротермалу – часу дуже холодного континентального клімату (Красилів та ін. 1985, 148 с.; Verpoorte 2009, p.77-85).

Розкопки стоянки розпочалися у 2011 р. На сьогодні досліджено 12 кв.м площі. Розкоп 3Х4 м розташований за стіною котельної школи, в 2 м від стіни і 9 м від східного кута котельної (рис. 2). Від південної стінки розкопу до місця виявлення кісток мамонта та інших археологічних решток у самій котельній, під час облаштування свердловини для води, приблизно 3 м.

Культурний шар залягає у самих верхах суглинку. На дослідженій ділянці він сильно пошкоджений постдепозиційними процесами. Окремі кремені зустрічались у шарі розташованому вище. Матеріал починає активно зустрічатись з глибини 3,60 м від репера (1,15 м від денної поверхні). У західній частині розкопу було виявлено природне падіння і потовщення у західному напрямку шару суглинку. У його південній частині мешканцями стоянки була зроблена невелика яма, заповнена фрагментами кісток, переважно мамонта та крем'яними і кварцитовими знаряддями та відходами їх виробництва. Більш інтенсивно наповнена знахідками і зокрема знаряддями, східна частина розкопу. Так, у південно-східному куті розкопу виявлений завал з великих кісток мамонта (*Mammuthus primigenius*) (Тут і надалі визначення Л. Демей (Інститут палеонтології людини, Париж, Франція)). Основу завалу складає великий фрагмент тазової, велика

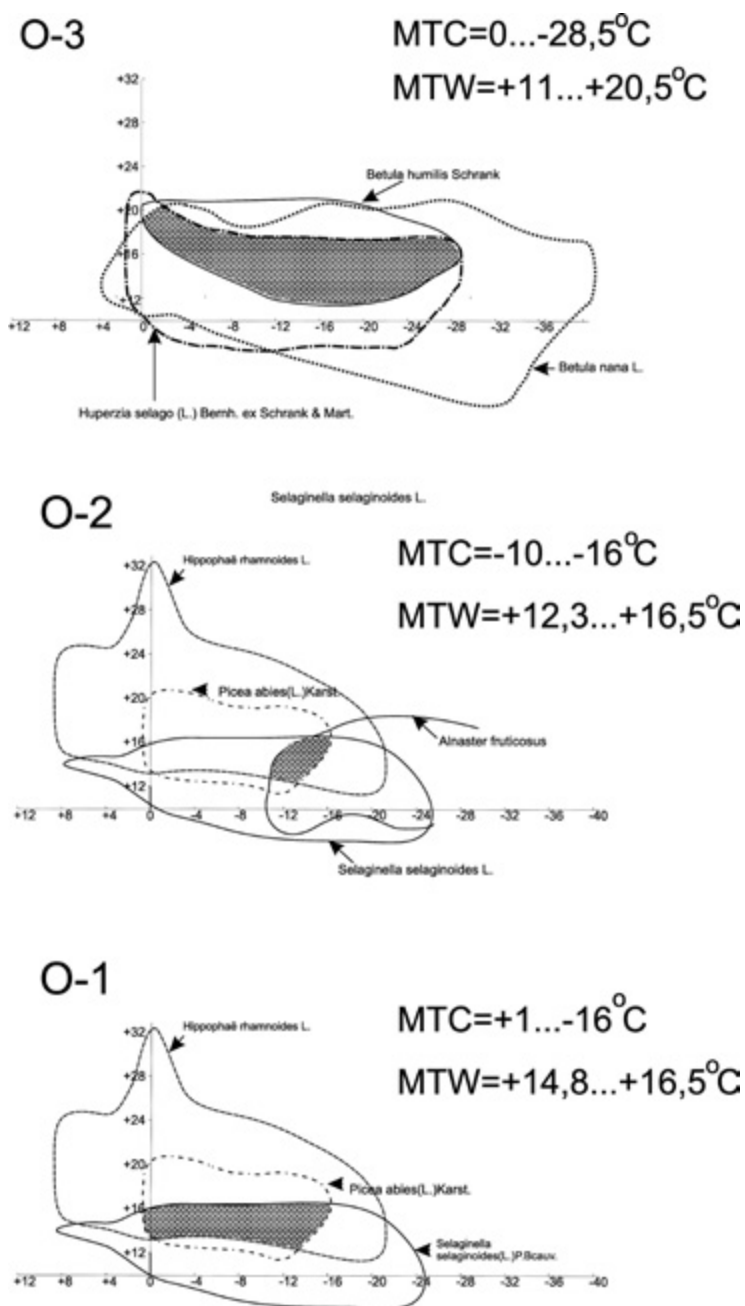

Рис. 6. Кліматограми реконструйованих температур самого холодного (MTC) і самого теплого (MTW) місяців.

трубчаста кістка та, як мінімум, три бивні мамонта, які мають дуже погану збереженість. Ці кістки перекрили насичену знахідками ділянку культурного шару, що сягає до 0,10 м товщини. У північно-східному куті розкопу був знайдений череп молодого мамонта, який був розташований зубами догори. Він має погану збереженість оскільки значною своєю частиною знаходився у піску. В процесі розкопок в культурному шарі часто зустрічались дрібні фрагменти та плями червоної та рідше рудої вохри. Також траплялись дрібні фрагменти пісковика, переважно пісковикових дрібних плиточок, які, вірогідно, використовувались для абразивної обробки.

Для стоянки отримані дві радіовуглецеві дати. Перша, отримана по трубчастій кістці мамонта, знайдений під час земляних робіт в котельній - SPb_442 : 15200 $\pm$ 200 ВР. Друга, отримана по трубчастій кістці мамонта, що була виявлена під час розкопок у східній частині розкопу – Ох – 28035 20730 $\pm$ 120 ВР.

Більшість фауністичних решток має дуже погану збереженість. Насамперед це стосується тих кісток, які були розташовані у піску, або на межі піску і суглинку. Більш задовільну і навіть гарну збереженість мають кістки, знайдені у суглинку. Згідно попереднього аналізу більшість кісток належить мамонту (*Mammuthus primigenius*). Окрім решток мамонта виявлені кістки бурого ведмедя (*Ursus arctos*), вовка (*Canis lupus*), лисиці (*Alopex lagopus*) та зайця (*Lepus timidus*).

Кам'яний комплекс, виявлений на стоянці під час розкопок, включає 11553 кам'яних артефактів. Мешканцями стоянки використовувалась дуже різна сировина. Основною був типовий чорний або ж темно-сірий, часто з світло-сірими цятками жовтовий деснянський кремій. Найближчі відомі нам поклади такої сировини знаходяться за 15-20 км вище по Десні, біля с.Розлети (рис. 1). Окрім місцевого кременю значними частками представлений канівський, розповсюджений на палеолітичних стоянках Середнього Подніпров'я і смугастий рудо-білий кремій. Походження останнього нам не відоме. Більша

частина крем'яних знахідок не патинована, частина виробів вкрита біло-блакитною патиною. Окрім кременю на стоянці використовувався високоякісний дрібнозернистий кварцит. Найближчі поклади такої сировини відомі за 6 км вище по Десні, біля с.Черешеньки. Наявний такий кварцит і за 12 км вище по Десні, біля с.Бужанка та біля с. Розлети, там же, де і кремій (рис. 1).

Всього виявлено 9548 (82,6%) крем'яних та 2005 (17,4%) кварцитових знахідок (табл. 1).

Якщо не враховувати лусочки, яких знайдено 7875 крем'яних та 1684 кварцитових, то серед 1994 виробів крем'яні складають 1673 (83,9%), а кварцитові – 321 (16,1%).

Таблиця 1. Типологічне співвідношення кам'яних виробів.

НАЗВА ВИРОБУ	кремій	кварцит
Пренуклеус	1	
<u>Нуклеуси:</u> Одноплощадкові	19	
Двоплощадковий біпоздовжній	1	
Двоплощадкові біпоздовжньо-суміжні	3	
Двоплощадкові біпоздовжньо-альтернативні	2	
Двоплощадковий поперечний	1	
Уламки нуклеусів	6	1
Платівки корочні та з природних ребер конкрецій	31	4
Платівки реберчасті двосторонні	5	
Платівки реберчасті односторонні	36	2
Платівка з попеременно сформованим ребром	1	
Платівки поздовжньо-реберчасті	10	
Платівки з різноспрямованими негативами	10	2
Платівка з поперечними негативами		1
Відщепи реберчасті	14	
Скол поздовжній формування бічної поверхні нуклеусу	1	
Скол поперечний формування бічної поверхні нуклеусу	1	
Сколів поперечних переоформлення нуклеусів	2	
Сколи формування та підживлення площадок нуклеусів	22	1
Платівки	563	165
Відщепи зняті з робочих поверхонь нуклеусів	21	
Відщепи	565	99
Лусочки (≤ 15 мм)	7875	1684
Невизначимі уламки сколів	17	9
Уламки	23	15
Вироби з вторинною обробкою та відходи їх виробництва		
Оснащення метальної зброї	13	
<u>Різці:</u> Бічні на платівках	10	
Бічний двосторонній на платівці	1	
Бічний на платівці комбінований із серединним	2	
Бічний на платівці комбінований із кутовим	1	
Бічний на платівці комбінований із проколкою	1	
Серединні на платівці	6	
Серединний двосторонній на платівці	1	
Серединний комбінований з кінцевою скребачкою	1	
Серединний на відщепі	1	
Серединний на уламку сколу	1	
Серединний на уламку кременю	1	
Кутові на платівках	4	
Кутовий двосторонній на платівці	1	
Кутові на відщепі	2	

Таблиця 1 (продовження). Типологічне співвідношення кам'яних виробів.

НАЗВА ВИРОБУ	кремій	кварцит
Кутовий комбінований з скребачкою пласкою з носиком	1	
Уламок різця на платівці	1	
<u>Скребачки</u>		
Скребачки високі з носиком на відщепі чи уламках	6	2
Скребачка висока з носиком подвійна	1	
Скребачка висока з носиком на спрацьованому нуклеусі	1	
Скребачка висока з носиком на платівці	1	
Скребачка висока	2	
Скребачки пласкі з носиком на відщепі	4	1
Скребачки пласкі з носиком на платівках	2	
Скребачка з носиком подвійна	1	
Скребачка подвійна на уламку	1	
Скребачка кінцева на платівці	1	
Скребачка кінцева на відщепі	1	
Скребачка бокова на відщепі	1	
Проколка на платівці	1	
Платівки діагонально тронковані	3	
Платівка поперечно тронкована	1	
Платівки з ретушню	120	16
Відщепи з ретушню	19	2
Уламок кременю з ретушню	1	
Невизначимі уламки виробів з ретушню	13	1
Різцеві сколи	90	
РАЗОМ	9548	2005
У тому числі з вторинною обробкою	228	22

Серед крем'яних знахідок (без урахування лусочок) платівки та їх уламки та вироби з вторинною обробкою на платівках складають 827 (49,4%). Більшість цілих крем'яних платівок мають довжину менше 5 см. Слід зауважити, що достатньо значна кількість платівок має біпоздовжні негативи.

Серед кварцитових знахідок (без урахування лусочок) платівки та їх уламки і вироби з вторинною обробкою на платівках складають 190 (59,1%). Вони більш масивні, ніж крем'яні. Цілих кварцитових платівок набагато менше, ніж крем'яних.

Всього виявлено 250 виробів з вторинною обробкою, що становить 12,5% від усіх крем'яних та кварцитових знахідок без урахування лусочок. Для виготовлення знарядь в першу чергу використовувався кремій. Виробів з кременю – 228. Це 13,6% від крем'яних знахідок без урахування лусочок. Кварцитових знахідок з вторинною обробкою – 22, що ста-

новить 6,8% від виробів з кварциту без урахування лусочок. Виходячи з відсоткових показників (13,6% проти 6,8%), можна сказати, що кремій використовувався удвічі ефективніше для виготовлення знарядь, аніж кварцит.

Більш різноманітним є набір виробів з вторинною обробкою, виготовлених з кременю (табл. 1). До мікролітів нами віднесено 13 знахідок (рис. 7.1-11; 8.1,2). Переважно це уламки виробів. Для виготовлення мікролітів використовувалась в першу чергу дуже дрібна стрімка та напівстрімка ретуш, яка, як правило, не заходила глибоко в тіло платівки і майже не змінювала обриси заготовок. На частині виробів застосована вентральна ретуш.

Різців та їх уламків знайдено – 35 (табл. 1). Шіснацять різців є бічними, виготовленими на платівках (рис. 7.13,14,15,20,22; 8.3,5,7,8,10,11,13). Серед них один двосторонній (рис. 8.10), два комбіновані з серединними (рис. 7.13; 8.11), один комбінований з кутовим

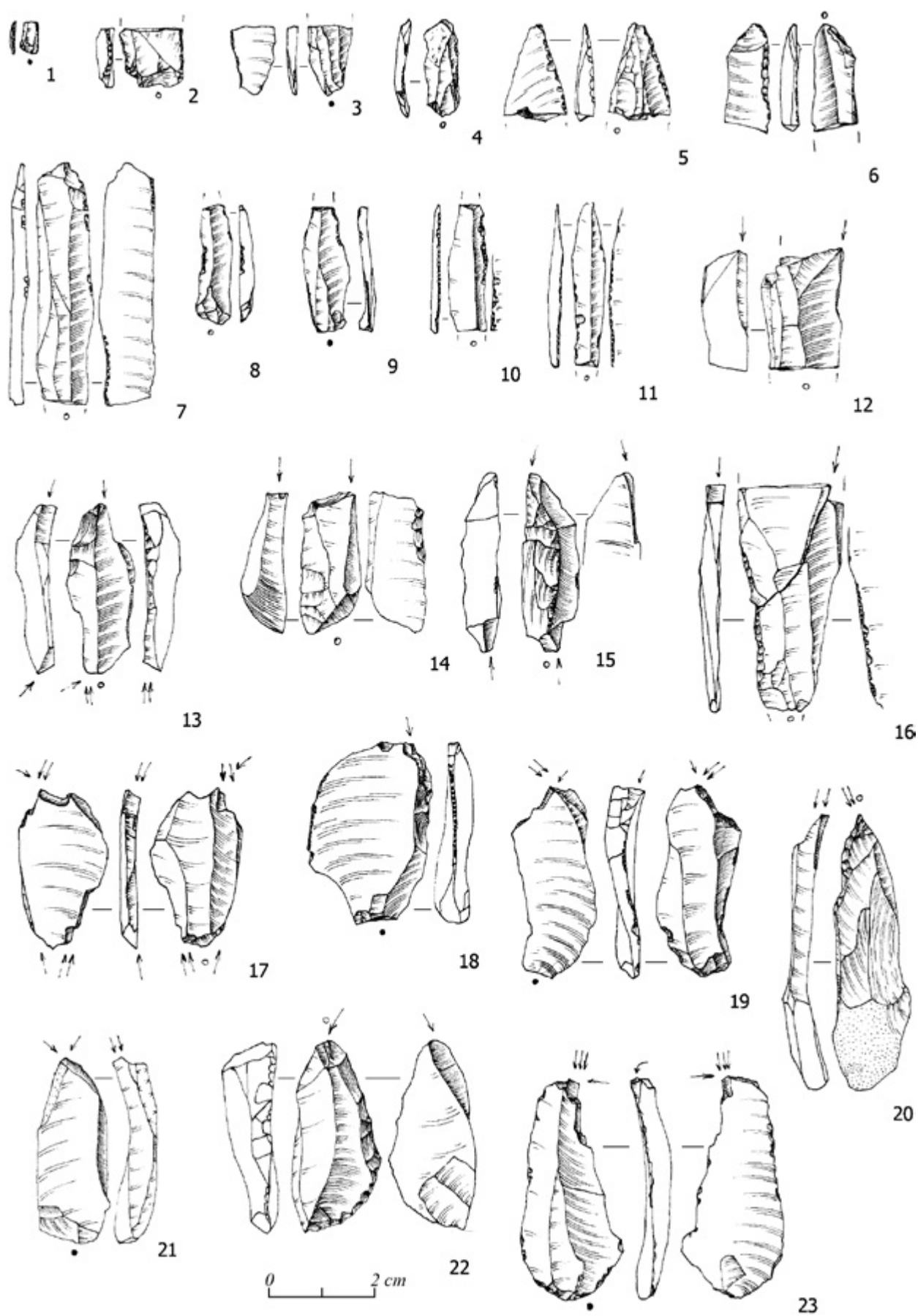

Рис. 7. Мікроліти (1-11) та різці (12-23).

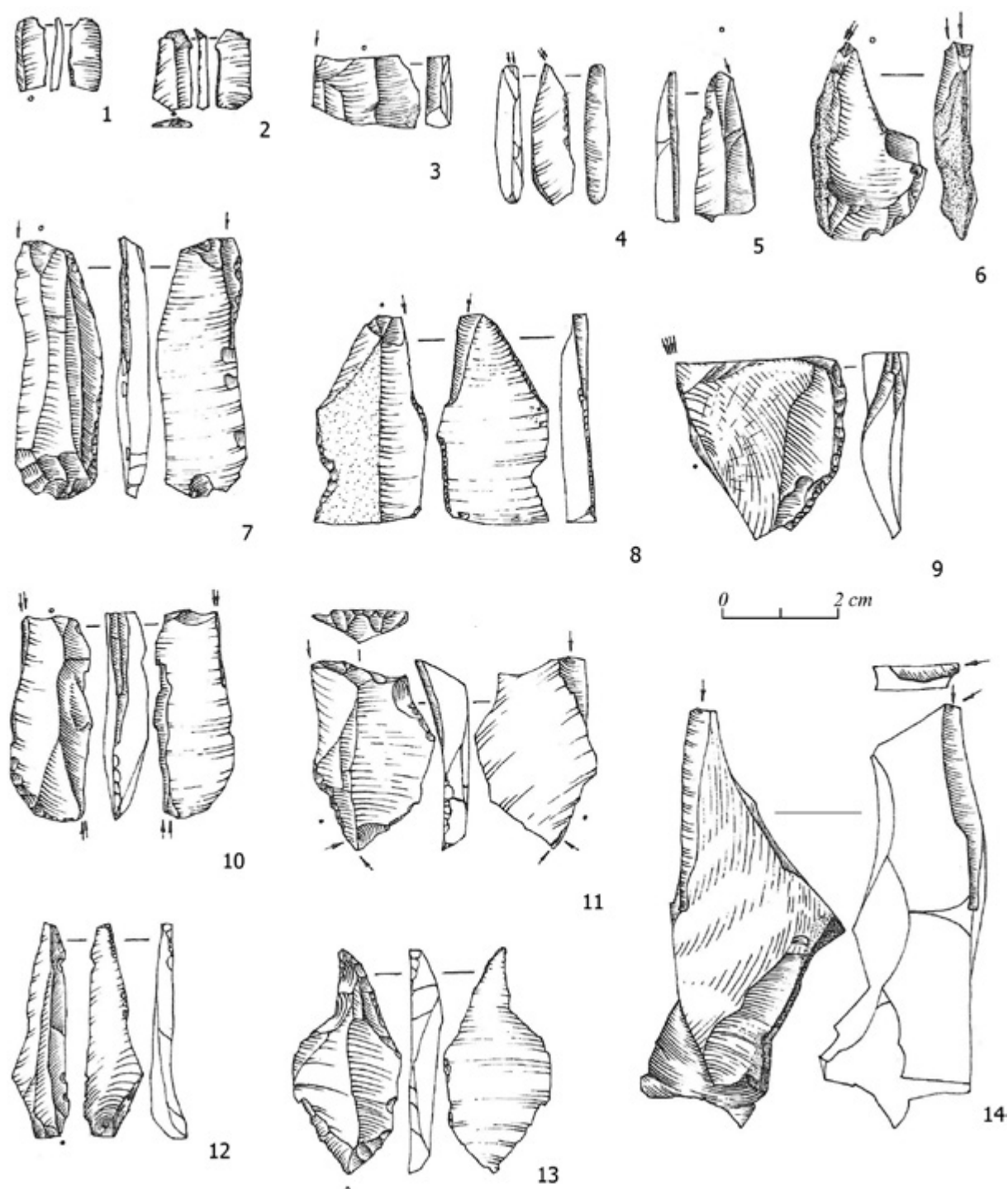

Рис. 8. Мікроліти -1, 2; різці - 3-12, 14; проколка -13.

(рис. 7.15) та один комбінований з проколкою (рис. 8.13). Серед 13 серединних переважають виготовлені на платівках - 10 (рис. 7.13,17,19,21,23; 9.2,11). Окрім описаних раніше двох, комбінованих з бічними, серед них один двосторонній (рис. 7.17), та один комбінований з кінцевою скребачкою (рис. 9.2). Ще один серединний, виготовлений на відщепі (рис. 9.11), один на уламку кременю (рис. 8.14) та один на невизначимому уламку сколу. Серед восьми куткових переважають виготовлені на

платівках - їх 6 (рис. 7.12,15,16; 9.1). Окрім описаного раніше, комбінованого з бічним, серед них один двосторонній та один комбінований із скребачкою пласкою з носиком (рис. 9.1). Ще один кутовий, виготовлений на відщепі (рис. 7.18) та один, виготовлений на уламку (рис. 8.9). Окрім різців знайдений уламок різця на платівці, тип якого встановити не можливо. Відходів виробництва різців та їх підправок - різцевих сколів, знайдено 90 (табл. 1). На нашу думку, таке кількісне пере-

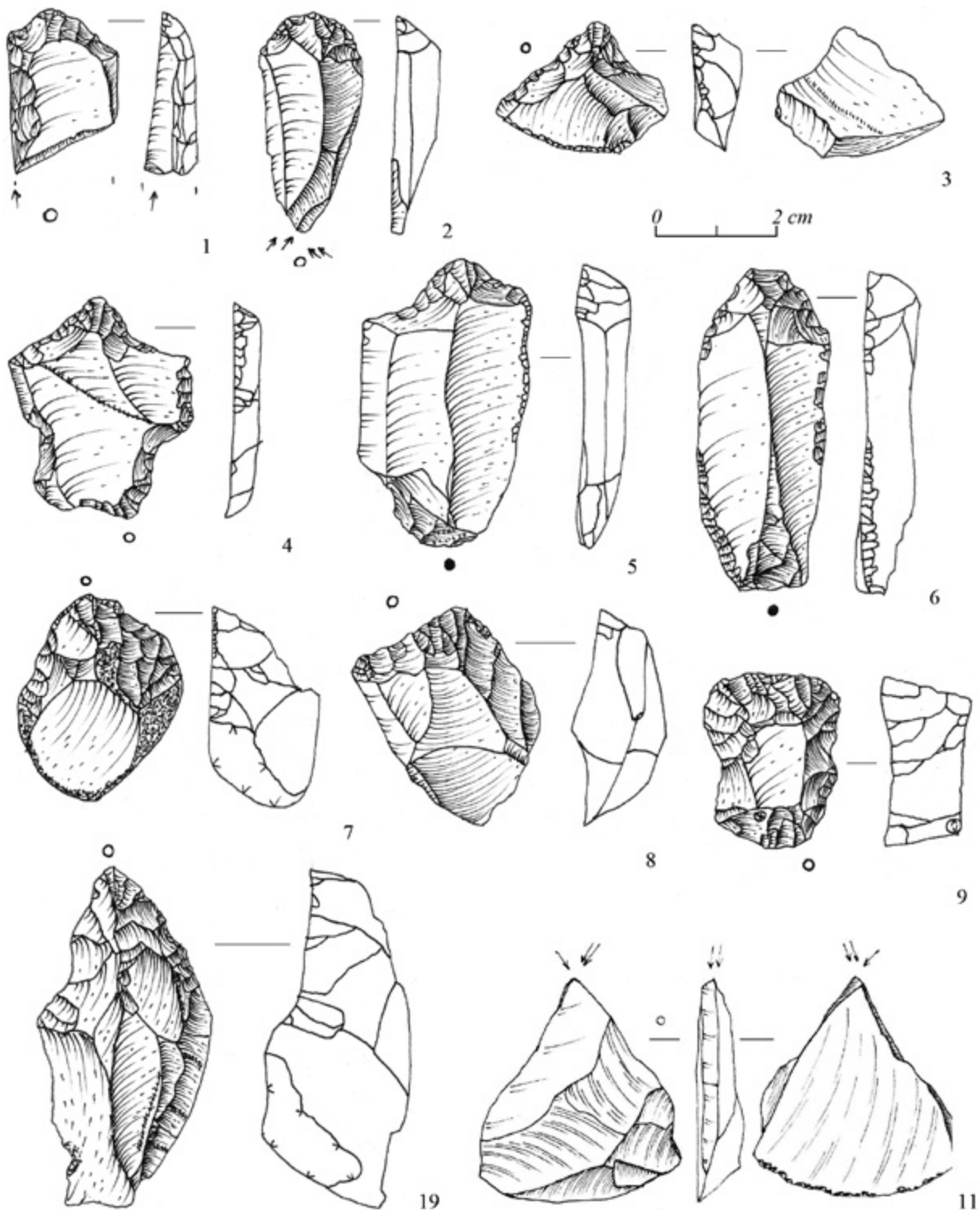

Рис. 9. Скребацьки (1-10) та різець (11).

важання різцевих сколів над різцями (майже втричі) свідчить про те, що різці на цій же ділянці не тільки виготовлялись, а і використовувались.

Скребачок, виготовлених з кременю, не враховуючи двох, згаданих вище, комбінованих з різцями, виявлено 22. З них високих – 11 (рис. 9.7-10; 10.4-9). Серед них 9 (рис. 9.7,8,10; 10.4-7,9) з носиком та 1 кінцева на відщепі (рис. 10.8). Серед високих скребачок з носиком 1 виготовлена на платівці

(рис. 10.4), 1 на спрацьованому нуклеусі (рис. 10.7) і 3 на відщепках, чи уламках (рис. 10.5,6,9). Одна з останніх – подвійна (рис. 10.9). Плоских скребачок з носиком – 6. Дві з них виготовлено на платівках (рис. 9.5,6), та 4 на відщепках (рис. 9.3). Ще одна плоска з носиком – подвійна (рис. 9.4). Одна подвійна скребацька, виготовлена на уламку кременю. Ще одна скребацька на відщепі відноситься до бокових (рис. 10.11) (табл. 1).

Окрім проколки, комбінованої із бічним різцем, згаданої раніше, знайдена ще одна проколка на платівці (рис. 8.12).

До виробів з вторинною обробкою також належать: 3 діагонально тронковані платівки

(рис. 11.1-3) та одна поперечно тронкована, 120 платівок з ретушшю та їх уламків (рис. 11.4-17; 12.1-16), 19 відщепів з ретушшю, 1 уламок кременю з ретушшю та 13 невизначених уламків виробів з вторинною обробкою (табл. 1).

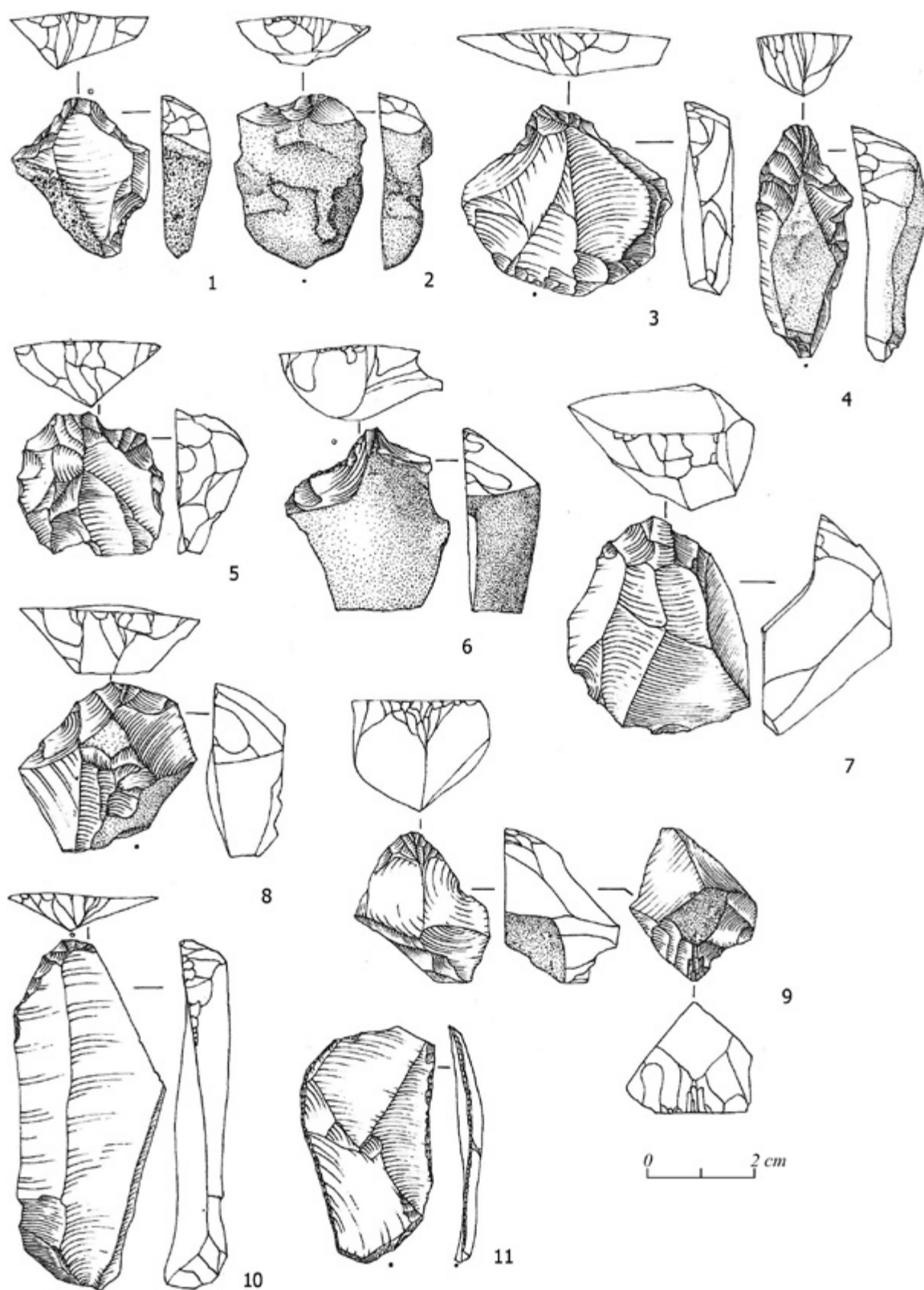

Рис. 10. Скребаки з кременю (1-11).

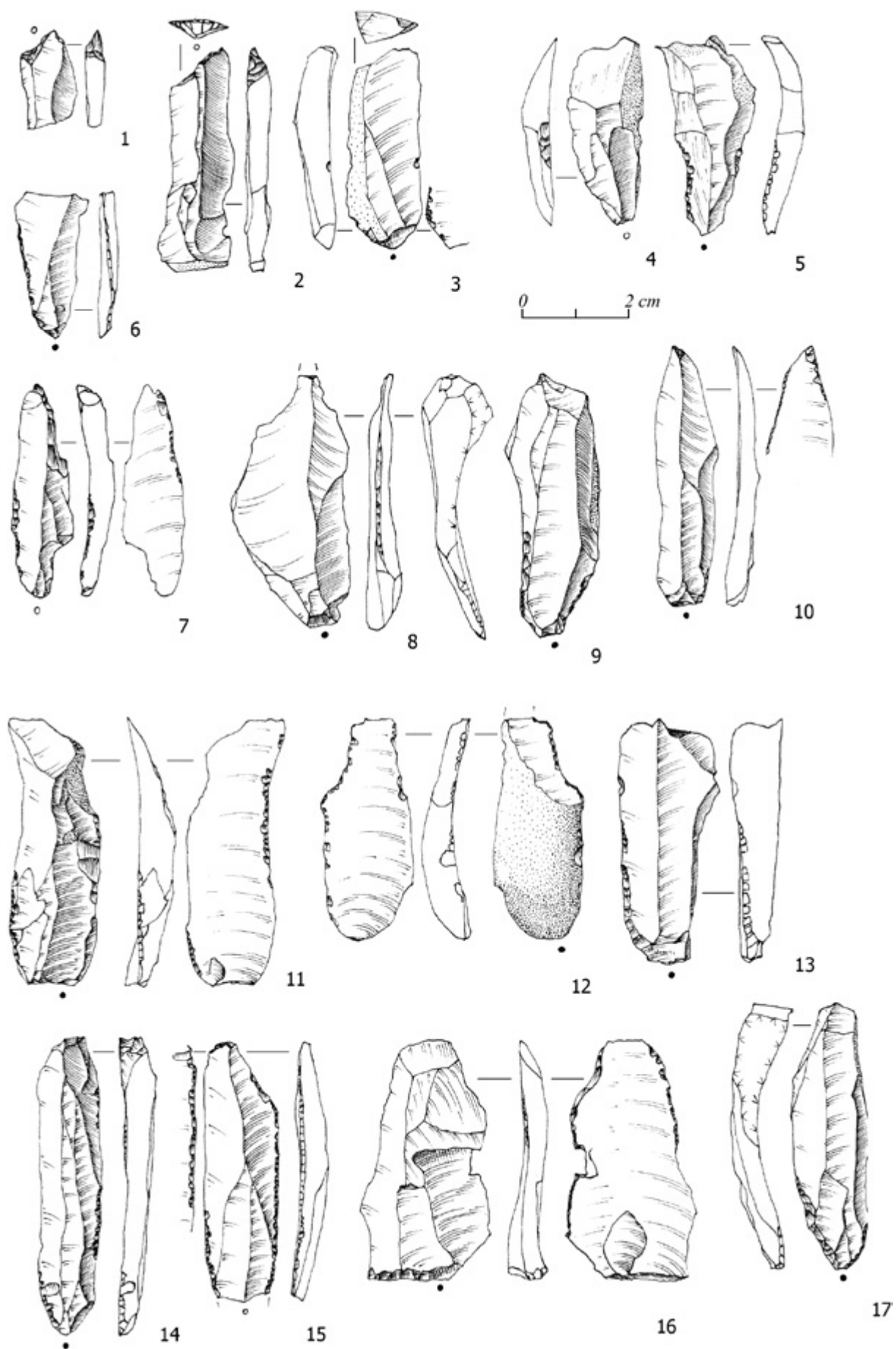

Рис. 11. Діагонально тронковані платівки (1-3) та платівки з ретушшю (4-17).

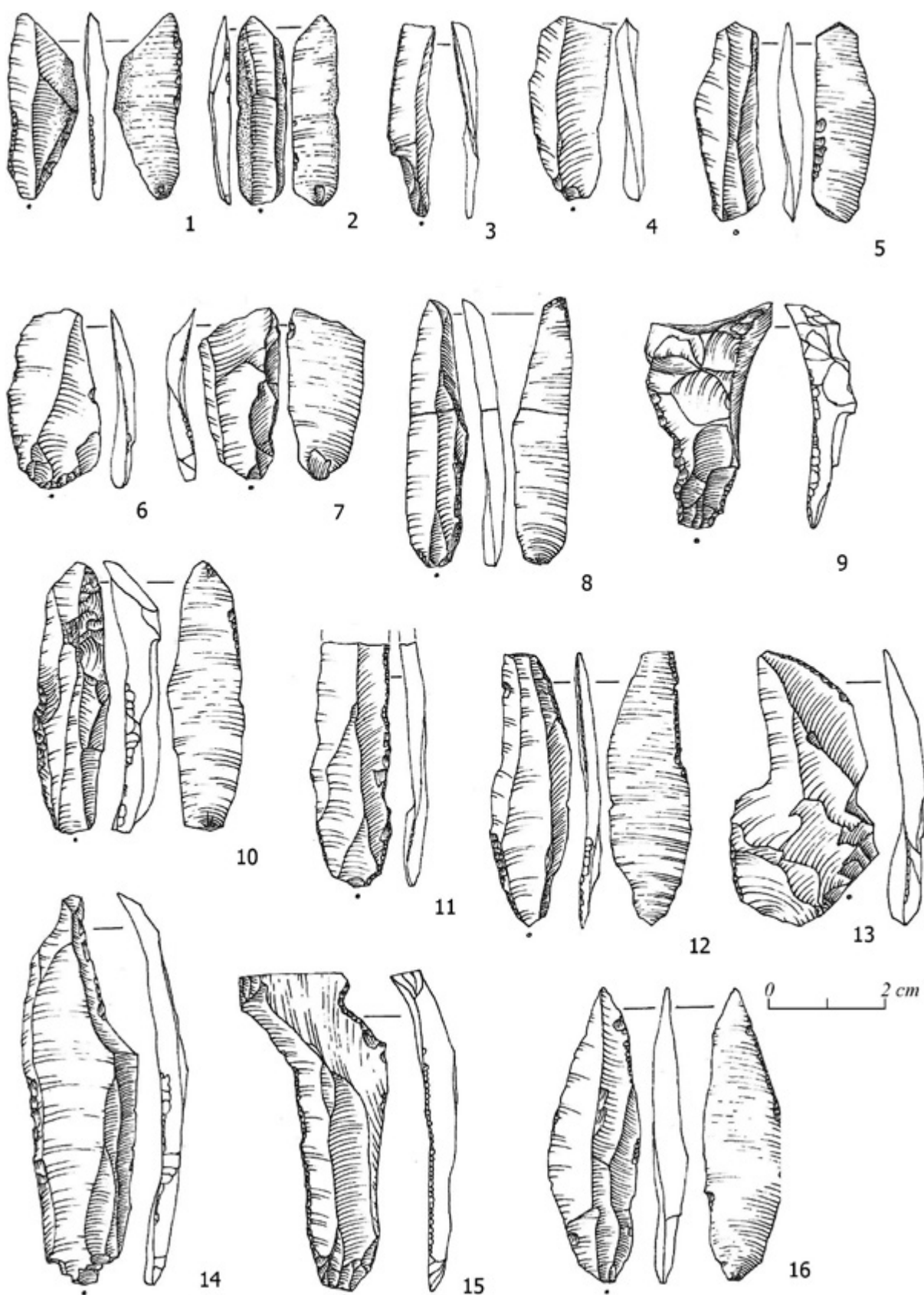

Рис. 12. Платівки та їх фрагменти з ретушю (1-16).

Кварцитові вироби з вторинною обробкою представлені двома високими скребачками з носиком (рис. 13.1), однією пласкою скребачкою з носиком (рис. 13.2), а також до них від-

носяться 16 платівок та їх фрагментів з ретушю (рис. 13.3-5), 2 відщепи з ретушю (рис. 13.6,7) та 1 уламок виробу з ретушю (таб. 1).

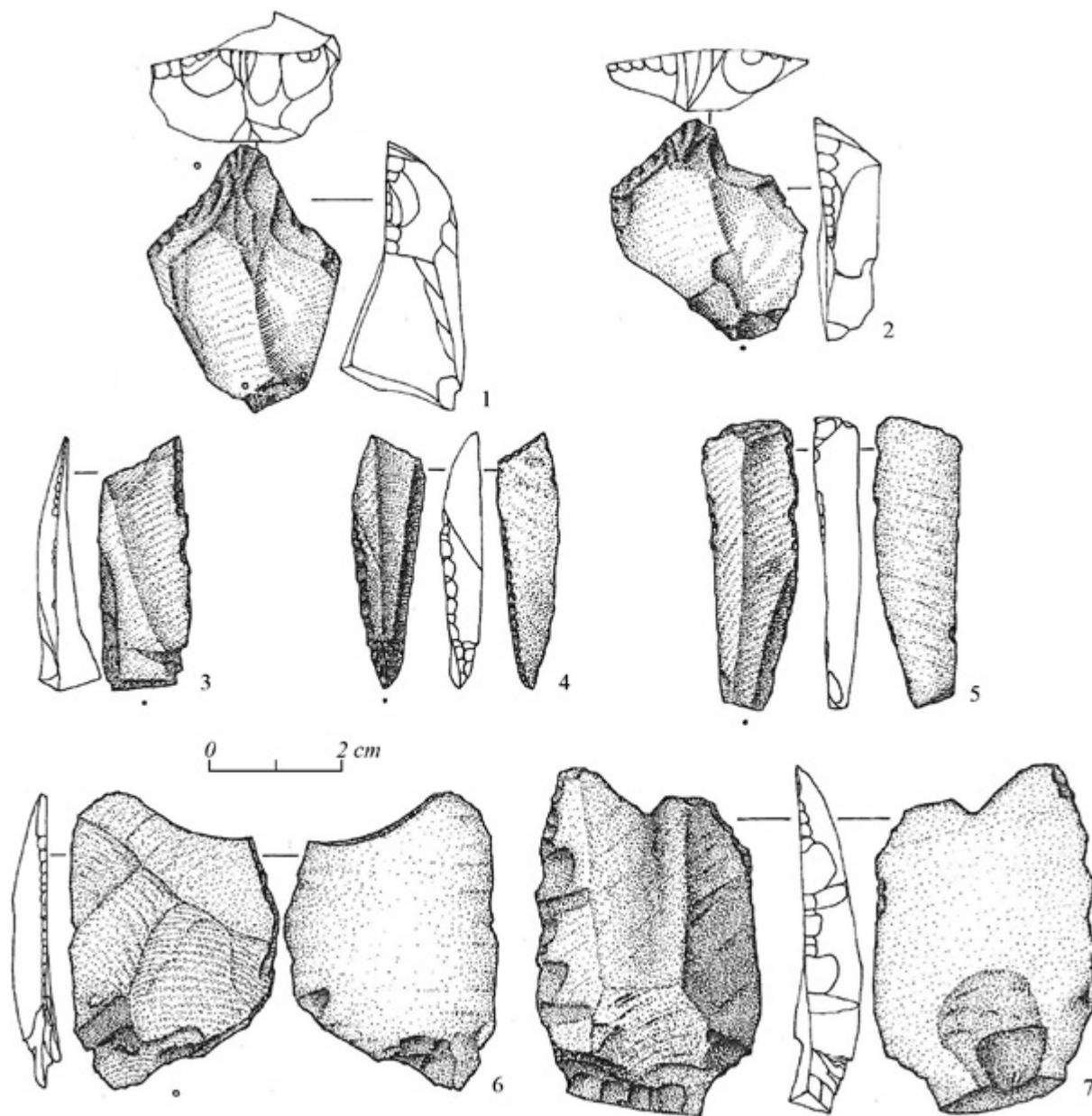

Рис. 13. Вироби з вторинною обробкою з кварциту: скребачки – 1, 2; платівки з ретушню – 3-5; відщепи з ретушню – 6, 7.

Нуклеуси та пренуклеус, знайдені на стоянці, усі крем'яні (табл. 1). Пренуклеус є дуже дрібним і має розміри – 36х15х16 мм. В якості заготовки, судячи по негативу, що зберігся на його поверхні, був використаний уламок нуклеусу. Площадка була сформована одним сколом, знятим із сторони майбутньої робочої поверхні. Після кількох невдалих спроб зняти природне ребро та розпочати процес отримання заготовок, пренуклеус був вибракований (рис. 15.4).

Серед 26 нуклеусів 19 одноплощадкові (рис. 14.1-3,5,6,8; 15.1-3,5,6,8), 1 двоплощадковий біпоздовжній (рис. 14.11), 3 двоплощадкові біпоздовжньо-суміжні (рис. 14.5,6), 1 двоплощадковий поперечний (рис. 15.7) та 2 двоплощадкових біпоздовжньо-альтернативних (рис. 15.9). По більшості нуклеусів видно, що

вони сформовані на уламках кременю. На робочих поверхнях переважають відщепові та мікроплатівчаті негативи. Бічні поверхні на окремих нуклеусах несуть сліди їх формування. Усі нуклеуси є сильно спрацьованими.

Окрім цілих нуклеусів та пренуклеусу знайдено 6 уламків крем'яних і один уламок кварцитового нуклеусів.

Серед інших крем'яних знахідок платівок корочних та знятих з природних ребер конкрецій – 31. Серед реберчастих переважають односторонні – 36. Двосторонніх набагато менше – 5. Одним екземпляром представлена платівка з поперемінно сформованим ребром. Платівок поздовжньо-реберчастих – 10. Платівок з різноспрямованими негативами – 10. Реберчасті відщепи представлені 14 екземплярами. Сколів формування та підживлення

площадок – 24. Скол поздовжній формування бічної поверхні нуклеусу – 1. Скол поперечний формування бічної поверхні нуклеусу – 1. Сколів поперечних переоформлення нуклеусів – 2. Платівок та їх уламків – 563. Відщепів, знятих з робочих поверхонь нуклеусів – 21. Відщепів – 565. Невизначимих уламків сколів – 17. Уламків кременю – 23 (табл. 1).

Серед інших кварцитових знахідок платівок

корочних та знятих з природних ребер конкрецій – 4. Реберчасті представлені двома односторонніми екземплярами. Дві платівки мають на дорсальній поверхні різноспрямовані негативи та одна поперечні. Скол підживлення площадки нуклеусу представлений одним екземпляром. Платівок та їх уламків – 165. Відщепів – 99. Невизначимих уламків сколів – 9, уламків кварциту – 15 (табл. 1).

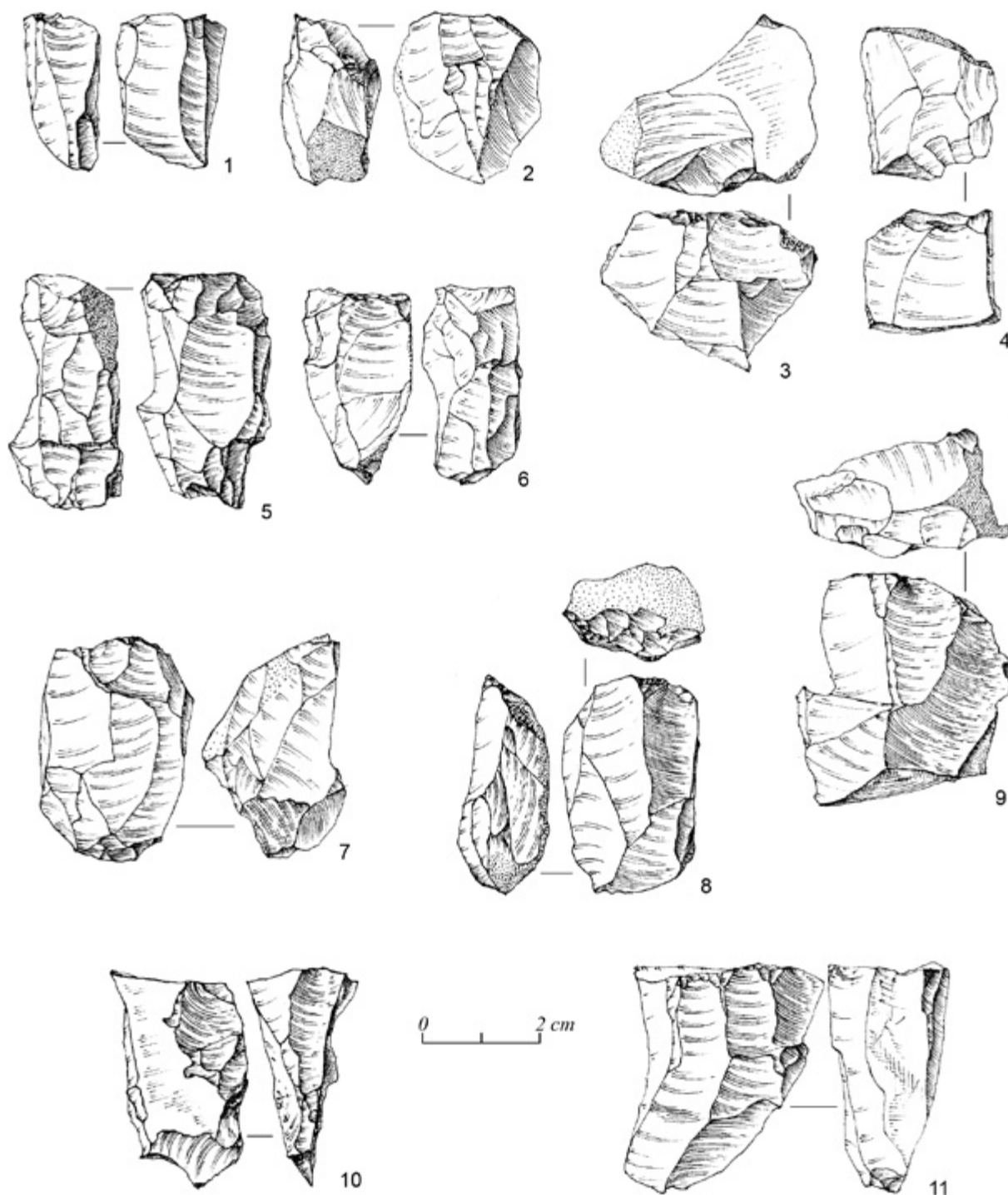

Рис. 14. Нуклеуси (1-11).

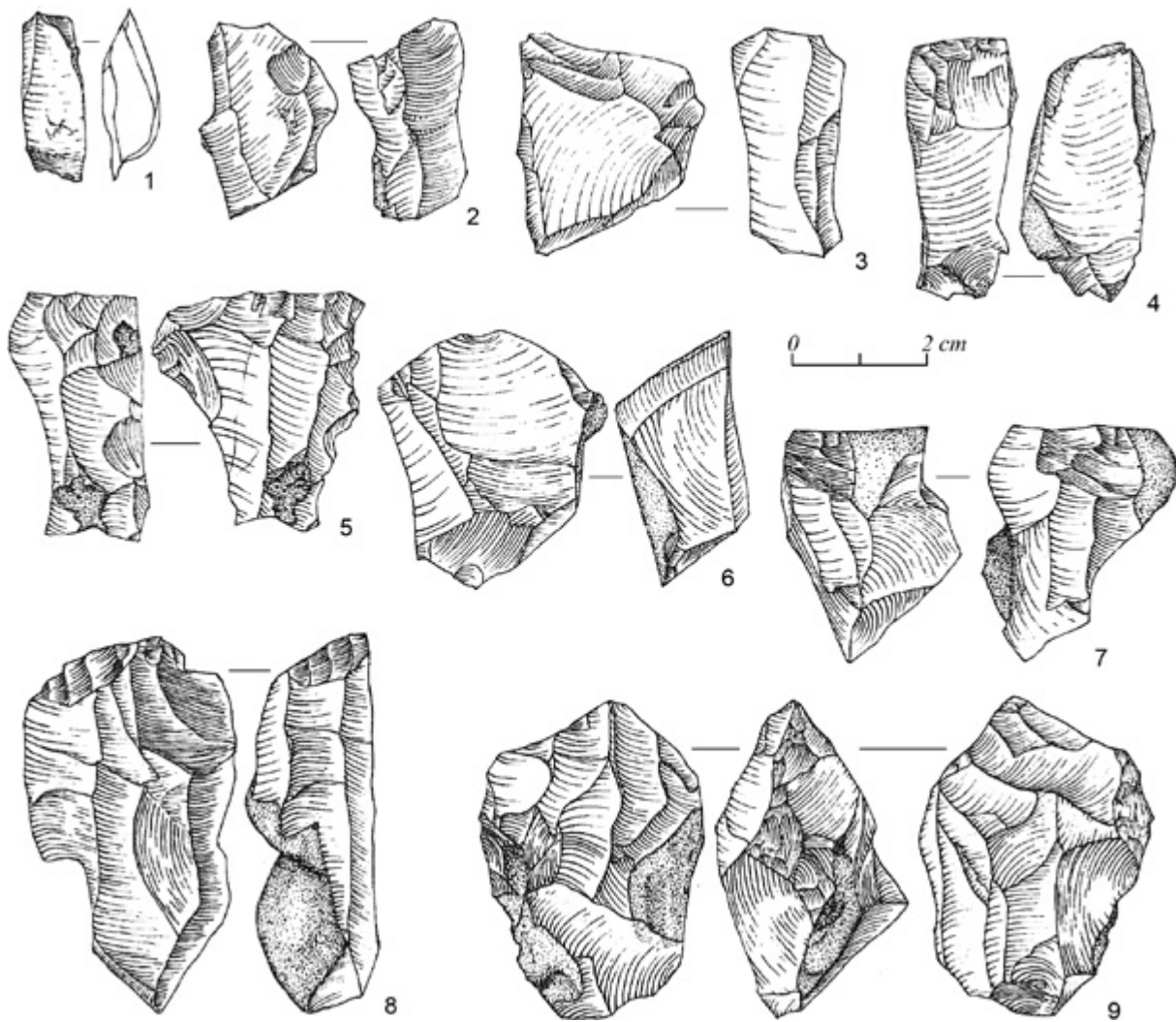

Рис. 15. Нуклеуси (1-3, 5-8); пренуклеус (4).

Дуже цікавими зразками представлена на стоянці бивнева індустрія. Безперечно найяскравішим її представником є гравійований бивень, виявлений місцевими мешканцями під час господарських робіт в шкільній котельні у 2010 р. (рис. 16,17). Інтерпретація нанесених малюнків вже була предметом публікацій (Ступак 2010, с.169-178; 2011, с.60-65; Stupak 2012, р.18-23), натомість технологічні особливості його обробки до цього часу були висвітлені недостатньо. Цей бивень має кращу збереженість, ніж виявлені поруч, хоча і має ряд природних та механічних пошкоджень. Природні пошкодження представлені кількома поздовжніми тріщинами, окремі з яких спровоковані глибоко прорізними елементами. Чимало ділянок бивня мають сліди, залишені корінням трави або моху. Механічні пошкодження поділяються на давні та сучасні. До давніх належать сліди дев'яти ударів, розташованих діагонально до осі бивня. Сучасні представлені кількома рубцями від ударів лопатою, що були завдані

під час робіт в котельні. На щастя вони майже не пошкодили зображення.

Сам бивень має довжину по зовнішній кривизні 55,5 см, відстань між кінцями - 49 см. Дистальний кінець бивня (діаметр 5,2 см) зламаний і несе сліди свіжого зламу та розшарування по конусам зростання, проксимальний (діаметр 6,6 см) - утворений негативом поперечного розлому скошеної форми. Він утворює із зовнішньою поверхнею бивня кут 45° . Поверхня негативу має опуклу форму. Поперечне членування бивня було підготовлене прямим, глибоким і широким поперечним пазом на правій бічній поверхні бивня. Переламування було здійснено в напрямку від цієї поверхні до лівої бокової поверхні бивня. Залишки паза на бивні дозволяють зробити висновок, що спочатку він мав туropодібну форму. Його довжина становила 6,5 см, ширина близько 2,5 см, а глибина в середній, найбільш глибокій частині - 1,2 см. При прорізуванні паза застосовувалося відразу три різних техніки - техніка рубання,

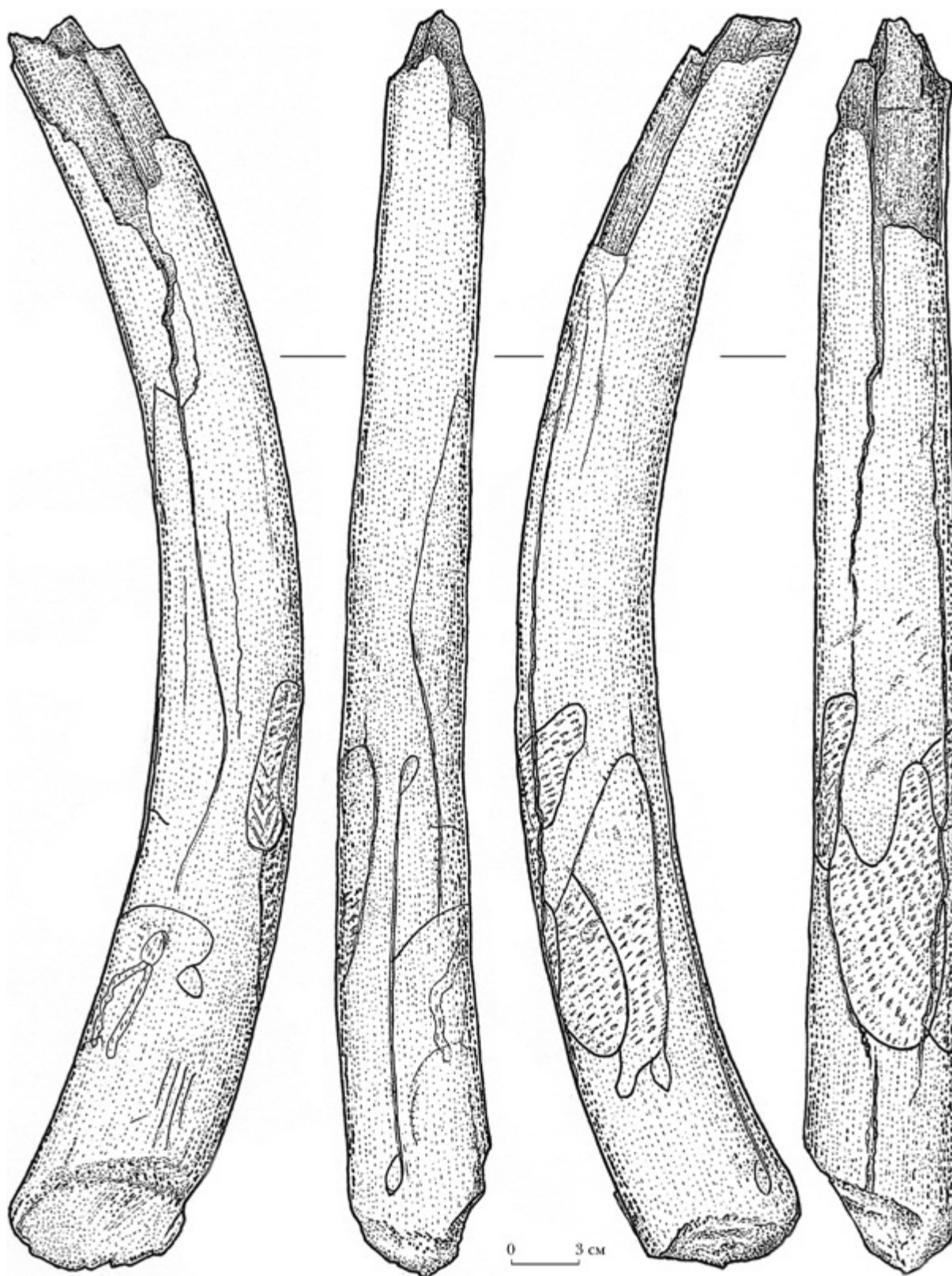

Рис. 16. Бивень з малюнками (рис. А.В. Панікарського).

техніка пиляння і техніка стругання. Виготовлення паза починалося з поперечних надпилів на поверхні бивня, надпил розширювався і поглиблювався за допомогою рубання, яке велося від країв надпилу до центру і вглиб паза. Найкраще сліди пиляння читаються на дні пазу. Для обробки бортів паза також застосовувала-

ся техніка стругання. На поверхні борта паза читається кілька груп з паралельних чітких лінійних слідів U-подібним перетином, довжиною від 0,5 до 1,0 см, шириною 0,1-0,2 см і глибиною 0,05-0,1 см. Ці сліди йдуть поверх слідів рубання, а в ряді випадків і перекривають один одного. Стругання здійснювалося в

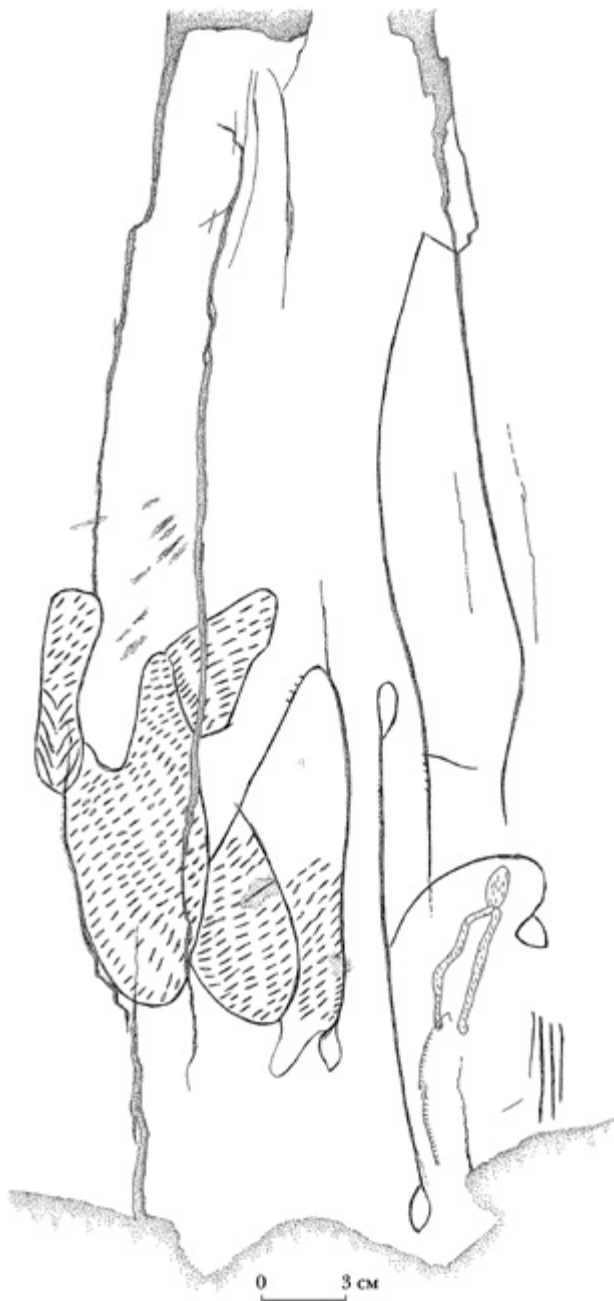

Рис. 17. Розгортка зображень на бивні (рис. А.В. Панікарського).

різних напрямках, але завжди поперек мікроструктури бивня - від дна до крайової частини паза. Характер і напрямок подібних слідів дозволяє припустити, що перед обробкою бивень перебував у розм'якшеному, розмоченому стані. Розм'якшення бивневої сировини перед обробкою активно використовувалося епіграветським населенням прильодовикової зони. Однак описана вище техніка як виготовлення самого паза, так і спосіб підготовки поперечного розламування бивня специфічна і не має аналогів у відомих нам бивневих індустріях Середнього Подніпров'я (Хлопачев 2006). Широке використання техніки стругання поперек мікроструктури бивня, в напрямку від серце-

вини до зовнішньої поверхні (і також по розм'якшеному матеріалу) нам відомо в ориньякських культурах Європи. Вивчення під збільшенням гравіювань на поверхні бивня показало, що значна їх частина була виконана в той момент, коли поверхня бивня була розм'якшена. Однак є й такі гравіювання, які були нанесені, безсумнівно, в момент, коли бивень вже втратив або ще не придбав «зручних» якостей для обробки.

На одному із бивнів, що був виявлений разом з гравіюваним під час риття свердловини, присутні тонкі, неглибокі поздовжні лінії, що вірогідно залишилися від якоїсь обробки його поверхні.

Під час польових робіт 2011-2012 рр. у східній частині розкопу були виявлені проксимальні фрагменти наконечників списів (насади), виготовлені з бивня мамонта. Більший має довжину 5,3 см і діаметр 1,3 см (рис. 18.2). Він має загострену форму та округлий перетин. Вся його поверхня посічена численними короткими поперечними паралельними нарізками. Нарізки наносилися на поверхню послідовними рядами. Всього таких рядів - шість. Насічки з сусідніх рядів розташовуються дуже близько один до одного, на окремих ділянках вони перетинаються, а в районі вістря - утворюють спіраль, яка добре читається.

Довжина другого фрагменту - 22 мм, ширина частини, що зберіглася - 11 мм, товщина - 3 мм (рис. 18.1). Уся поверхня фрагменту вкрита дрібними насічками.

Всі названі ознаки дозволяють нам віднести дані вироби до наконечників типу Істюріц. У Західній Європі наконечники Істюрітц виготовлялися в основному з рогу оленя. Більшість знахідок пов'язано з територією Південно-Західної Франції Шасер (Chasseur), шар А; Істюрітц (Isturitz), шар IV і III; Фактор (Facteur), шар В; Рок де Гаводом (Roc de Gavaudum), основний шар; Рок де Комб (Roc de Comb), шар 2; Ватюз абрі (Battuts abri), шар 7; Пато (Pataud), шар 4; Рок Сен-Крістоф (Roque Saint - Christophe), верхній шар, виняток становить стоянка Гоїе (Goyet), провінція Намюр, Бельгія). Для наконечників типу істюрітц, які розглядаються як один з культуровизначальних типів кістяних виробів для граветійських індустрій з різцями типу Ноай (Noaille) (Sonneville - Bordes 1974), характерна сплюснена, подпрямокутна форма поперечного перерізу. Наконечники із загостреним насадом і круглим перетином датуються мадленской часом. Саме з ними демонструє найбільшу схожість наконечник із Дорошівців. У Східній

Рис. 18. Наконечники з бивня типу Істюриц.

Європі знахідки наконечників типу Істюрітц рідкісні і представлені виключно їх мадленським різновидом. Наконечники типу Істюрітц, виготовлені з бивня мамонта, що мають округлий поперечний переріз і близькі за формою до наконечника з Оболоння, представлені в матеріалах стоянки Костьонки 2 (23800-16190 років тому) і Дорошівці (21000-15000 років тому).

Наконечники знайдені на стоянці Оболоння демонструють найбільшу схожість з виробами даного типу, представленими в кістяній індустрії стоянки Істюрітц. Причому остання є єдиною стоянкою, де наконечники Істюрітц були представлені як в граветському (IV), так і в епіграветському (III) шарах.

Виявлення на Оболонні наконечників типу Істюриц, характерних в першу чергу для граветських пам'яток Західної Європи є надзвичайно цікавим і з огляду на те, що при аналізі

бивня з гравіюванням, були зафіксовані технологічні прийоми обробки, що не мають аналогів серед бивневих індустрій Середнього Подніпров'я, а деякі зафіксовані – відомі в оріньякських культурах Європи (Ступак, Хлопачев, 2012, с.103).

В цілому, можна висловити впевненість у тому, що збільшення надалі колекції бивневих виробів з розкопок стоянки дозволить відкрити і вивчити невідому раніше в Середньому Подніпров'ї кістяну індустрію, краще зрозуміти генезис відомих у даний час пам'яток Подесення.

Таким чином, це перша пам'ятка у Середньому Подесенні з виразними оріньякськими рисами у кам'яному комплексі, які найяскравіше представлені наявністю специфічних скребачок з носиком, а також специфічною бивневою індустрією, представленою не типовими для Дніпровського басейну наконечниками типу Істюрітц, та застосуванням під час обробки

бивня прийомів, не відомих раніше для цієї території. Натомість слід згадати наявність в орнаментальних сюжетах на гравіюваному бивні елементів, схожих з відомими на цій території раніше, зокрема на кирилівському бивні та у Мізині (Ступак 2010, с.169-178; 2011, с.60-65; Stupak 2012, р.18-23). Результати геостратиграфічних та палеокліматичних досліджень, особливості кам'яного та бивневого комплексу стоянки роблять дату Ох – 28035 20730+/-120 ВР більш прийнятною. Отже, Оболоння разом із стоянками Пушкарівського типу є однією з найдавніших пам'яток верхнього палеоліту Середнього Подесення. Отримані результати роблять дослідження Оболоння надзвичайно цікавими і важливими для розуміння культурно-історичних процесів у верхньому палеоліті Східної Європи і зокрема для розуміння питань становлення епігравету Дніпровського басейну.

Література

- Виноградський Ю.С.* Из археологічних досліджень 1937 р. на Сосниччині // НА ІА НАНУ. — Ф. 12. — Спр. 15.
- Виноградський Ю.С.* Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея (к 35-летию со дня основания) // КСИА АН УССР. — 5. — С. 86-93.
- Гладких М.И., Толочко П.И., Шовкопляс И.Г.* Археологические разведки на Черниговщине в 1965 г. // Археологические исследования на Украине 1965 – 1966 - Вып. 1- К., 1967, - С.204-207.
- Смоличев П.И.* Палеонтологические находки на Черниговщине (Список знахідок; Чернігів 12.03.1025 р.) // НА ІА НАНУ. — Фонд П.І. Смоличева. — Ф. 6. — № 12.
- Ступак Д.В.* Нова верхньопалеолітична стоянка Оболоння в Середньому Подесенні // Кам'яна доба України. - Вип.13 – К., “Шлях”, 2010 – С.169-178.
- Ступак Д.В.* Дослідження епіграветських стоянок півдня Середньої Десни // Археологія – Вип.1 – К., 2011- С. 51-68.
- Ступак Д.В., Хлопачев Г.А.* Дослідження верхньопалеолітичної стоянки Оболоння // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г. – Чернігів, 2012 – С. 103-105.
- Ступак Д.В., Хлопачев Г.А.* Верхньопалеолітична стоянка Оболоння. Дослідження 2012 р. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 г. – Гомель, 2013. С. 196-198.
- Комар М.С.* Некоторые методические вопросы спорово-пыльцевого анализа субэзральных отложений плейстоцена // Сучасні напрямки геологічної науки. 36. наук. праць ІГН НАН України. — К., 2006. — С. 223-231.
- Комар М.С.* Стратиграфия и палеогеография позднего плейстоцена перигляциальной области Центральной и части Восточной Европы (по палинологическим данным). – Диссертация на соискание ученой степени доктора геологических наук 04.00.09 – палеонтология и стратиграфия. – Киев: ИГН НАН Украины. – 2011. – 393 с.
- Природа Украинской ССР. Растительный мир.* –К.: Наук. думка, 1985. – 278 с.
- Красилов В.А., Зубаков В.А., Шульдинер В.И., Ремизовский В.И.* Экостратиграфия. Теория и методы. – Владивосток, 1985. – 148 с.
- Хлопачев Г.А.* Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. –СПб., 2006. – 262с.
- Denise de Sonneville-Bordes.* Fiche sagaie d'Isturitz // H. Camps-Fabrer (ed.). Fiche typologiques de l'industrie osseuse preistorique. Cahier I, Sagaies. Aix-en-Provence, Publications de L'Universite de Provance, 1974. fiche 8.
- Stupak D.* Explorations of Epigravettian Sites in the South of the Middle Desna Area // Ukrainian archaeology. – 2011. – К., 2012 – P.10-25.
- Verpoorte A.* Limiting factors on early modern human dispersals: The human biogeography of late Pleniglacial Europe //Quaternary International. – 2009. – Vol. 201. – P. 77–85.

STUPAK D.V., KHLOPACHEV G.A., GRIBCHENKO Yu.M., KOMAR M.S.

THE NEW UPPER PALAEOLITHIC SITE OBOLONNYA

Obolonnya is the new Upper Palaeolithic site which was discovered in 2010. It is the southernmost location of the Upper Palaeolithic in the Middle Desna region, and it is the first site with Aurignacian features in artefacts assemblage in the territory of Northern Ukraine. The results of environmental studies, as well as the characteristic features of stone and mammoth tusk assemblages make a date 20730 ± 120 BP (OxA-28035) more acceptable. Thus, Obolonnya is the first manifestation of Epiaurignacian industry in the Middle Desna region and together with sites of Pushkari group is the one of the oldest settlement in this territory. Obtained results are extremely important for the understanding of cultural processes in the Eastern European Upper Palaeolithic, and particularly for the understanding of Epigravettian origin in Dnipro region.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОН (2011-2013 ГГ.)

Статья посвящена анализу результатов последних исследований стоянки Погон.

Ключевые слова: Подесенье, верхний палеолит, пушкаревский тип памятников.

В 2011 г. Пушкаревской археологической экспедицией ИА НАНУ были возобновлены исследования верхнепалеолитической стоянки Погон (с. Пушкاري, Новгород-Северский р-н, Черниговская обл.) (рис. 1). Автор раскопок выражает благодарность студентам исторических факультетов СПбГУ и КНУ им. Тараса Шевченко за помощь в проведении работ.

Стоянка Погон расположена на южной окраине села в центральной части Погонского мыса, в 300 м на юго-восток от стоянки Пушкари I, на правом высоком берегу р. Десна (рис. 2).

Археологические исследования стоянки Погон проводились в 1940 и 1946 гг. под руководством М.В. Воеводского. Им были заложены ряд разведывательных шурфов и три раскопа. Непосредственно на Погоне раскопами было вскрыто 60 м². М.В. Воеводский отмечает, что культурный слой на данных участках сохранился плохо, и это не дает в полной мере «восстановить бытовую картину поселения». Также, им была получена интересная коллекция кремневых изделий (всего 671 экз.) (Воеводский 1950).

В 2011 г. был заложен разведывательный шурф 2х2 м. Немногочисленные находки, одиночные кремневые изделия и небольшие горелые кости (до 2 см) начали встречаться еще с 0,1-0,8 м от дневной поверхности, залегая в светло-серой супеси с ортзандовыми горизонтами. Основной культурный слой был выявлен на глубине 1,1 м в буровато-сером суглинке, перекрытом ортзандовым горизонтом мощностью от 0,02 до 0,05 м (рис. 3б).

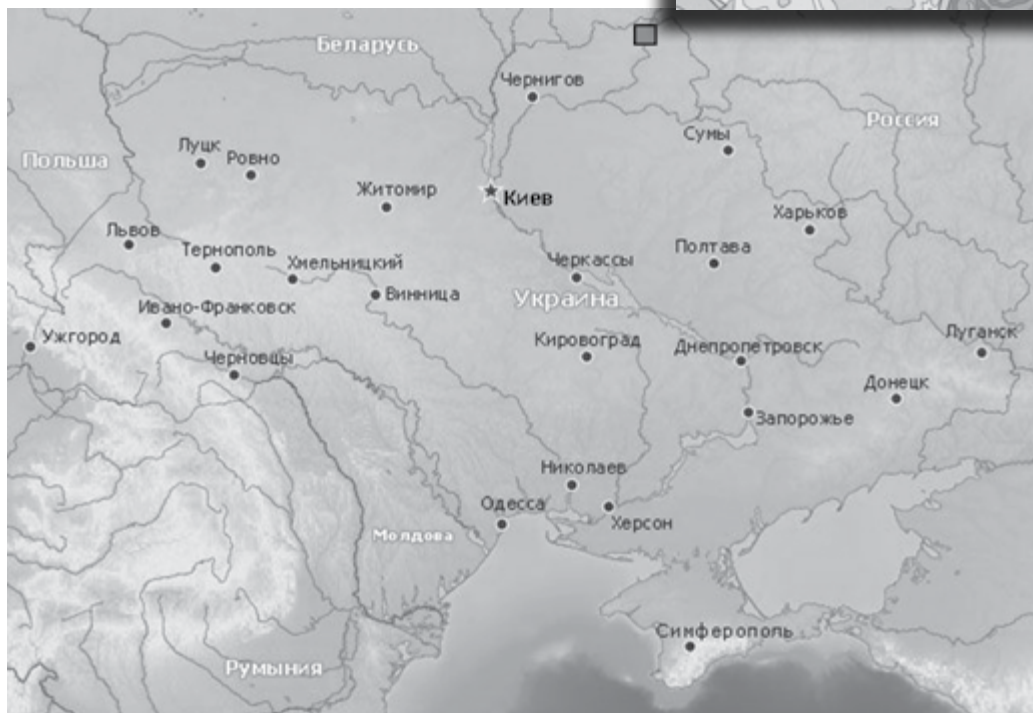

Рис. 1. Место расположения стоянки Погон.

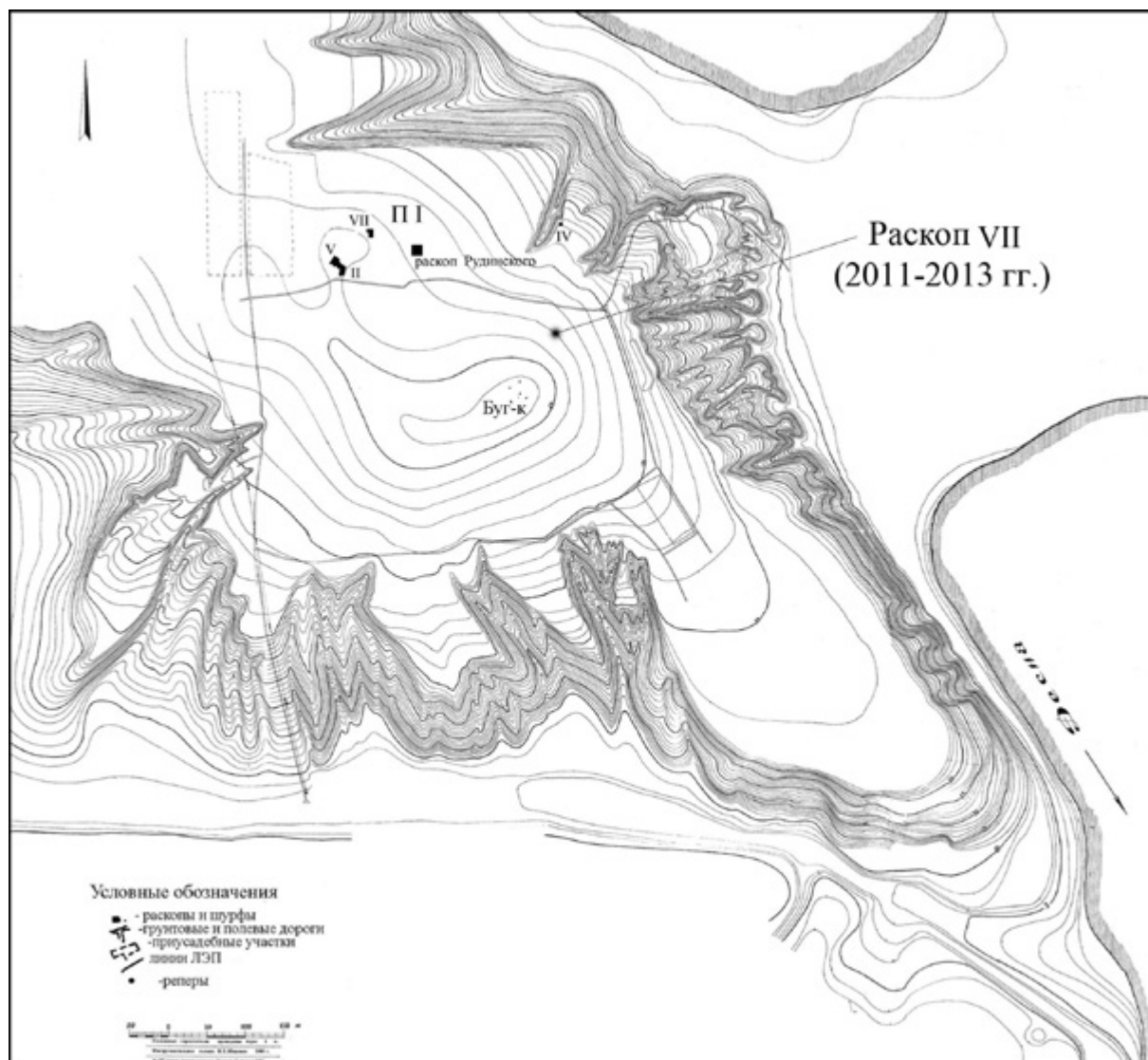

Рис. 2. Топографический план расположения стоянок на погонском мысе (по Н.Е. Ющенко).

Ниже приводится описание геологических горизонтов западной стенки раскопа по Ю.Н. Грибченко (Лаборатория эволюционной геологии Института географии РАН) (рис. 3а):

№ слоя	Отложения	Мощность, м	Глубина, м (от 0)
	<i>Перекоп.</i> Супесь серая, мешанная.		
1.	<i>Гумусовый горизонт современной почвы (пахотный).</i> Супесь темно-серая, неоднородная, с многочисленными корнеходами и кротовинами. Нижний контакт неровный, постепенный, волнисто-языковатый.	До 0,05	0,05
2.	<i>Горизонт В современной почвы.</i> Суглинок коричневато-бурый, плотный, неоднородный, комковатый. Содержит включения темно-серой супеси, тонкие линзы коричневатых ортзандов, многочисленные корнеходы. Слой не выдержан по простирацию и мощность меняется от 15 до 25 см. Нижний контакт нечеткий, неровный, постепенный, языковато-волнистый.	0,20	0,20
3.	<i>Горизонт В современной почвы.</i> Супесь светло-серая, неоднородная. Содержит линзы и включения ортзандов светло-коричневой супеси. Нижний контакт неровный, волнисто-языковатый. Мощность слоя меняется по простирацию от 30 до 10 см.	0,15	0,35

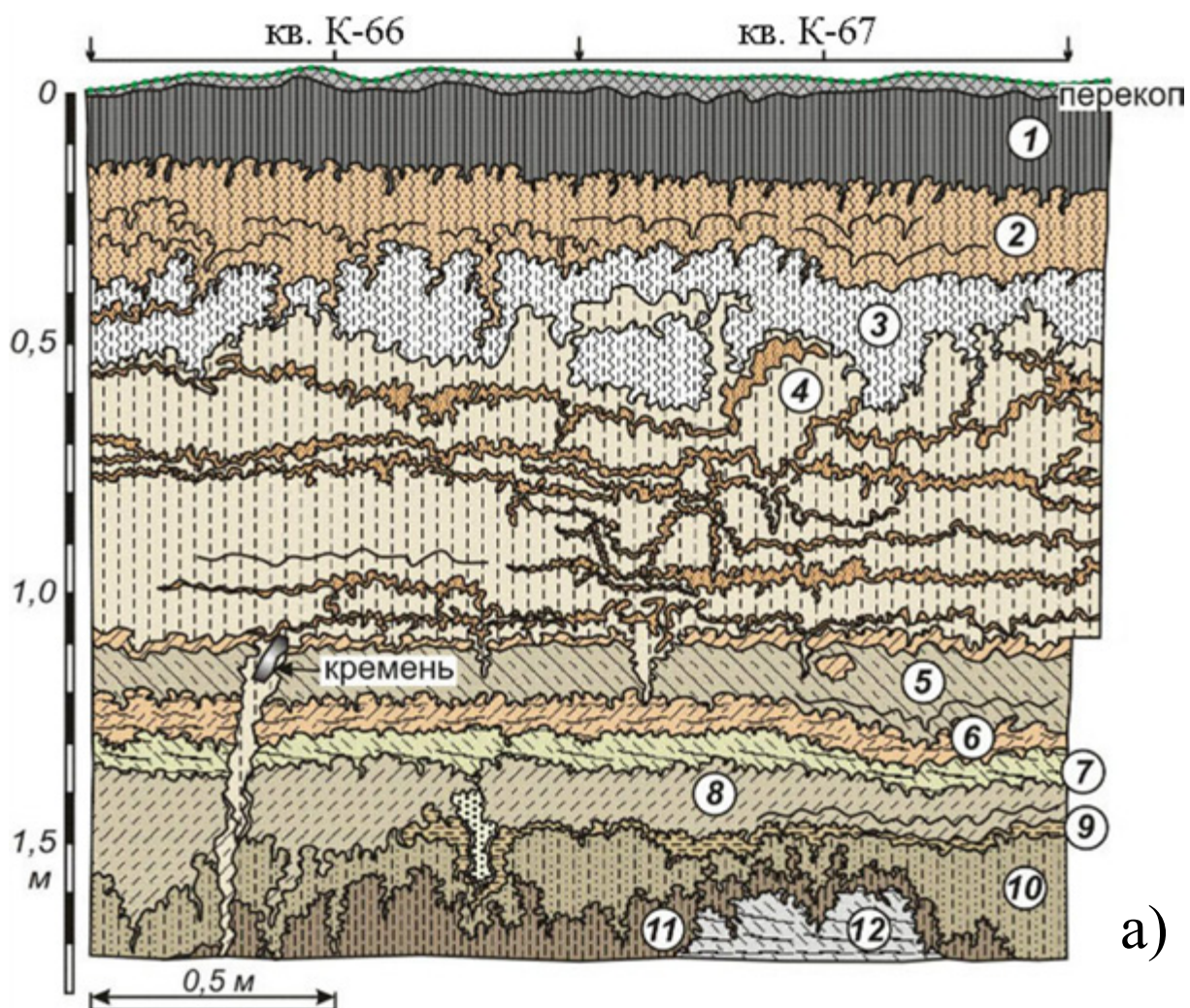
Ортзандовый горизонт современной почвы. Суглинок коричневатого-серый, пористый, неоднородный. Содержит многочисленные прослои и линзы коричневых ортзандов, толщиной 3-4 см. ортзанды ветвисто-волнистые с мелкоязычковатыми контактами. Выделяются тонкие прослои более светлых, прерывистых ортзандов. нижний контакт слоя подчеркнут уровнем коричневатого плотного суглинка, содержащего мелкие включения бурого ожелезнения и марганца. <u>С этим уровнем связаны включения кремня (слабо выраженный культурный слой).</u> От основания слоя проникает крупная мерзлотная структура (в виде узкой жилы), разбивающая нижележащие слои на глубину более 1,80 м. Ширина жилы около 7 см. материал заполнения неоднородный. В верхней части залегает вертикально ориентированный кремень.		
4.	0,20	0,55
Суглинок буровато-серый , плотный. Содержит многочисленные включения ожелезнения, марганца и оглеения. контакты слоя слабо выраженные, постепенные, размытые, мелковолнистые.		
5.	0,55	1,10
Суглинок коричневатого-серый , плотный. Мощность слоя меняется по простиранию. Нижний контакт нечеткий, мелковолнистый.		
6.	0,10	1,20
Суглинок светло-серый , тонкослоистый неоднородный, оглеенный. Содержит мелкие включения бурого ожелезнения и марганца. Нижний контакт нечеткий, постепенный, мелковолнистый.		
7.	0,08	1,28
Суглинок коричневатого-бурый , плотный с ореховатой структурой. Содержит небольшие включения светлой супеси и редкие примазки бурого ожелезнения. Имеются признаки гумусированности (?). В кв. 66 вертикально ориентированное включение мелкозернистого светлого песка. Нижний контакт язычковатый. Крупные языки и затеки проникают на глубину до 1,70 м.		
8.	0,07	1,35
Суглинок коричневатого-бурый , плотный, тонкослоистый. Не выдержан по простиранию и прерывается в левой части разреза. В кв. 66 заполняет крупный язычковатый затек, в средней части которого продолжается включение песка из вышележащего слоя.		
9.	0,15	1,50
Суглинок серовато-бурый , плотный с мелкооскольчатой структурой. В слое содержатся мелкие включения более темного (гумусированного ?) суглинка. Отмечаются мелкие включения ожелезнения и марганца, пылеватых карбонатов. Мощность слоя меняется по простиранию от 7 до 25 см. Нижний контакт неровный язычковатый, с крупными затеками и прожилками, проникающими в нижележащий слой. Контакт нечеткий, постепенный.		
10.	0,05	1,55
Брянская почва. Суглинок серый, плотный, неоднородный. Слой деформирован криогенными структурами в виде языков и затеков. Суглинок неоднородный за счет многочисленных включений и размывов темно-серого гумусированного суглинка с размытыми контактами. Видимая мощность в разрезе меняется от 5 см до 20 см и более. Нижний контакт неровный, ветвисто-язычковатый, космовидный.		
11.	0,10	1,65
Суглинок светло-серый , белесый, с ячеистой текстурой. Содержит скопления пылеватых карбонатов. Слой пронизан тонкими затеками и языками темно-серого суглинка из вышележащего слоя. В разрезе слой представлен небольшим фрагментом, вскрытым в средней части кв. 67.		
12.	Видим. 0,15	Видим. 1,75

Находки в раскопе залегали неравномерно, так на кв. К-66-67, L-67 они были немногочисленны. Кроме кремневых изделий (до 20 находок на квадрат), встречались обгоревшие кости, и небольшие, зачастую неопределимые, фрагменты трубчатых костей мамонта. Основная концентрация материала сосредотачивалась на кв. L-66 (рис. 4). На данном участке слой имел интенсивную окрашенность костным углем и охрой, кремневых изделий здесь насчитывается 142 экз.

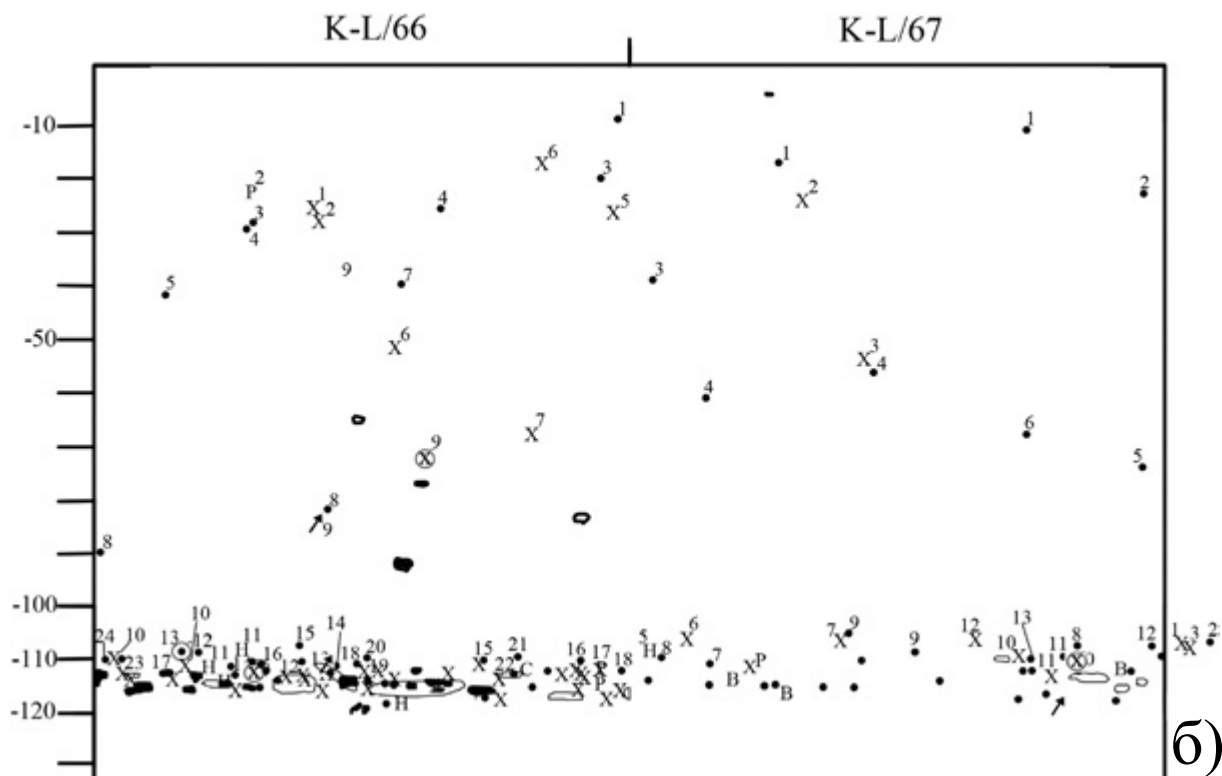
В 2012 г. именно к этому, восточному, участку шурфа было прирезано еще 4 кв. м, где был выявлен насыщенный костными и кремневыми артефактами (до 500 экз. на квадрат)

культурный слой (рис. 5). Слой имел интенсивную окрашенность костным углем и охрой. В ходе раскопок на кв. М-L-66-67 было выявлено 4 небольших ямки, в трех из которых находились специально вкопанные кости.

Яма №1. Расположена на кв. М-66-67 и уходит в восточную стенку на кв. N-66-67, диаметр 27 см, глубина от уровня впуска 14 см, имеет подовальную форму. Яма была заполнена костно-углистыми остатками и немногочисленными кремневыми изделиями – 4 вторичных отщепа. В северной части ямы был выявлен вкопанный под углом фрагмент ребра (предположительно мамонт), нижней частью ориентированный на юго-восток (рис. 6).

а)

б)

Рис. 3. Западная стенка раскопа: а) геологический разрез (по Ю.Н. Грибченко); б) профиль с находками.

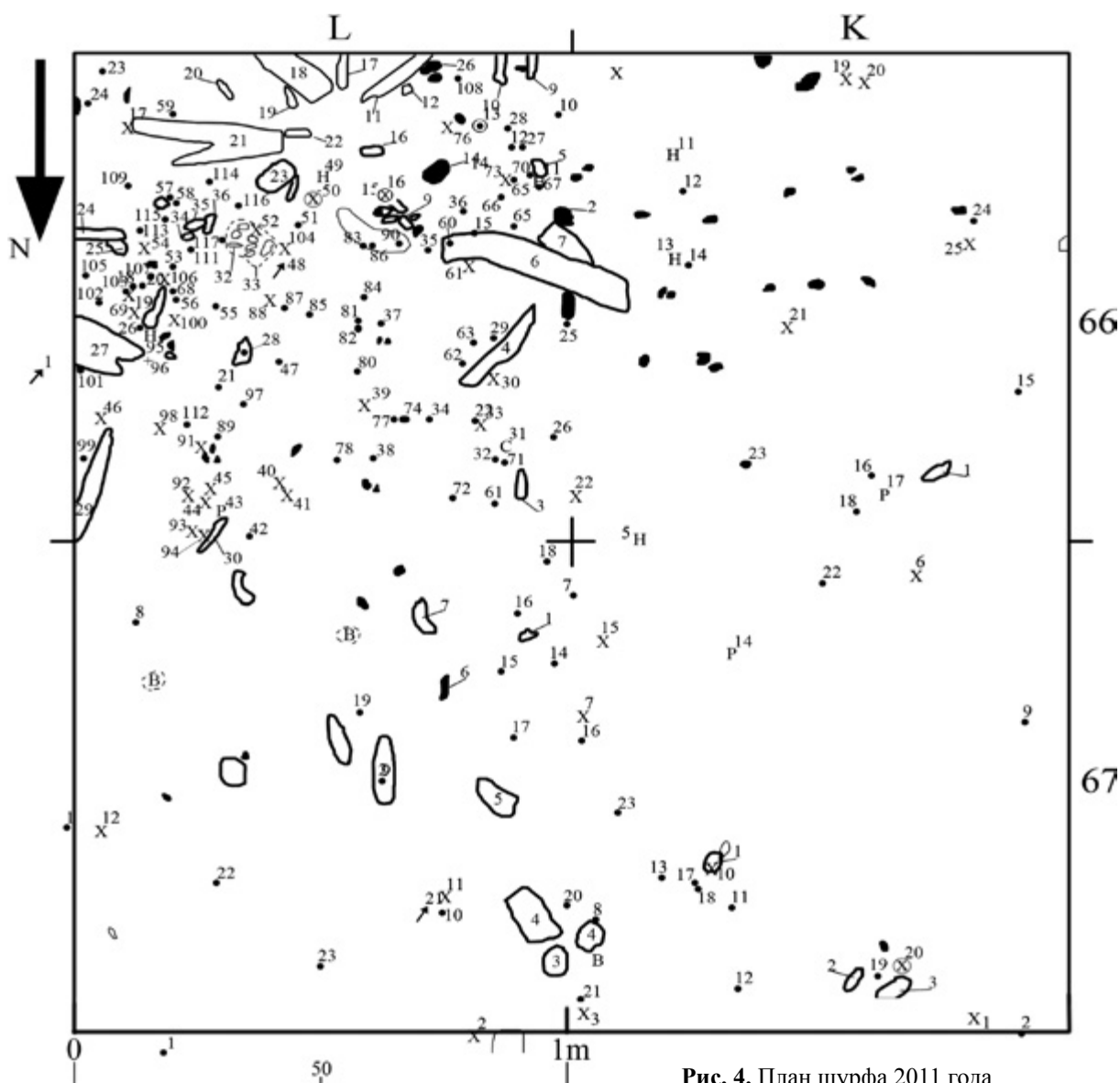

Рис. 4. План шурфа 2011 года.

Яма №2. Расположена на границе кв. М-66-67, в их центральной части, в 45 см на запад от ямы №1. Имеет аморфную форму, была заполнена костно-углистыми остатками и небольшими фрагментами мела. Глубина от уровня впуска 8 см. В яме было найдено: 1 чешуйка, 1 отщеп, 1 ф-т меловой корки, 1 медиальный ф-т пластины. Кроме того, в северной части ямы, был найден вкопанный небольшой фрагмент ребра (предположительно мамонт) нижней частью ориентированный на юго-восток (рис. 6).

Яма №3. Расположена в западной части кв. М-66, имеет подовальную форму, диаметр 30 см, глубина 19 см. Яма ориентирована по оси северо-запад/юго-восток. Была заполнена костными останками (зуб хищника, небольшие позвонки), горелыми костями и кремнем (17 экз.). Среди кремневых изделий из этой ямы необходимо отметить микропластину с притупленным краем (далее МППК), которая находилась на дне (рис. 15.13). Кроме того, в

яме было найдено 3 крупных кости (предположительно мамонт) – 1 эпифиз, и 2 фрагмента ребра, преднамеренно сломанного (рис. 6), которые были вкопаны вертикально.

Яма №4. Расположена в восточной части кв. Л-66, в 10 см на запад от ямы №3. Имеет правильную округлую форму, диаметр 15 см, глубину 10 см. Яма была заполнена костно-углистыми остатками, немногочисленными кремневыми изделиями (4 экз.), среди которых один прямоугольник (рис. 15.10). Кроме того, на дне ямы был найден небольшой (6 см) фрагмент ребра (предположительно мамонт) (рис. 6).

Также, при дальнейшей расчистке в юго-восточной части кв. М-66, под 5-7 см слоем, состоящим преимущественно из костного угля, были обнаружены следы прокала. Скорее всего, это может свидетельствовать об обнаружении очага (рис. 7). Но, в связи с множественными причинами, работы пришлось

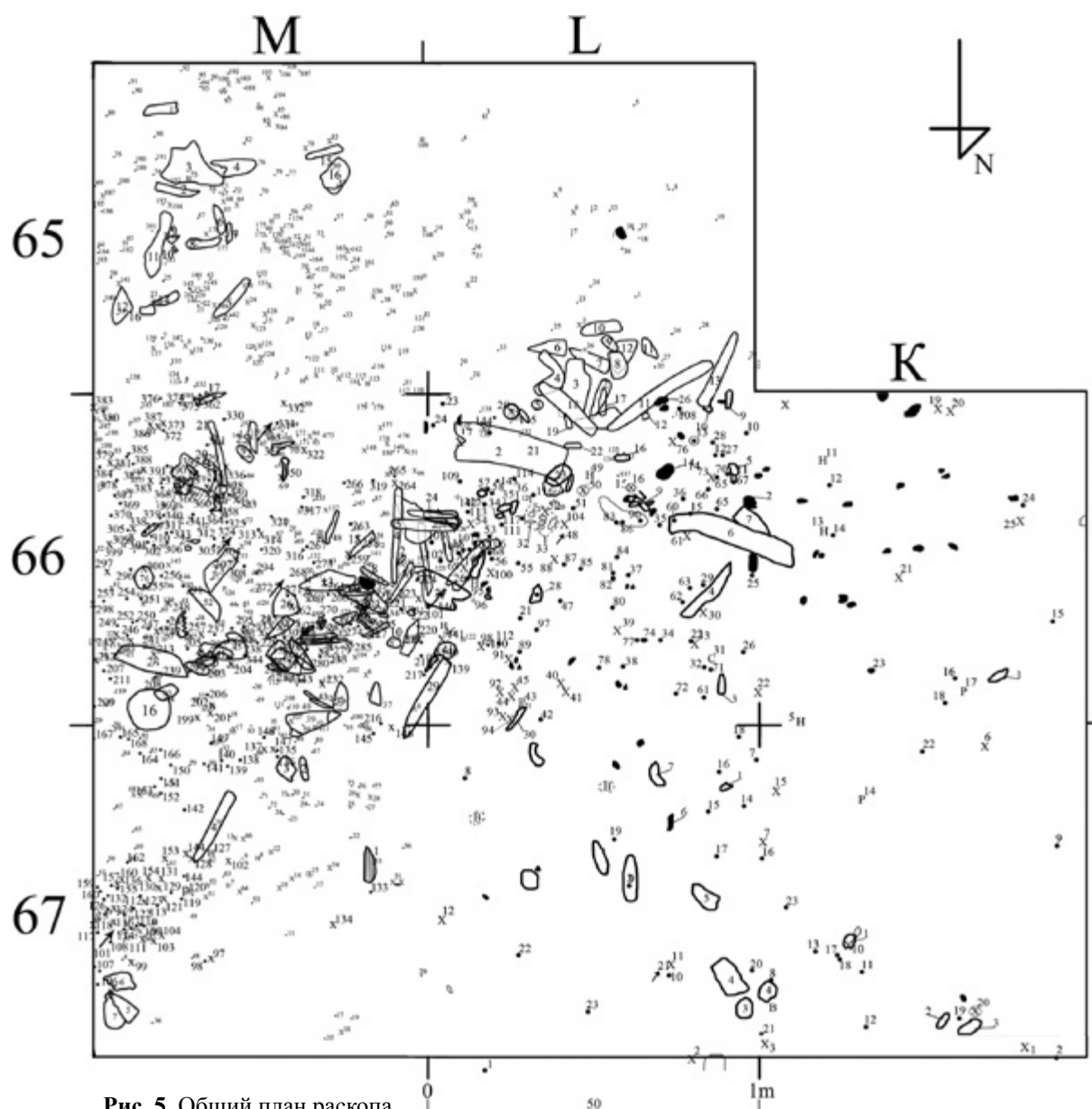

Рис. 5. Общий план раскопа (2011-2013 гг.).

приостановить, а культурный слой законсервировать. Также необходимо отметить, что по состоянию на 2013 год до конца не раскопанными остаются кв. М-Л-65.

Возможно, что описанные объекты (ямы) составляли некую конструкцию вокруг очага, но небольшая площадь раскопок не дает пока возможностей для интерпретаций.

Также, на кв. М-65 было исследовано часть «точка» площадью 50x50 см, который продолжается в южную стенку раскопа (рис. 8). Было обнаружено 388 кремневых изделий – множество чешуек, первичных и вторичных отщепов, пластин и пластинок с их фрагментами, а также, нуклевидных обломков и нуклеусов на разной стадии утилизации. Несмотря на не полностью докопанный «точек» присутствуют примеры ремонта. Кроме склеек фрагментов пластин (от одного фрагмента до четырех)

(рис. 9.1-14; рис. 10.2), есть два примера ремонта пластин с нуклеусами (рис. 9.15; рис. 10.3) и небольшого отщеп с массивным отщепом, состоящего из двух частей (рис. 10.1).

Среди фаунистических остатков, по предварительным данным, доминирует мамонт (*Mammuthus primigenius*) – одна молодая и одна взрослая особи. Также, на стоянке представлены по одной особи – плейстоценового коня (*Equus* sp.), волка (*Canis lupus*), песца (*Alopex lagopus*), оленя (*Cervidae*). Определение фауны было выполнено археозоологом Laetitia Demay (Институт палеонтологии человека, Париж, Франция). Кроме того, необходимо отметить, что плохая сохранность костей, вследствие геологических условий залегания культурного слоя, затрудняет их определение.

Кремневый комплекс на данный момент насчитывает 2300 предметов (Табл. 1), среди них

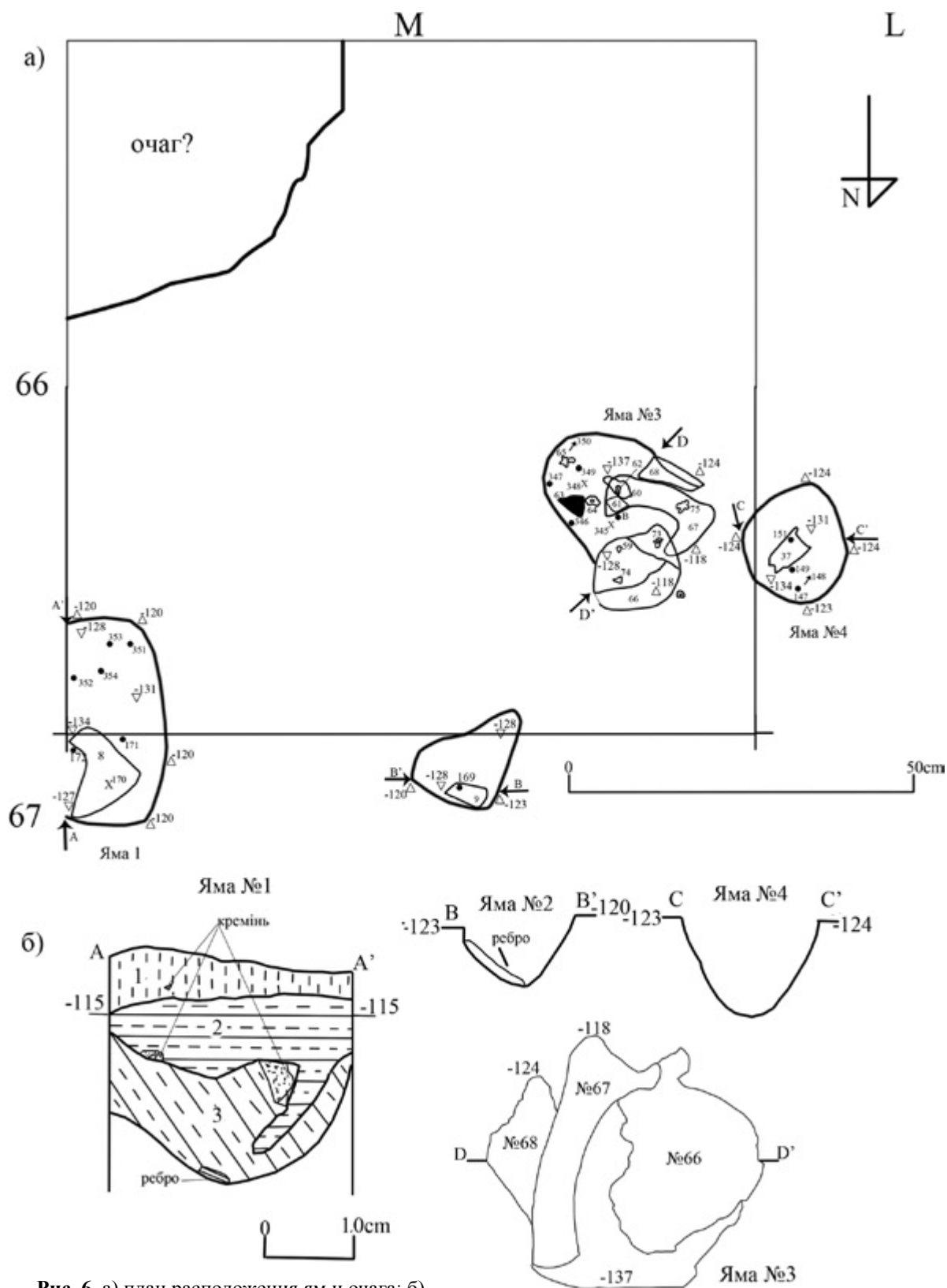

Рис. 6. а) план расположения ям и очага; б) профиля ям.

большинство составляют отходы производства – 2238 экз. (97%).

Для расщепления использовали местный деснянский меловой кремль – светло-черный, с белыми вкраплениями, иногда полупрозрачный. В равной степени использовались как желваки так и плитчатое сырье. Выходы сырья

известны и сейчас недалеко от места расположения стоянок пушкаревской группы. Так, например, в ходе разведок 2009 г. были выявлены выходы плитчатого кремня на поверхности северного склона урочища «Крыница», что в 2 км на север от с. Пушкари. Ближайшие выходы желвачного кремня находятся непосред-

Таблица 1. Типологическое соотношение кремневых изделий.

НАЗВАНИЕ	Количество	%
Отходы производства:		
<u>Отщепы:</u>	<u>497</u>	<u>50</u>
Первичные	65	13
Вторичные	427	86
Авиважи	5	1
<u>Пластины:</u>	<u>197</u>	<u>20</u>
Целые	52	26
Проксимальные фрагменты	58	29
Медиальные фрагменты	44	23
Дистальные фрагменты	43	22
<u>Пластинки:</u>	<u>116</u>	<u>11,8</u>
Целые	20	18
Проксимальные фрагменты	40	34
Медиальные фрагменты	33	28
Дистальные фрагменты	23	20
<u>Микропластины:</u>	<u>29</u>	<u>3</u>
Целые	4	15
Проксимальные фрагменты	8	27
Медиальные фрагменты	10	34
Дистальные фрагменты	7	24
<u>Реберчатые сколы:</u>	<u>37</u>	<u>3,7</u>
На отщепах (односторонние)	5	13
Пластины (с фрагментами):	28	75
- односторонние	24	85
- двусторонние	4	15
Пластинки (односторонние)	4	12
Обломки	45	4,5
Чешуйки	1247	55,7
Ф-ты меловой корки	25	2,5
Резцовые сколы	5	0,5
<u>Нуклеусы:</u>	<u>40</u>	<u>4</u>
Одноплощадочные:	14	35
Односторонние уплощенные	6	42
Односторонние призматические	3	21
Односторонние клиновидные	1	8
Односторонние торцевые	3	21
Двусторонний призматический	1	8
Двуплощадочные:	8	20
Бипродольный торцевой	1	12,4
Бипродольный уплощенный	1	12,4
Бипродольный призматический	3	38
Перпендикулярный	1	12,4
Бипродольный уплощенный комбинированный с односторонним	1	12,4

Таблица 1 (продолжение). Типологическое соотношение кремневых изделий.

НАЗВАНИЕ	Количество	%
Бипродольный-альтернативный	1	12,4
Многоплощадочный аморфный	1	2,5
Нуклевидные обломки	15	37,5
Пренуклеусы	2	5
<u>Всего отходов производства:</u>	<u>2238</u>	<u>97</u>
<u>Без учета чешуек*:</u>	<u>991</u>	<u>94,1</u>
Изделия со вторичной обработкой:		
Пластины ретушированные и их ф-ты	14	22,6
Пластинки ретушированные и их ф-ты	7	9,7
Пластины реберчатые ретушированные и их ф-ты	2	3,2
Отщепы ретушированные	3	4,8
МППК	8	14,5
Прямоугольники	6	9,7
Долотовидное орудие	1	1,6
<u>Резцы:</u>	<u>12</u>	<u>19,4</u>
На углу сломанной пластины	5	41
На углу сломанного отщепа	1	8,5
Двугранные на отщепе	1	8,5
Двугранные на пластине	3	25
Боковой косоретушный	1	8,5
Струг	1	8,5
Скобель	2	3,2
Проколка асимметрическая на пластине	1	1,6
Скребок концевой на реберчатой пластине	1	1,6
Комбинированное орудие: скребок концевой/скобель/резец на углу сломанной пластины	1	1,6
<u>Острия:</u>	<u>4</u>	<u>6,5</u>
Билатеральное симметрическое	1	25
Билатеральное со скошенным концом	1	25
Латеральное со скошенным концом	1	25
С боковой выемкой	1	25
<u>Всего изделий со вторичной обработкой:</u>	<u>62</u>	<u>3</u>
<u>Всего без учета чешуек*:</u>	<u>1053</u>	<u>5,9</u>
<u>Всего:</u>	<u>2300</u>	<u>100</u>

*Процентное соотношение подается без учета чешуек.

ственно рядом со стоянками, а именно в меловых отложениях погонского мыса, регулярно подмываемого р. Десной.

Кремень из культурного слоя зачастую покрыт белой, или бело-голубой патиной. Хотя часто встречается частично патинированный, или вовсе не патинированный. Также была найдена 1 пластина, изготовленная из крупнозернистого кварцита, и 1 отщеп из песчаника.

Большинство отходов производства составляют чешуйки – 1247 экз. Отщепов насчитывается 497 (50%): из них вторичных 432 (87%) и 65 первичных (13%). В общем пластин с фрагментами насчитывается 342 (34,8%), из них: 197 пластин (20%), 116 пластинок (11,8%), и 29 микропластин (3%). Кроме того, насчитывается 45 обломков, 25 фрагментов меловой корки, и 5 резцовых сколов.

Рис. 7. Юго-восточная часть кв. М-66. Предположительное место очага.

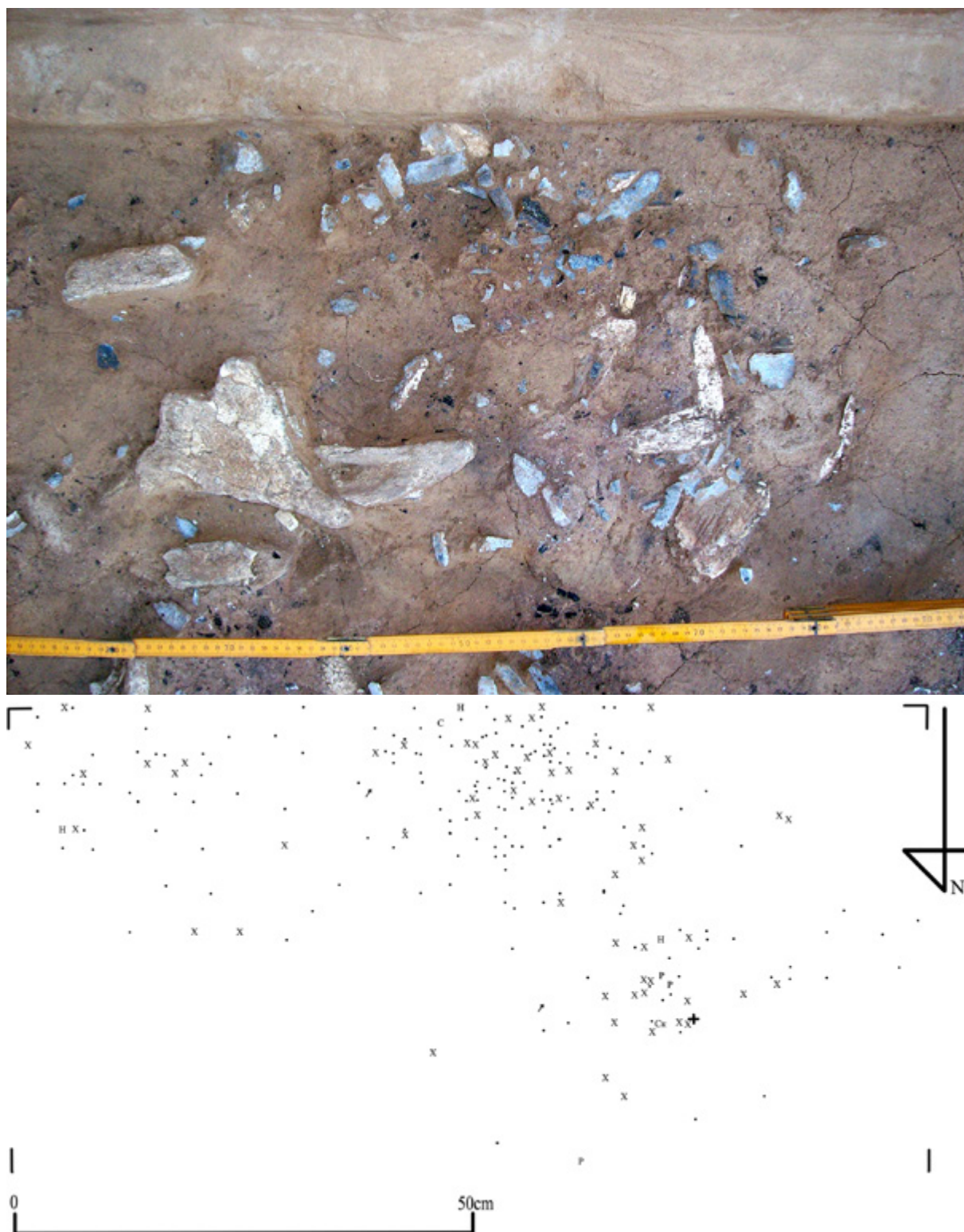

Рис. 8. Кв. М-65 – «точок» (вид с севера).

Реберчатых сколов насчитывается 37, из них: пластин 28 (24 односторонние, 4 двусторонние), пластинок 4 (односторонние) и отщепов 5 (односторонние).

Техника расщепления представлена 23 нуклеусами, 2 пренуклеусами и 15 нуклеидными обломками. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные – 14 экз.: односторонние

торцевые, уплощенные, клиновидные, призматические; двусторонний призматический (рис. 11). Двуплощадочные представлены 8 экз. – бипродольные торцевые, уплощенные, призматические; перпендикулярным, бипродольным уплощенным комбинированным с односторонним, бипродольным альтернативным (рис. 12.2-7). Также, в коллекции насчитыв-

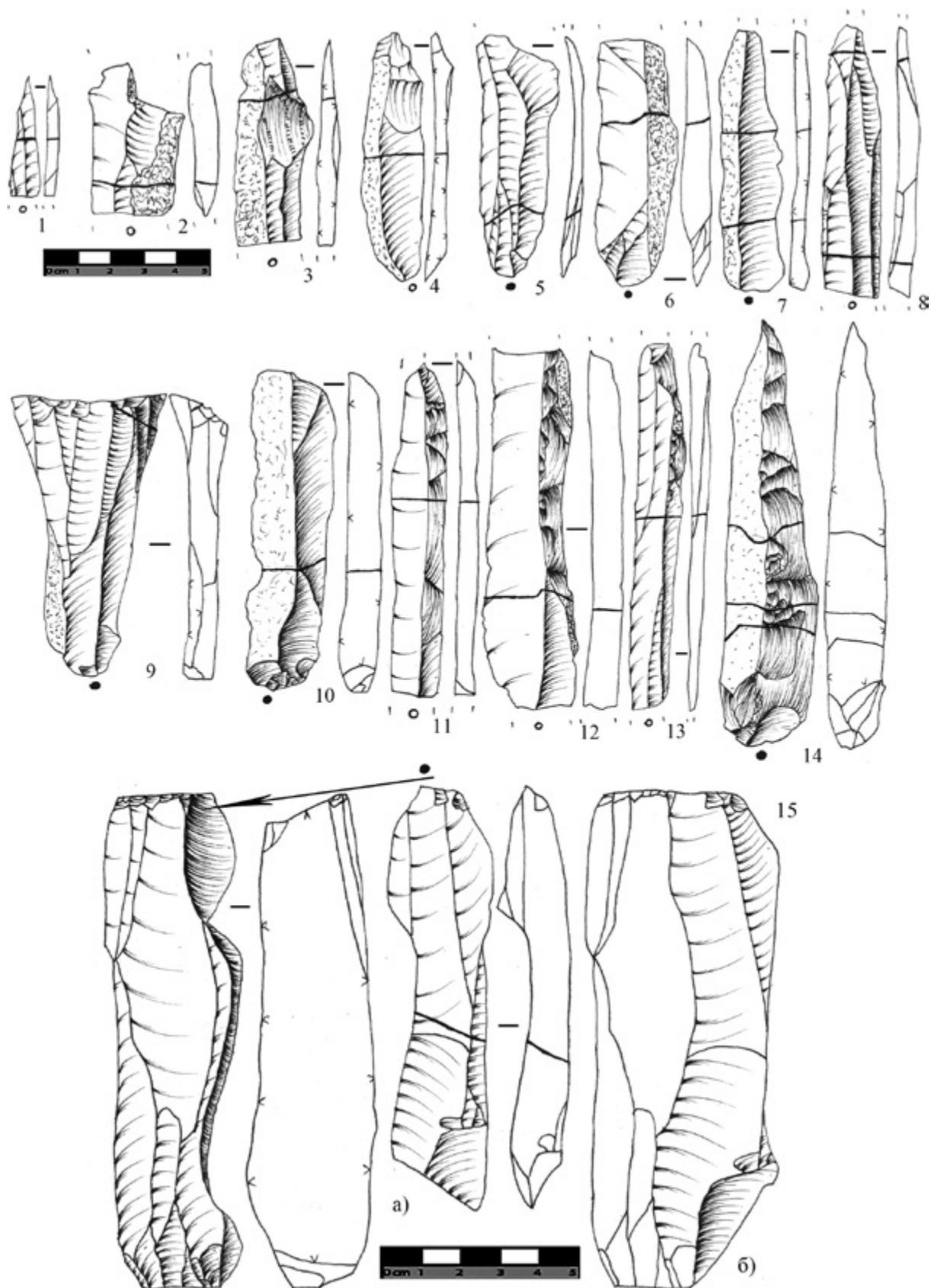

Рис. 9. Кв. М-65 – «точок». Примеры ремонта.

вается один многоплощадочный аморфный нуклеус, выполненный на «импортном» кремне красного цвета, с желтой подкоркой (рис. 12.1).

Необходимо отметить, что все нуклеусы имеют гладкую площадку, часто использовался абразив для снятия «карниза», и подготовки

рабочей поверхности. На стоянке представлены нуклеусы на разных стадиях утилизации – от пренуклеусов до максимально сработанных.

Изделий со вторичной обработкой насчитывается 62 экз., что без учета чешуек составляет 5,9 %. Большинство из них – ретуширо-

ванные пластины (16 экз.), пластинки (7 экз.) (рис. 13.1,4-7,9-13). Отщепы ретушированные представлены 3 экз.

Скребок насчитывается всего 1 экз. – концевой, выполненный на дистальной части реберчатой пластины (рис. 13.3). Проколки также

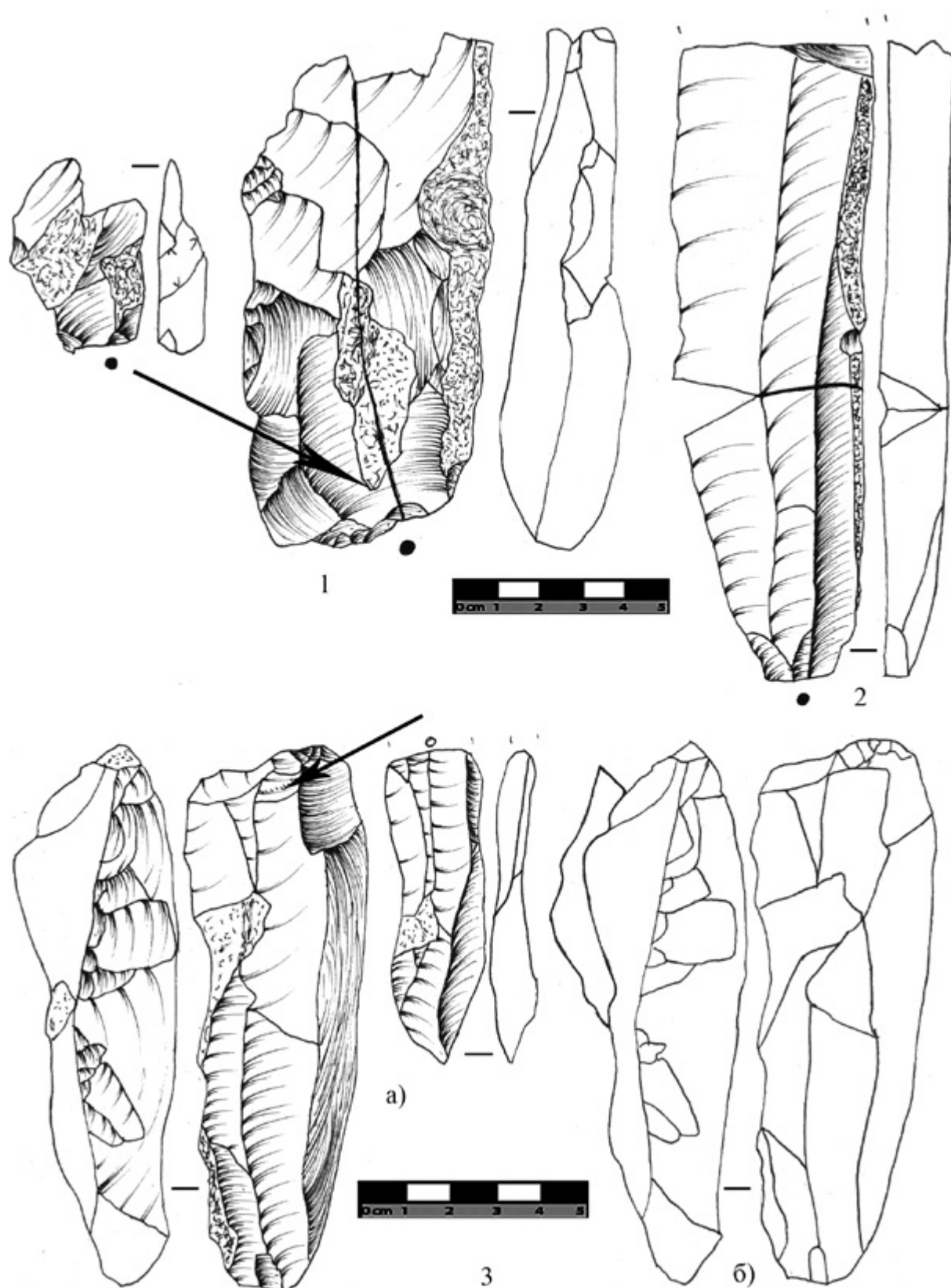

Рис. 10. Кв. М-65 – «точок». Примеры ремонта.

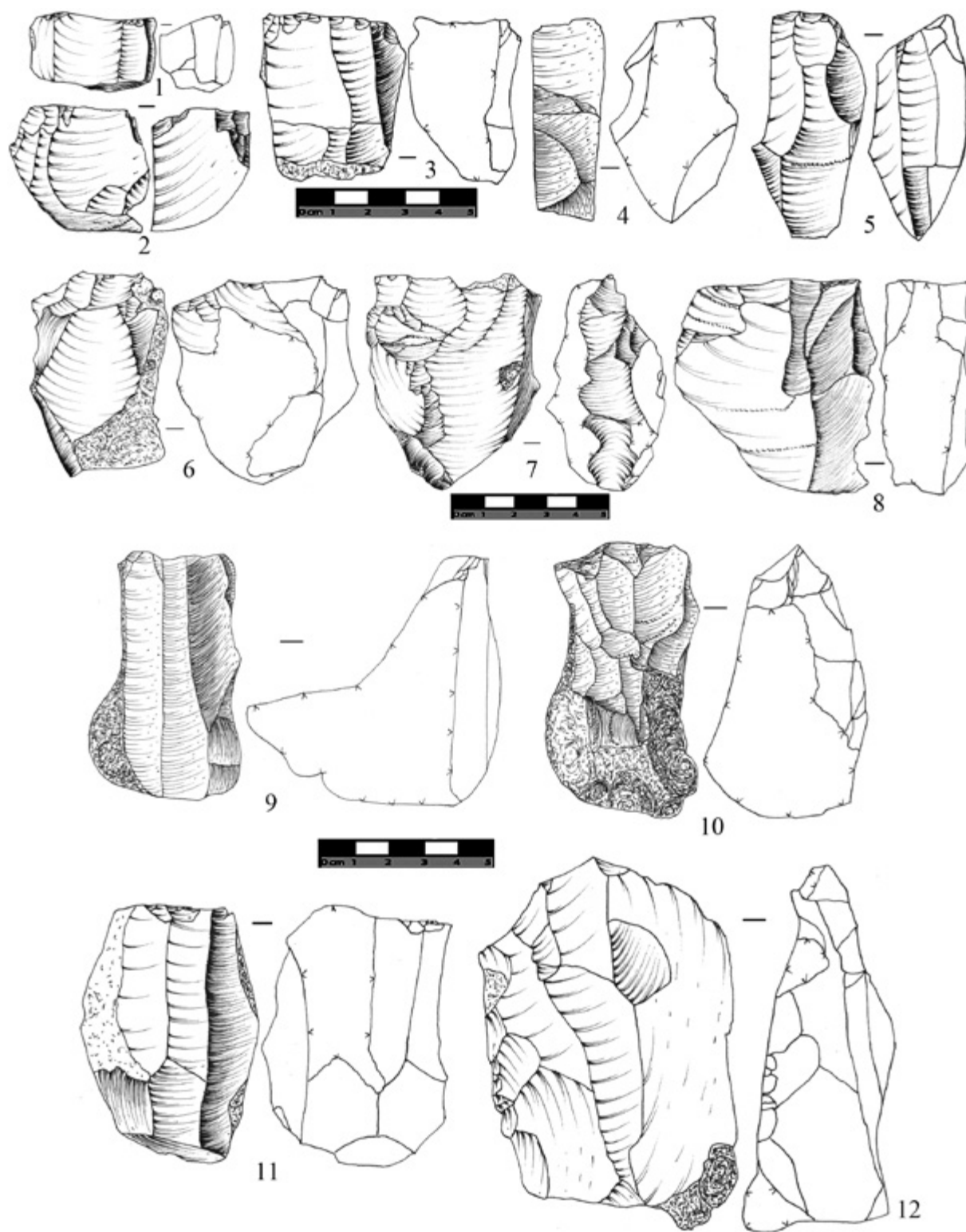

Рис. 11. Нуклеусы одноплошадочные.

представлены в 1 экз. – асимметрическая, выполненная на дистальной части пластины (рис. 13.2). Скобелей насчитывается 2 экз. – первый выполненный на массивном первичном отщепе, второй на пластине (рис. 13.8).

Также, в коллекции присутствует одно комбинированное орудие – скребок концевой/скобель/резец на углу сломанной пластины (рис. 14.5).

Одну из наиболее больших групп представляют резцы, которых насчитывается 12 экз. Большинство из них угловые – 5 на пластинах (рис. 14.1-2,4,9,11), и 1 на отщепе (рис. 14.7). Двугранных насчитывается 4 экз. – 3 на пластинах (рис. 14.3,8), 1 на отщепе (рис. 14.10). Также, в коллекции присутствует 1 боковой корсетушный (рис. 14.6), и 1 резец-струг (рис. 14.12).

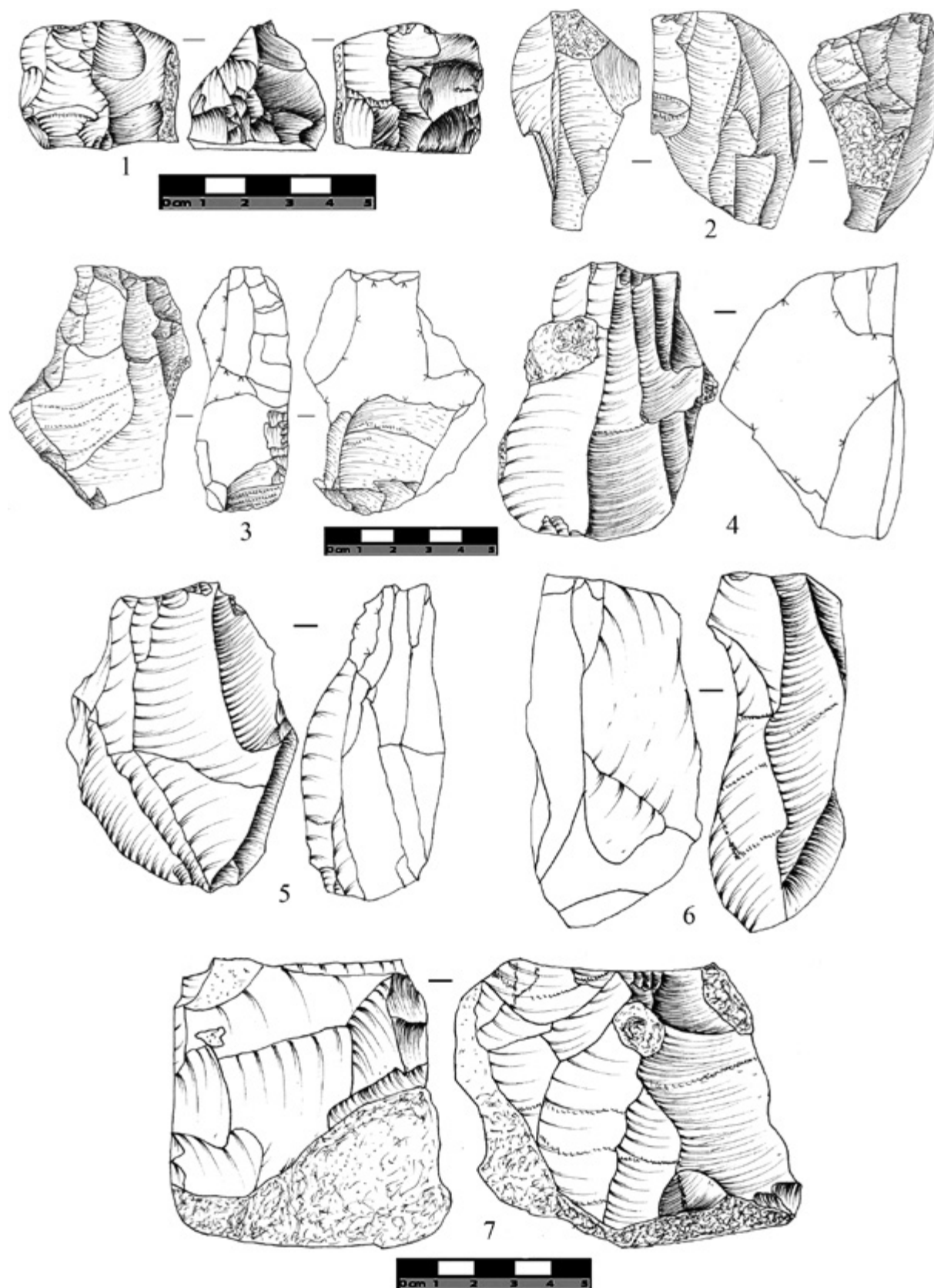

Рис. 12. Нуклеусы: 1 – многоплощадочный; 2-7 – двоплощадочные.

Метательное оснащение представлено следующими категориями – МППК, прямоугольники и острья. МППК насчитывается 8 экз. Большинство из них представлены в виде

фрагментированных микропластин, оформленных с помощью крутой притупляющей ретуши (рис. 15.1-5,7-8), иногда тронкированные (рис. 15.4,8). Некоторые из них имеют следы

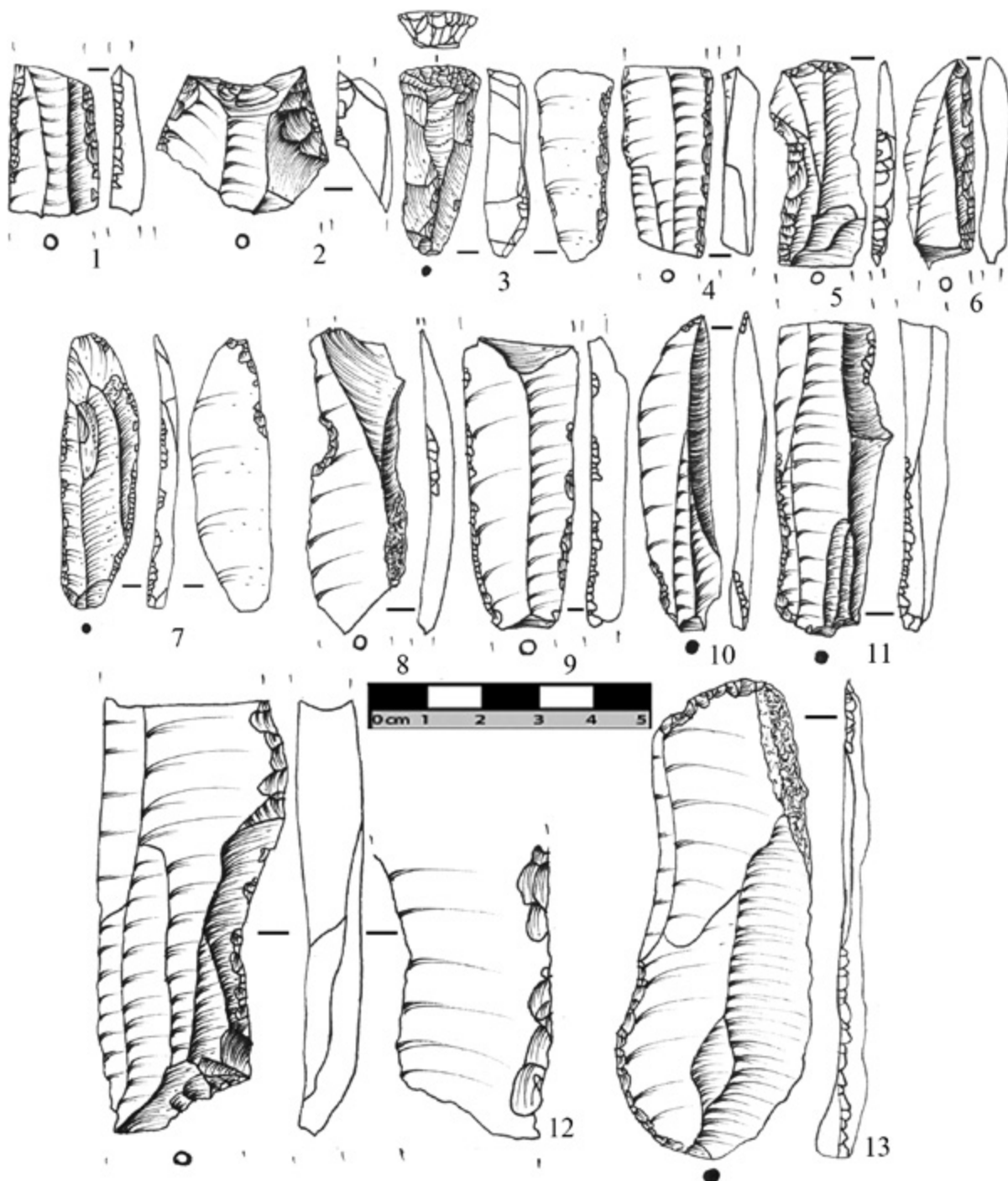

Рис. 13. Ретушированные пластины – 1, 4-7, 9-13; скребок концевой – 3; проколка асимметрическая – 2; скребок – 8.

макроизноса (рис. 15.2,4,7). Один оформлен с помощью вентральной ретуши по краю на S длины заготовки (рис. 15.6).

Прямоугольников насчитывается 6 экз., как обломанных (рис. 15.9,11,14) так, и целых (рис. 15.10,12-13). Прямоугольники оформлены полукрутой (рис. 15.1,10-11,14), иногда притупляющей (рис. 15.9,12-13) ретушью, зачастую битронкированные (рис. 15.10,12-13). В качестве заготовок служили пластины и пластинки, ретушь могла «съедать» до j ширины заготовки. Один экземпляр имеет следы макроизноса (рис. 15.13).

Острия представлены 4 экз. Билатеральное симметрическое выполнено на дистальной части пластины, оформлено с помощью полукрутой ретуши, исключительно остройная часть (рис. 15.17). Билатеральное со скошенным концом также выполнено на дистальной части пластины, и оформлено с помощью полукрутой ретуши по одному краю, и нерегулярной по другому (рис. 15.15). Латеральное со скошенным концом выполнено на массивной пластине, оформлено полукрутой регулярной ретушью по одному краю, и альтернативной по вентральной стороне (рис. 15.18).

Острие с боковой выемкой выполнено на тронкированной пластине, оформлено с помощью крутой ретуши по одному краю. Черенок острия занимает 2/3 длины заготовки. Дистальный конец имеет следы макроизноса (рис. 15.16).

Особый интерес представляет собой доловидное орудие, выполненное на массивном первичном плитчатом отщепе. Оформлено с помощью полукрутой чешуйчатой ретуши с дорсальной и вентральной стороны (рис. 15.19).

Кроме того, в коллекции присутствуют 1 «наковальня» оселковидной формы (рис. 16б), и отбойник (рис. 16а).

Таким образом, на основе полученного материала, данную стоянку можно отнести к группе памятников пушкаревского типа. Анализ кремневого комплекса свидетельствует о том, что на стоянке происходил полный цикл обработки сырья – от подготовки нуклеусов до изготовления орудий. Вызывает интерес преобладание в инвентаре резцов и метательного оснащения, и при этом практически полное от-

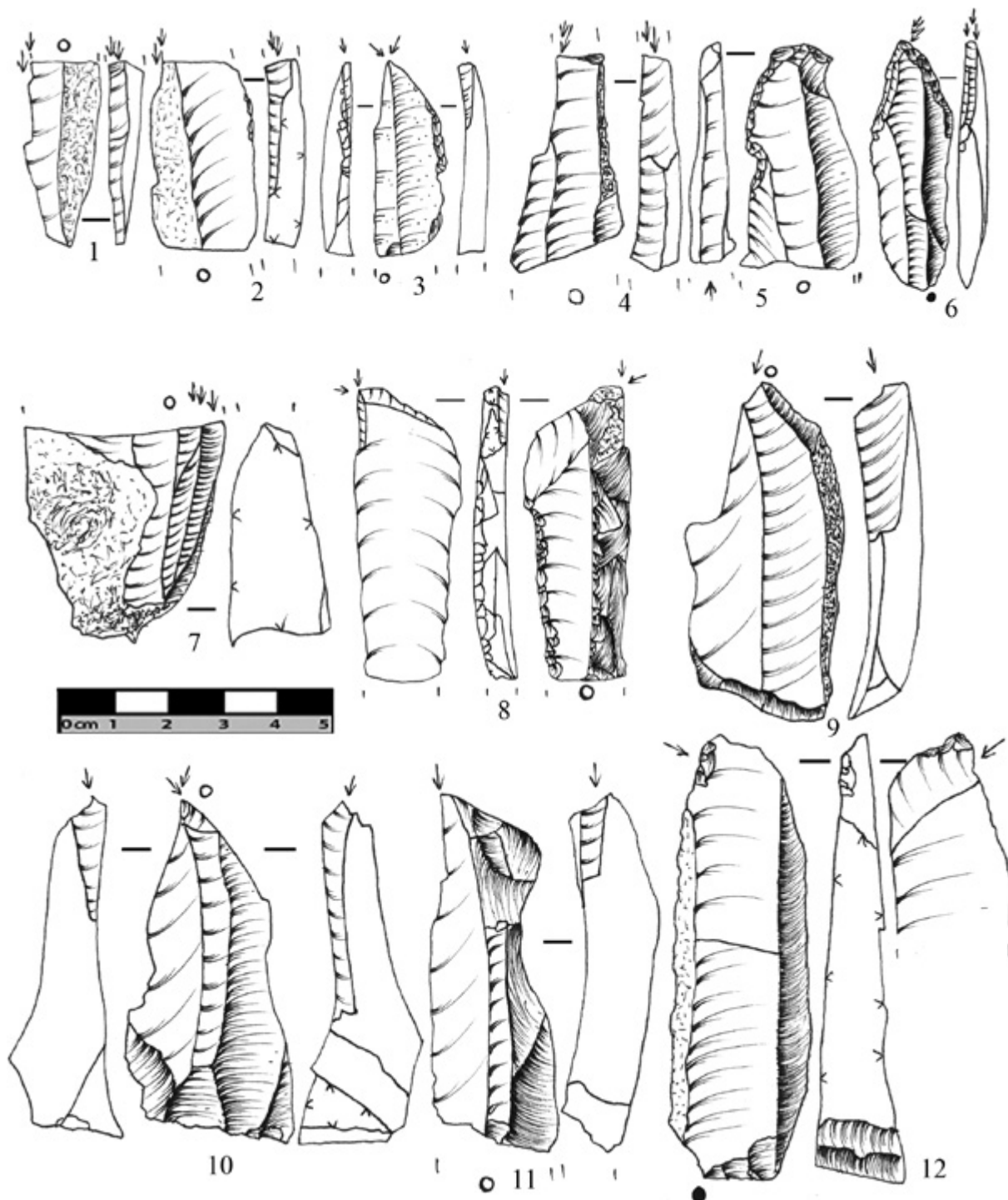

Рис. 14. Резцы – 1-4, 6-12; комбинированное орудие – 5.

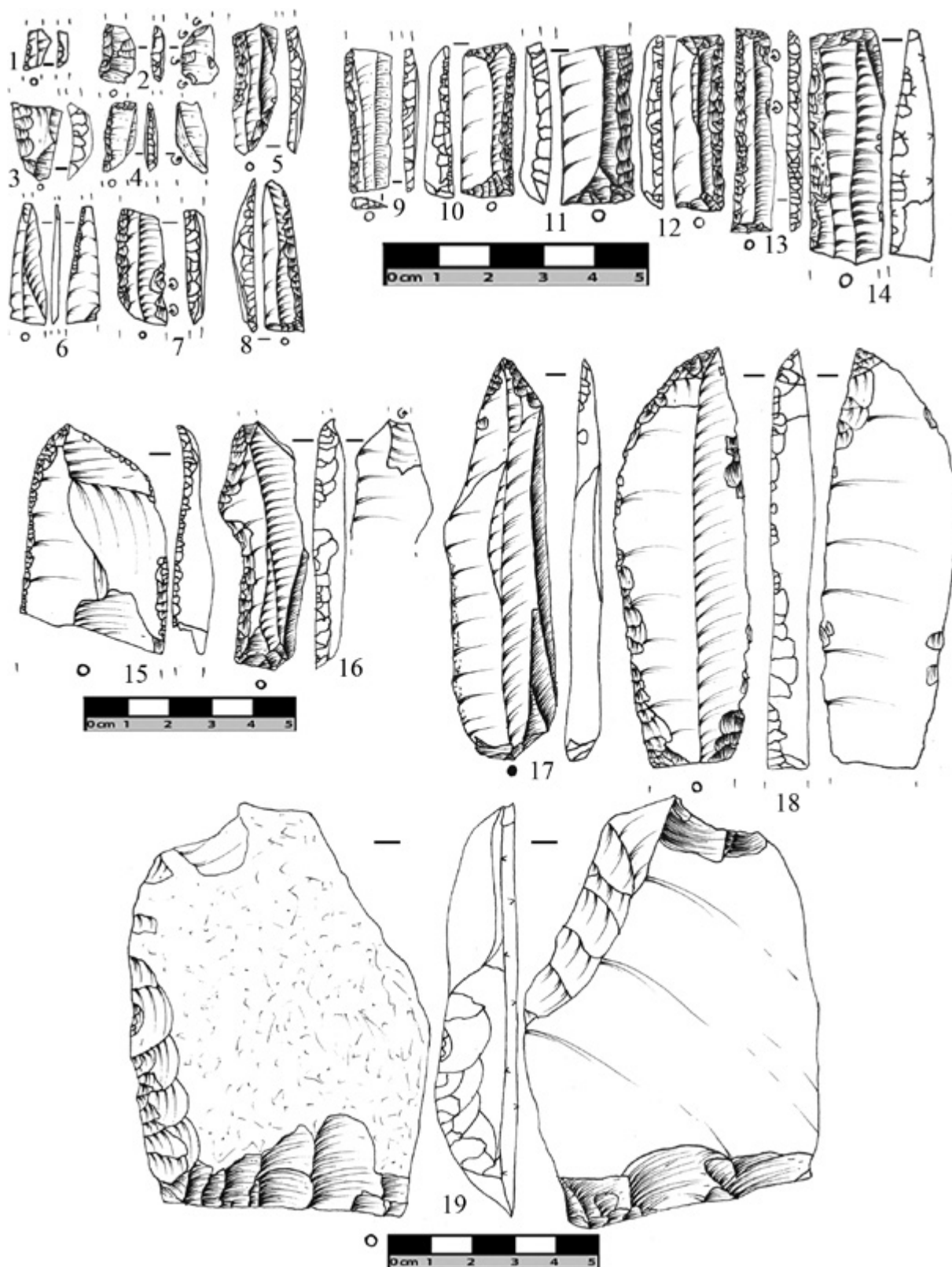

Рис. 15. МППК – 1-8; прямоугольники – 9-14; острия – 15-18; долотоподобное орудие – 19.

существование (всего 1 экз.) такой категории орудий, как скребки. Это наблюдение, а также высокая топография, несвойственная памятникам зимнего периода, дает возможность интерпретировать стоянку как сезонный (летний) лагерь

охотников. Продолжение исследований данной стоянки являются перспективными не только в контексте верхнего палеолита Подесенья, но и Восточной Европы в целом.

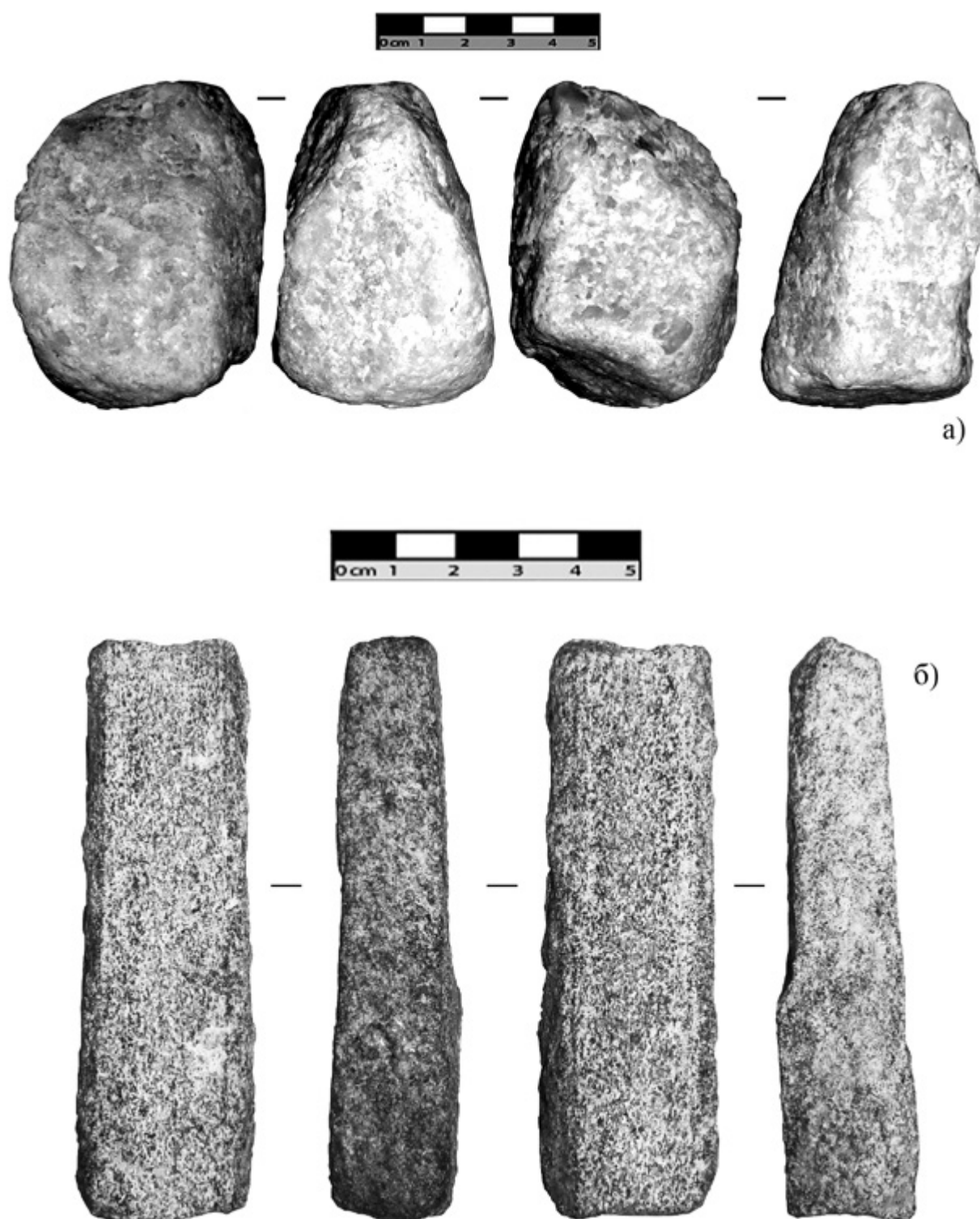

Рис. 16. а) отбойник; б) «наковальня».

Литература

Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка
Погон // КСИИМК: вып. XXXI. – М.-Л.: 1950.
– С. 40-54.

VASIL'EV P.M.

**NEW INVESTIGATIONS OF THE UPPER PALAEOLITHIC
SITE POGON (2011-2013)**

This article deals with new investigations of Pogon Upper Paleolithic site (Pushkari village, Novgorod-Siverski district, Chernigiv region). In 2011-2013 field seasons 8 m² was excavated. The flints assemblage consists of 2300 artefacts, including 62 tools, which are subdivided on burins, points, retouched blades and flakes. Fauna materials are presented by mammoth (*Mammuthus primigenius*), polar fox (*Alopex lagopus*), Pleistocene horse (*Equus sp.*), wolf (*Canis lupus*) and deer (*Cervidae*). Four small pits with vertically deposited bones and one hearth were discovered.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ УЧАСТКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ЮГ ОТ ПЕРВОГО МЕЖИРИЧСКОГО ЖИЛИЩА¹

В данной статье представлены материалы последних исследований участка «топталища» относящегося к первому хозяйственно-бытовому комплексу верхнепалеолитической стоянки Межирич, основное внимание уделяется анализу кремневого инвентаря.

Ключевые слова: верхний палеолит, эпиграветт, межиричский тип индустрии.

Верхнепалеолитическое поселение Межирич находится на территории с. Межирич Каневского р-на Черкасской области; расположено на мысу образованном долинами рек Рось и Россавы, около 12 км на запад от р. Днепр, в 200 м от высокого коренного склона плато в долине р. Рось. С точки зрения геоморфологии, стоянка соотносится с уровнем второй надпойменной террасы Рось, осложненной конусом выноса большого древнего оврага в долину этой речки, который имеет высоту 10-12 м над современной поймой. Палеолитические культурные остатки памятника залегают на глубине 2,5–3 м от современной дневной поверхности мыса, немного выше основного уровня покрытия аллювием второй надпойменной террасы. Большая часть из девятнадцати радиоуглеродных дат, произведённых различными лабораториями, являются довольно схожими. Они были отобраны со всех исследованных на сегодняшний день жилищ и окружающих их объектов, и определяют возраст стоянки в довольно узких хронологических рамках - близко середины 15 тысячелетия от наших дней (Нужный и др. 2007). В калиброванных календарных датах это соответствует периоду между 17.000 и 18.070 лет до наших дней. На данный момент, Межиричское верхнепалеолитическое поселение является одним из наиболее надёжно датированных комплексов Восточной Европы.

По названию этого поселения среди эпиграветтских памятников Среднего Приднепровья выделен специфичный тип индустрии – межиричский, который включает такие памятники как собственно Межирич, Добраничевку, Гонцы, Семеновку I – III. Недавно комплексы этой индустрии были обнаружены в бассейне Средней Десны (Бужанка 2, верхний слой) которые кроме характерного комплекса кремневых орудий имели и конструкции из костей мамонта (Нужный 2002; Шидловский 2005; Nuzhnyi 2008; Ступак 2009) (Рис. 1).

Памятник исследовался академиком И.Г. Пидопличко (1966–1974 гг.), который полностью раскопал жилища из мамонтовых костей трех хозяйственно-бытовых комплексов (ХБК) (Пидопличко 1969; 1976). С 1976 по 1989 гг. раскопки стоянки и междисциплинарные исследования проводились группой украинских и российских специалистов (Н.Л. Корниец, М.И. Величко, Ю.Н. Грибченко, Е.М. Зеликсон и др.) под руководством заведующего кафедрой археологии, этнографии и музееведения Киевского университета М.И. Гладких. Важным достижением полевых исследований стало открытие четвертого жилища с использованием костей мамонта в 1976-1978 гг., а также целого ряда ям и участков культурного слоя, связанных с жилищами №№ 1, 2 и 4 (Гладких, Корниец 1979). Результатом изучения стоянки стало не только обработка и публикация выявленных материалов (Гладких 2001, Гладких, Рижов 2009), но и историческая интерпретация археологических и фаунистических источников (Корниец, Гладких, Величко и др. 1981; Гладких 1999; 2001). С 1989 по 1998 гг. Работы на памятнике проводились украинско-американской экспедицией под руководством Н.Л. Корниец (Soffer, Adovasio, Kornietz, et al. 1997).

Начиная с 2003 г. памятник комплексно исследуется совместно украинско-французской экспедицией при участии Института археологии НАН Украины, Института палеонтологии Человека и Национального исследовательского агентства (Франция) под руководством Д.Ю. Нужного и Ст. Пеана (Komar, Kornietz, Nuzhnyi et al. 2003).

С 2009 г. Межиричское поселение исследуется комплексной экспедицией при участии таких организаций, как Кафедра археологии и музееведения Киевского национального университета имени Тараса Шевченка (П.С. Шидловский), Института археологии НАН Украины (Д.Ю. Нужный) и Национального природо-ведческого музея, Франция (Ст. Пеан), с привлечением отечественных и зарубежных

¹ Работа выполнена в рамках проекта НАНУ №07-06-12 (У) – РФФИ №12-06-90400-Укр-а.

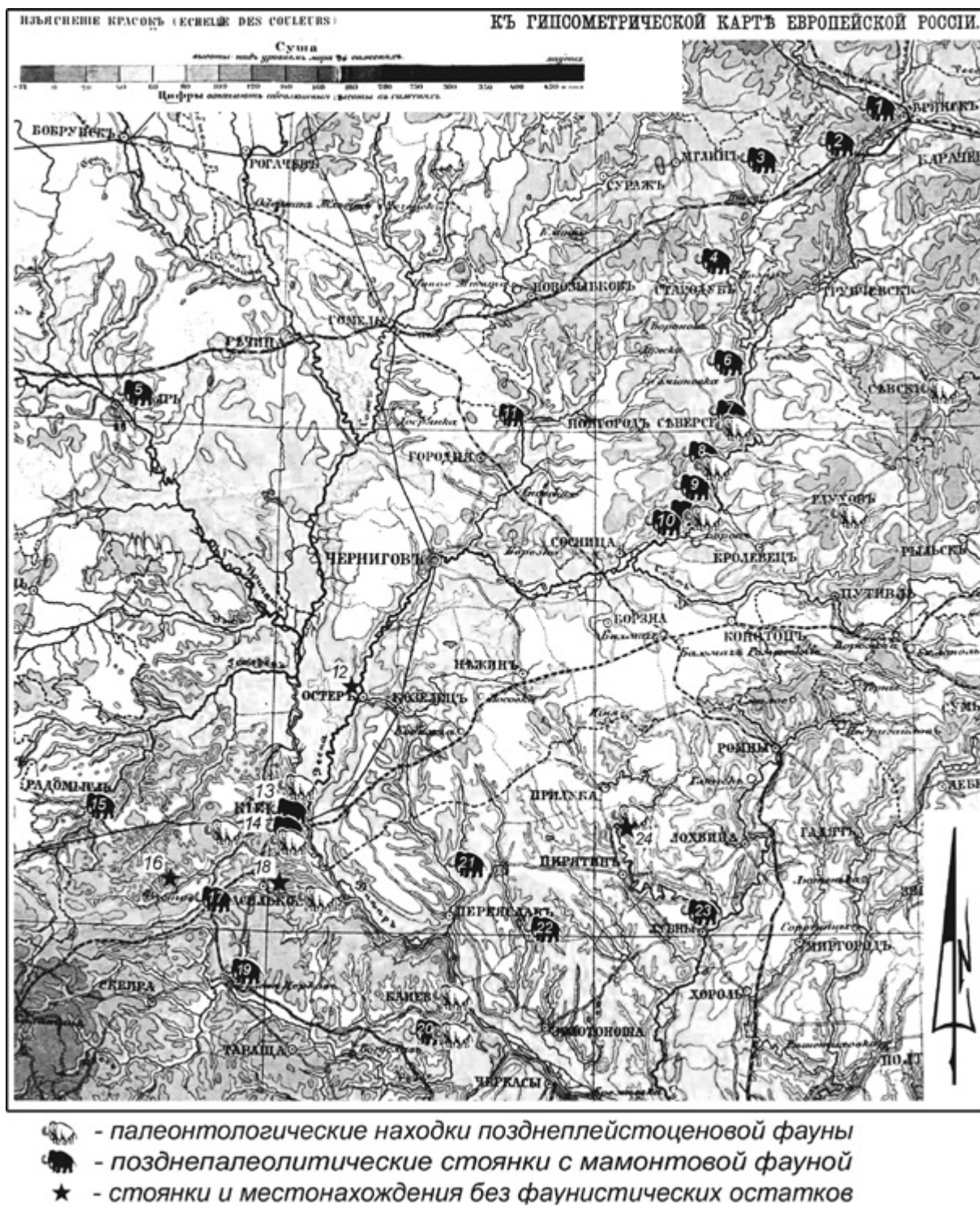

Рис. 1. Позднепалеолитические памятники Среднего Приднепровья:

1 - Тимоновка; 2 - Супонево; 3 - Елисеевичи; 4 - Юдиново; 5 - Юровицы; 6 - Пушкарки; 7 - Новгород-Северская; 8 - Чулатов; 9 - Мезин; 10 - Бужанка; 11 - Клюсы; 12 - Радовныця; 13 - Кирилловская; 14 - Караваевы Дачи; 15 - Радомышль; 16 - Суцанка; 17 - Фастовская; 18 - Великая Бугаевка; 19 - Александрия; 20 - Межирич; 21 - Семеновка; 22 - Добраничівка; 23 - Гонцы; 24 - Журавка.

специалистов в областях геологии, палеоботаники, геоморфологии и др. (Шидловский, Нужный, Пеан 2009).

Предыдущими исследованиями больше внимания уделялось преимущественно жилищным конструкциям, в то время как значительная часть участков культурного слоя и хозяйственных объектов не вызывала необходи-

мой заинтересованности специалистов. Учитывая важность вопросов хозяйственного и функционального назначения объектов памятника, сезонности и длительности их использования для создания интерпретаций исторического уровня, современное изучение поселения предусматривает исследование хозяйственных ям и участков культурного слоя, рас-

положенных вокруг жилищных сооружений. В последние годы работы концентрируются в основном на двух участках поселения, а именно: участок культурного слоя с ямой №7 на юг от 1-го жилища и участок культурного слоя с ямой №6 на юг от 2-го межиричского жилища (Рис. 2) (Шидловський, Нужний, Пеан, Прядко 2012; Шидловський 2013).

Особый интерес представляет собой участок на юг и юго-восток от раскопанного в 1966 г. первого жилища, учитывая значительную концентрацию хозяйственных объектов и насыщенность культурными остатками именно южного от жилища сектора. На плане И.Г. Пидопличко именно в этом направлении отмечается распространение насыщенного культурного слоя – т.н. «огнищного топталища». Исследования 2001-2006 гг. позволили полностью раскрыть хозяйственную яму №7 на юго-восток от жилища, а также производственный участок по обработке кремневого сырья («точок»). Анализ кремневых изделий, происходящих из разных объектов 1-го ХБК, а именно: заполнения самого жилища, хозяйственной ямы № 7 и «точка» позволили выявить определённую функциональную специфику каждого из них, что проявляется в соотношениях категорий кремневого инвентаря (Нужний, Шидловський 2009; Нужний, Шидловский 2011).

Первое жилище с использованием костей мамонта в структуре является наиболее известным объектом этого поселения. Сейчас его реконструкция, созданная И.Г. Пидопличком, экспонируется в Национальном научно-природоведческом музее НАН Украины. Конструкция имела цоколь из 25 мамонтовых черепов, который был обложен нижними челюстями, вставленными одна в другую. В середине жилища обнаружен очаг и место первичного расщепления кремня и изготовления орудий труда. Специфику данному жилищу придают яркие изделия палеолитического искусства в виде антропоморфных фигурок, фрагмента орнаментированного бивня мамонта и нескольких подвесок из панцирей морских моллюсков *Nassa* (Пидопличко 1976).

Таким образом, исследованиями, проводившимися в последние годы, были поставлены задачи соединения раскопов №1 (1966 г.) с участками в пределах раскопа № 4 (2001–2006 гг.). Ожидаемыми результатами было точное определение расположения всех жилищ и хозяйственных объектов в пределах трёх раскопов, связанных с ХБК 1, 2 и 4. Естественно, что постепенное раскрытие объектов сто-

янки на протяжении полувека различными группами исследователей с использованием разной методики, неизбежно привело к погрешностям в установлении разбивки разных участков единого памятника. С целью устранения данных трудностей было предложено новую систему координат с цифро-буквенной нумерацией квадратов, размером 1х1 м, за основу которой взята разбивка 4-го раскопа. Предыдущая состояла из квадратов со сквозной нумерацией 2х2 м и последующим их членением на сектора А-Г. Таким образом, новой сеткой были перекрыты объекты 1, 2 и 4-го раскопов. Границы квадратов и находящиеся в их пределах находки фиксировались с помощью электронно-лазерного тахеометра, что сводило погрешности до минимума (Рис. 2).

Последующей задачей проводимых исследований стало раскрытие участка «огнищного топталища» обозначенного И.Г. Пидопличко на плане на юг от первого жилища, в прирезке 2х1 м к квадрату №4. Соответственно плану, оно представляло собой мощное скопление культурных остатков, среди которых отмечены обработанные кости, раковина моллюска, кремневые изделия. Исследователь определяет его в качестве остатка внешнего очага и местом скопления выкидов из ям и из жилищного пространства (Пидопличко 1976).

Для соединения обоих раскопов наиболее показательной является линия U-W в квадратах 20-22, в пределах которых связываются как полностью исследованные яма №7 на юго-востоке ХБК и производственный центр на ее краю, так и границы раскопа 1966 г. с указанным «топталищем». Анализ этого участка культурного слоя важен еще и потому, что он непосредственно связан с «выходом» из жилища и может служить важным источником для понимания структуры ХБК в целом. Особое внимание следует уделить коллекции кремнёвых изделий, происходящих с этого участка слоя, с целью сравнения их соотношений с другими объектами этого ХБК, в первую очередь с коллекцией, происходящей из жилища, анализ которой, уже проведен авторами (Нужний, Шидловський 2009; Нужний, Шидловский 2011).

Общее количество изделий из кремня, происходящих с участка V-W / 20-22 составляет 625 экз., исключая мелких лусочек, большее количество которых получено в результате промывки культурного слоя. Отходы производства (560 экз.) представлены преимущественно отщепами (268 экз., 49,1% от отходов) и пластинчатыми продуктами (258 экз., 47,3%).

ОБЩИЙ ПЛАН МЕЖИРИЧСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

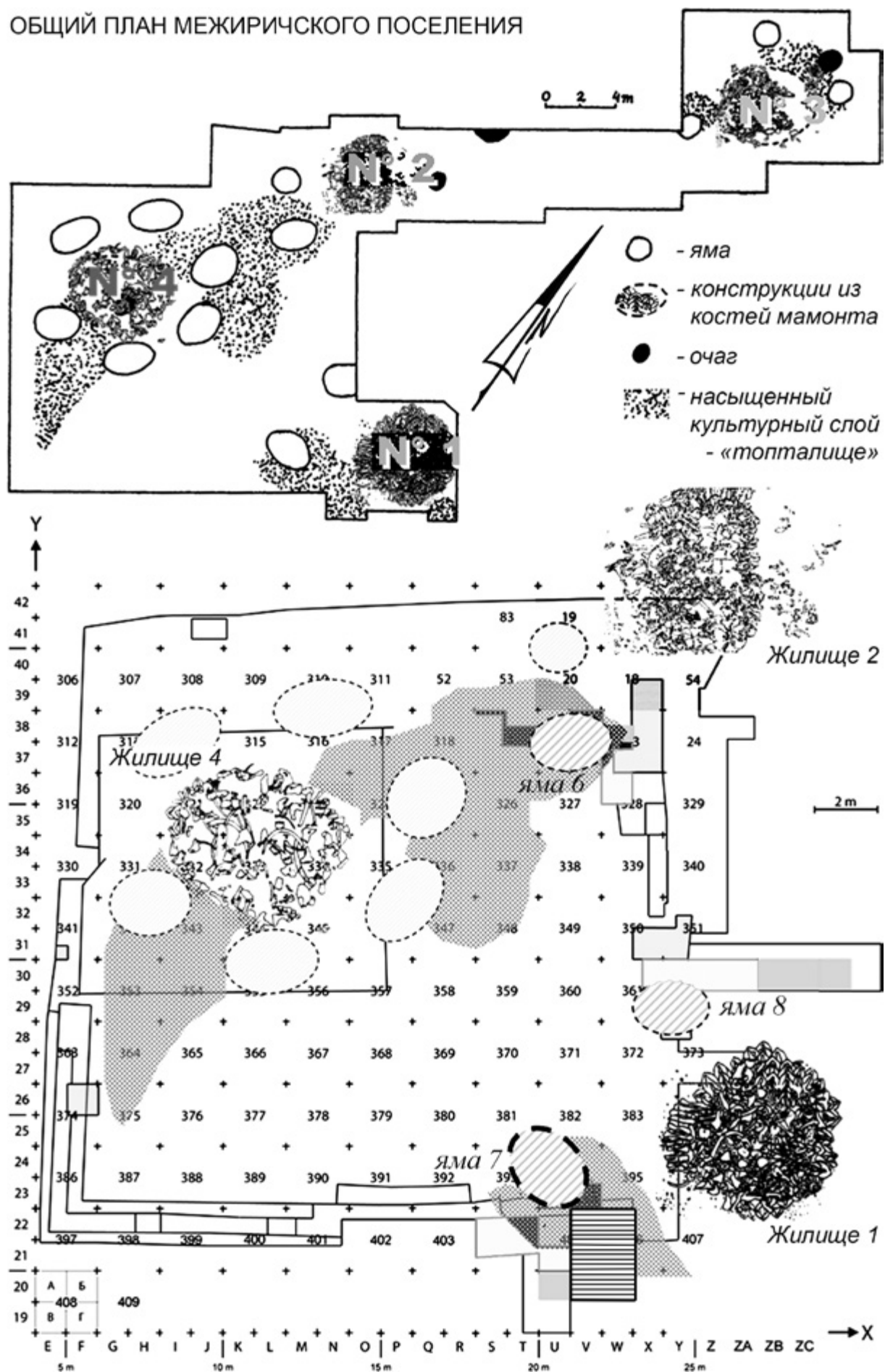

Рис. 2. Межирич. Общий план раскопа.

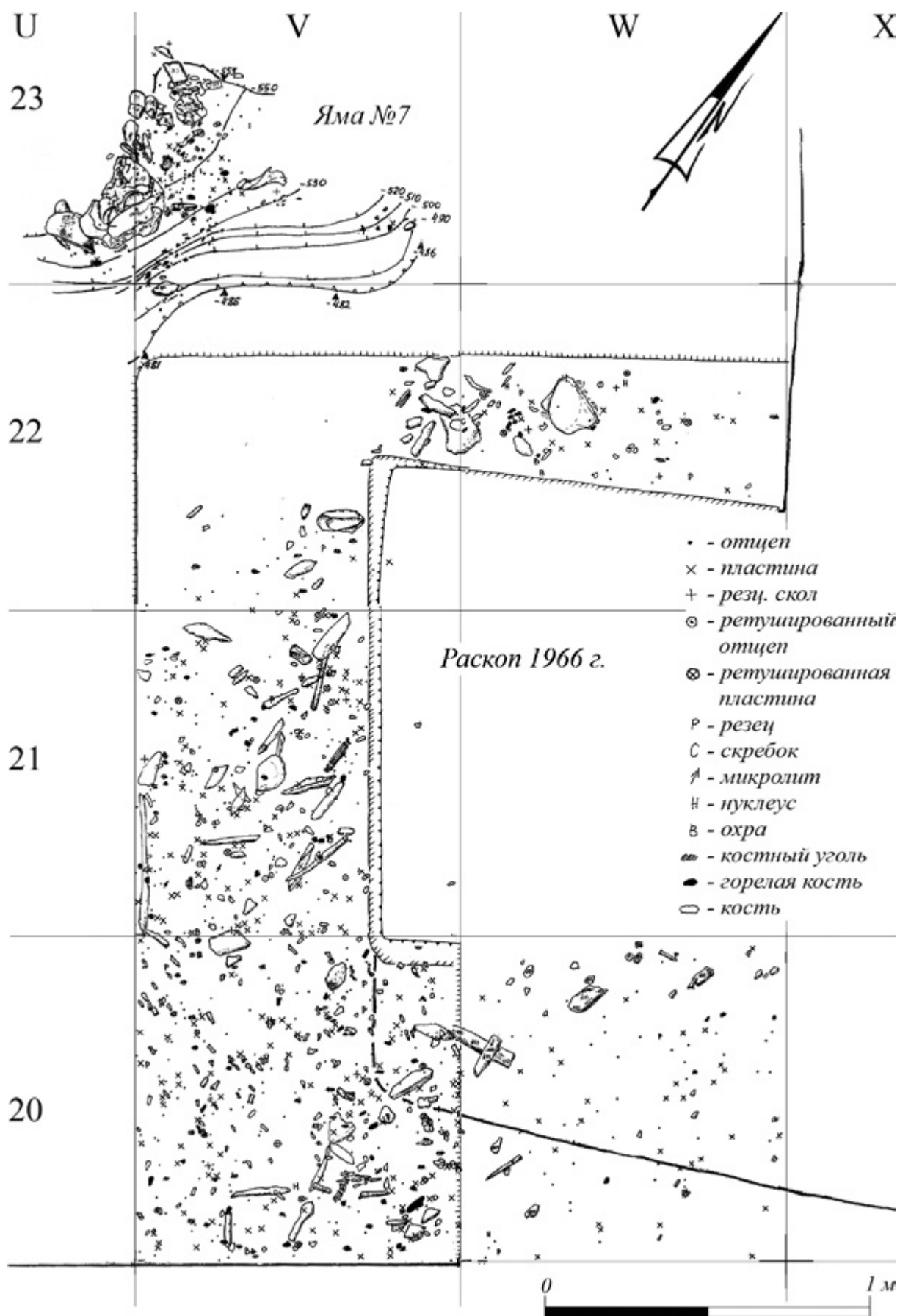

Рис. 3. Межирич, ХБК 1. План исследуемого участка.

Размер большинства пластинчатых заготовок по ширине варьирует в пределах 0,8 – 1,8 см с незначительными отклонениями с пиком 1,2 см. Подавляющее большинство этой категории представлены пластинками – 105 экземпляров. Среди этой категории отходов, практически в равной степени представленной целыми, дистальными, медиальными и проксимальными частями, подавляющее большинство – 74 экз. – являются продольными, значительно в меньшей степени – 16 экз. – бипродольными; незначительная часть представлена первичными, ребристыми и бессистемными. Длина целых экземпляров варьирует в пределах 1,7 – 2,5 см. Площадки пластинок (целые + проксимальные) в основном точечные (23) и линейные (18); в незначительном количестве представлены гладкие (7), уничтоженные при снятии (6); по одному экземпляру присутствуют природная и 2-гранная площадки. Для получения пластинок использовались такие приёмы как редукция карниза (35 случаев), изолирование площадки скола (18 случаев), довольно часто отсутствует какая-нибудь подготовка площадки перед снятием (18 случаев). По характеру окончаний пластинок (целые + дистальные) доминирует в основном перообразное (35), также характерно прямое (18), в 6 случаях наблюдается залом.

Следующей по количеству категорией пластинчатых заготовок являются микропластины – 81 экземпляр – практически в равной мере представлены целыми, дистальными и медиальными частями, на порядок меньше проксимальных. Подавляющее большинство микропластин продольные – часть их, безусловно, была получена в результате редукции карнизов нуклеусов при подготовке более крупных сколов. Площадки микропластин в равной мере линейные и точечные. Окончание в основном перообразное (29) или прямое (18).

Несколько меньше – 70 экз. – среднешироких пластин, среди которых большинство являются целыми (27), в меньшей мере представлены дистальные (19), проксимальные (16) и медиальные (8) части. По характеру снятия, среднеширокие пластины распадаются на продольные (36), бипродольные (19), ребристые (6), бессистемные (5) и первичные (4). Длина целых экземпляров в большинстве случаев колеблется в пределах 2,5 – 4,3 см. По характеру площадок пластинчатых сколов (целые + проксимальные), большинство заготовок имеет линейные (14), точечные (12) и гладкие (10) площадки. В остальных случаях площадка уничтожена при ударе (7), или имеет природную

поверхность (2). С целью получения среднешироких пластин в большинстве случаев использовался приём редукции-пришлифовки карниза площадки (27), также применялось изолирование скола (10), но практически никогда фасетирование – присутствует лишь 1 экз. с двугранной площадкой. Окончание пластин (целые + дистальные) преимущественно прямое (23), часто перообразное (10), а также залом (8) и ныряющее (5).

В ходе раскопок выявлено 9 резцовых сколов, однако при использовании промывки седимента, их количество увеличилось до 27, что говорит про значительные вариации в их статистике, в зависимости от методики раскопок (Рис. 5, 3-7). Часть этих изделий имеет спрямленный ретушировкой край перед снятием самого скола.

Нуклеусов 10 экз., которые в равной мере представлены одноплощадочными и двуплощадочными (Рис. 4). Одноплощадочные – либо расколоты в процессе утилизации (2), либо имеют фасетки с противоположной площадки, которая не сохранилась вследствие её снятия ныряющим сколом (3 экз.). Все двуплощадочные формы – со смежными рабочими поверхностями. Ударные площадки, общим количеством 15, в основном скошенные, большинство (8) сформированы одним широким сколом со стороны рабочей поверхности нуклеусов, в меньшей мере присутствуют площадки, оформленные 2-3-мя сколами, а в одном случае – природная поверхность желвака. Для снятия сколов в большинстве случаев использовалась редукция карниза мелкими сколами (9), в единичных случаях площадка неподготовлена. Все нуклеусы достаточно сработаны, пребывали на последних этапах утилизации, про что свидетельствует наличие заломов, размерами варьируют в пределах 4 – 5 см по оси.

Орудия труда представлены в основном обработанными пластинчатыми сколами, резцами, ретушированными отщепами, проколками и единичными скребками.

Обработанные пластинчатые сколы общей численностью 31 экз. делятся на ретушированные по краю та поперечно тронкированные формы (Рис. 5). Первая категория представлена 16 экз., среди которых присутствуют пластинки и среднеширокие пластины оформлены в основном мелкой и жемчужной, часто нерегулярной ретушью по спинке (13 экз.), по брюшку (2 экз.) и альтернативной (1). Для изготовления этого типа изделий использовались продольные (8), в равной мере бипродольные и ребристые (по 4) сколы, шириной преимуще-

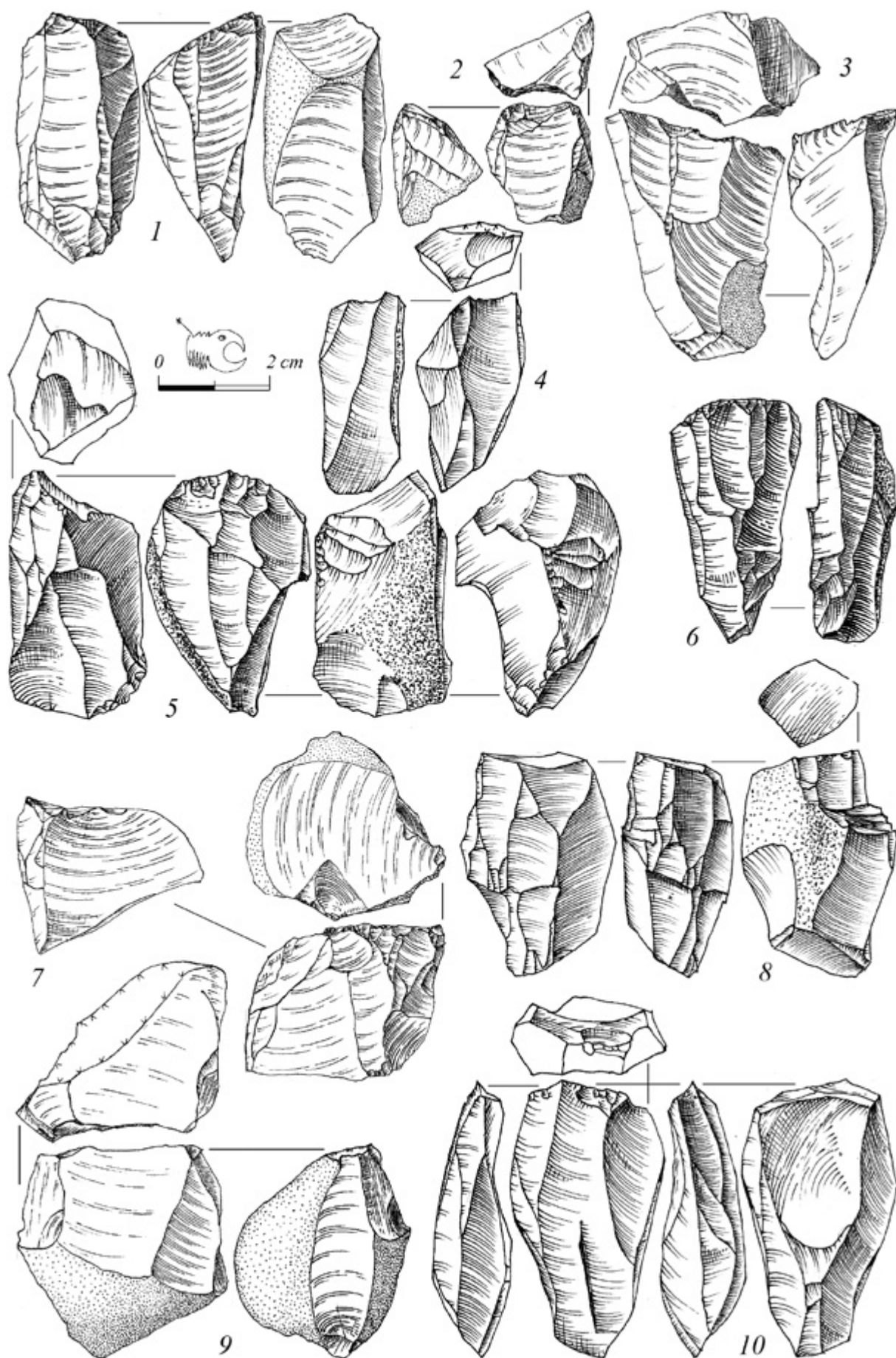

Рис. 4. Межирич, ХБК 1. Нуклеусы.

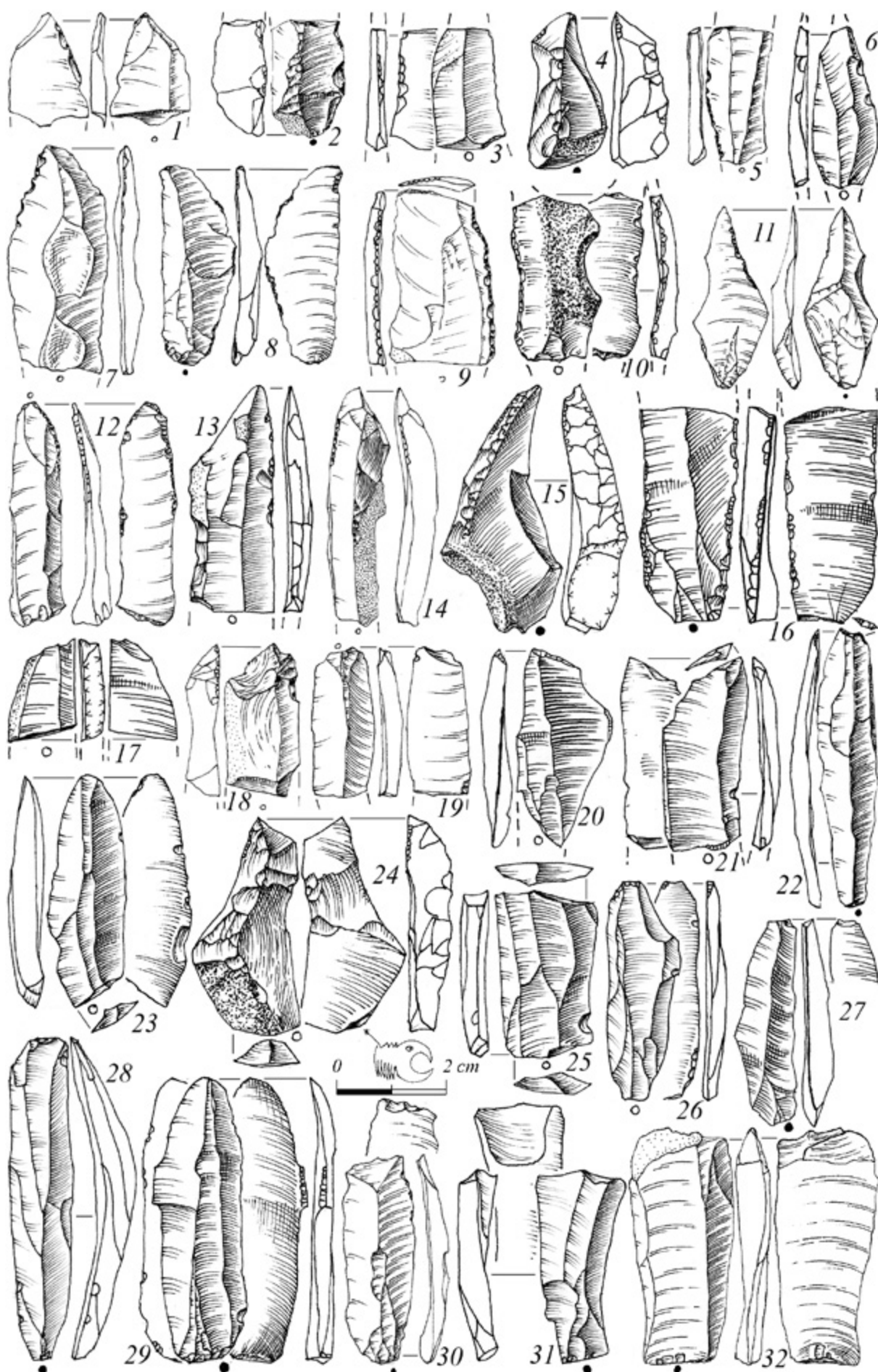

Рис. 5. Межирич, ХБК 1. Обработанные пластины.

ственно в пределах 1,2 – 1,9 см с максимальным диапазоном 1,1 – 2,2 см.

Поперечно тронкированные пластины насчитывают 15 экз., представлены также пластинками и среднеширокими пластинами с прямо (9 экз.) и скошено усеченным концом. В большей части этих изделий (10 экз.) обработке поддавался дистальный конец заготовки, у 3-х изделий тронкирован проксимальный конец, а в одном случае обработано оба конца. Ретушь наносилась как на спинку, так и на брюшко заготовки (8 и 7 экз.). Выделяется группа изделий (5 экз.) с плоским тронкированием брюшка, что относит эти изделия к типу стамесок (Рис. 5, 31-32). Для изготовления этой категории изделий использовались продольные (8), бипродольные (5) и ребристые (2) полуфабрикаты, шириной 1,1 – 1,9 см.

Следующей за численностью категорией изделий с вторичной обработкой являются резцы (24 экз.), представленные боковыми, угловыми и срединными типами (Рис. 6). Все, кроме одного, боковые резцы (13 экз.) сформированы на пластинчатых заготовках. Большая их часть (10) представлена фрагментами рабочих частей и только два экз. целые, которые являются двулезвийными с альтернативно и встречно расположенными лезвиями, комбинированные в одном случае с угловым, а во втором – снятым с ребра пластины. Рабочая часть резца формировалась как на дистальной части заготовки (4), так и на проксимальной (6). Заготовками для боковых резцов выступали скошено тронкированные продольные (7), ребристые (4) и бипродольные (1) пластины шириной преимущественно в пределах 1,2 – 1,6 см с максимальным диапазоном 0,8 – 1,9 см. Один ретушной резец изготовлен на продольном отщепе с плоским ретушированием противоположного к резцовому сколу краю.

Следующий тип резца оформлялся на углу сломанной пластины (7 экз.), представлен целыми экземплярами (5) и фрагментами рабочих частей (2). Лезвие располагалось как на проксимальном (4), так и на дистальном (3) концах заготовок. В качестве площадки для резцового скола использовался поперечный слом пластины (5), а в двух случаях – ударная площадка самой заготовки. Полуфабрикатами для исполнения угловых резцов служили исключительно продольные (3) и бипродольные (4) пластины шириной в пределах 1,4 – 2,0 см.

Значительно меньшим количеством представлены срединные резцы (4 экз.) в равной мере изготовлены как на отщепах, так и на пластинчатых заготовках. Один резец на прокси-

мальной части пластины шириной 1,5 см является фрагментом альтернативного двулезвийного изделия (Рис. 6, 20), другой выполнен на дистальной части продольной пластинки, шириной 1,1 см (Рис. 6, 23). Заготовками для двух других срединных резцов выступали первичный и продольный отщепы (Рис. 6, 15, 25). В последнем случае, рабочая часть подправлена альтернативным ретушированием, которое сформировало «жальце».

Большая часть резцов (21 из 24) исполнено на продольных (11), бипродольных (6) и ребристых (4) пластинках и пластинах, шириной 1,1 – 2,0 см, с пиком в пределах 1,4 – 1,5 см, что свидетельствует о намеренном отборе заготовок при изготовлении этих орудий. Лезвия резцов сформированы на проксимальных (12), в меньшей мере на дистальных (9) частях заготовок. Возможно, что большинство резцов на пластинах сначала были двулезвийными, однако в процессе утилизации они ломались и в виде фрагментов попадали в культурный слой. В общем подсчете, лезвий: боковых – 13, угловых – 9, срединных – всего 4. для изготовления последних наименьшее внимание уделялось форме заготовки – исполнены на бипродольной пластинке, продольной пластине, первичном и продольном отщепах.

Меньшей по количеству категорией изделий с вторичной обработкой представлены ретушированные отщепы (13 экз.), среди которых присутствуют целые изделия (9) и фрагменты сколов с ретушью (4) (Рис. 7, 17-26, 29-32). В качестве заготовок для изготовления этих орудий использовались бессистемные (6) и продольные (5) сколы, в двух случаях первичный и ребристый отщеп. Размеры целых экземпляров колеблются в пределах 2,2 – 6,4 по длине. Различным способом ретушировки поддавались край (9), дистальная (3), проксимальная часть изделий. В одном случае зафиксировано ретуширование брюшка. Выделяется серия с полукруглым и зубчатым тронкированием короткого края заготовки (3). В одном случае крутой ретушью сформировано выемку, которая уничтожила ударный бугорок бессистемного отщепа – скобель (Рис. 7, 24).

Довольно незначительным количеством представлены микролиты (13 экз.), представленные в основном мелкими обломками этих изделий (Рис. 7, 1-9, 11-14). Среди наиболее уцелевших экземпляров следует отметить фрагменты прямоугольников – пластинок шириной 0,7 – 0,9 см с регулярной и нерегулярной полукруглой ретушью по одному краю. Как правило, дистальная часть заготовки заканчи-

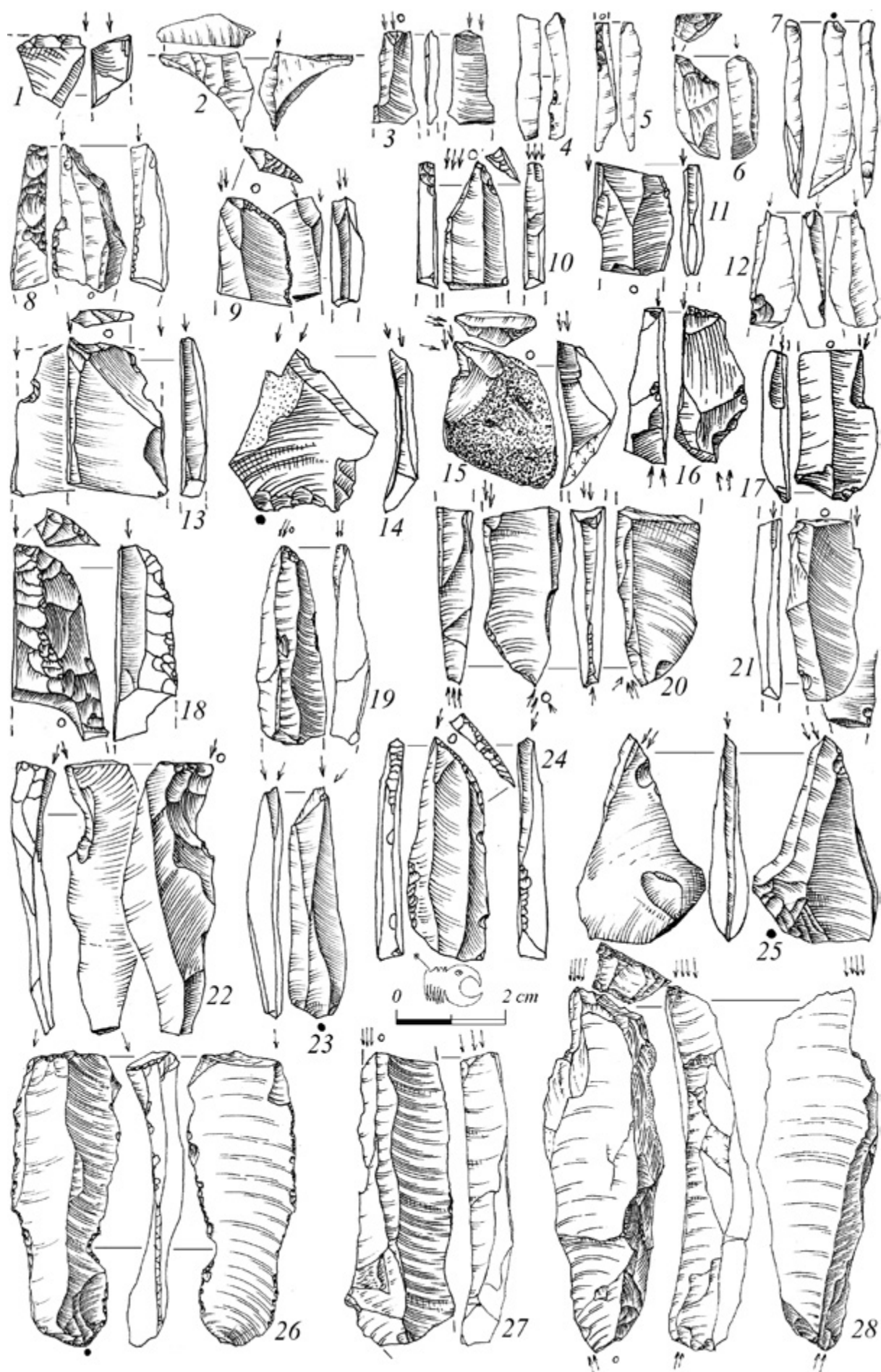

Рис. 6. Межирич, ХБК 1. Резцы и резцовые сколы.

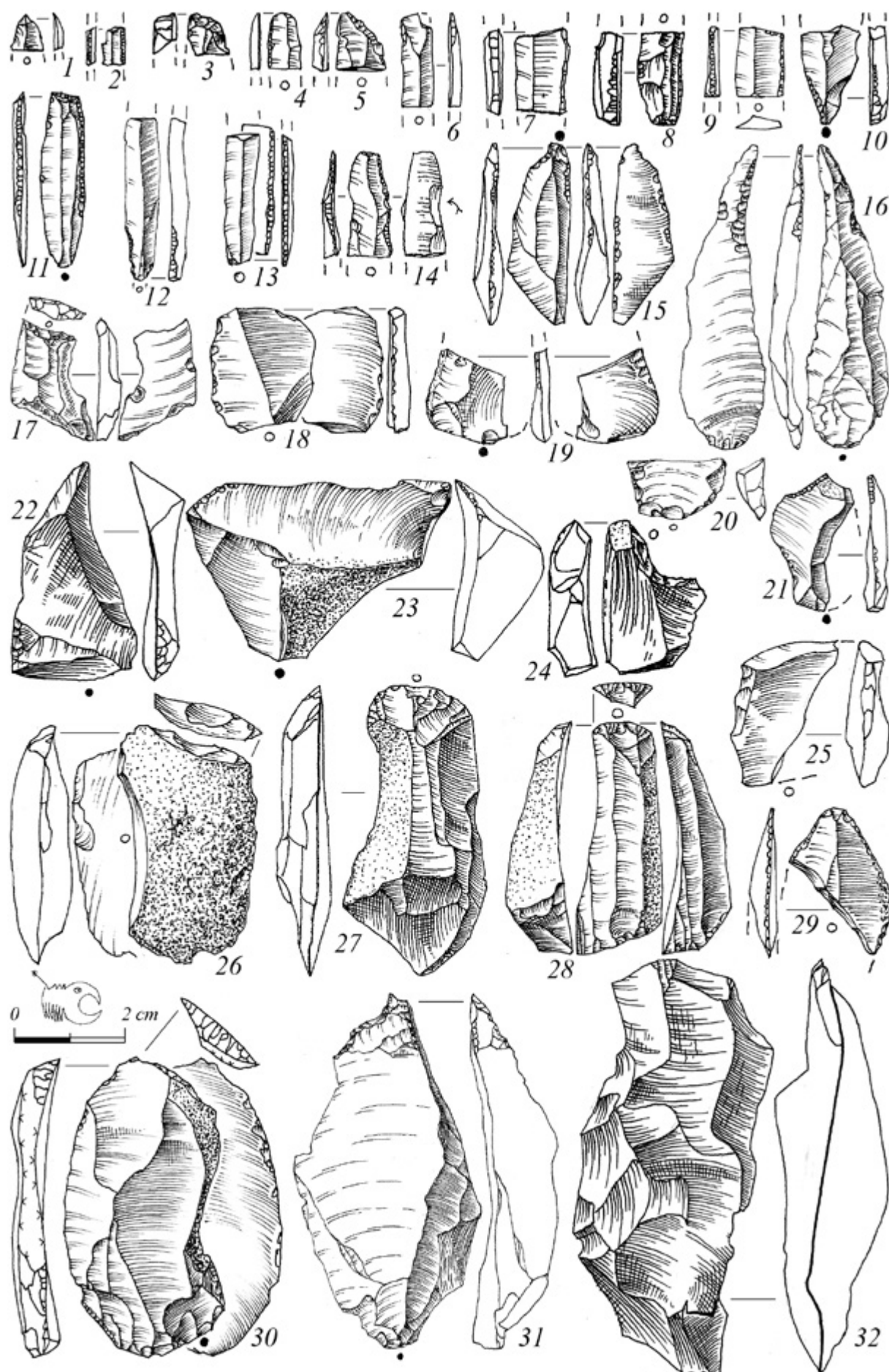

Рис. 7. Межирич, ХБК 1. Микролиты, проколки, скребки, ретушированные отщепы.

вается прямой или косой тронкацией (Рис. 7, 3, 5, 8, 11, 14). Единственный целый экземпляр является атипичным прямоугольником на продольной пластинке с сохранённым ударным бугорком, спрямленным полукрутой ретушью краем и тронкированной дистальной частью заготовки (Рис. 7, 11). Один экземпляр несёт на себе следы макроизноса (Рис. 7, 14).

К категории проколов (5 экз.) отнесены пластины с альтернативной ретушью на одном из концов, которая иногда выделяет «жальце» (Рис. 5, 11-12; Рис. 7, 10, 15-16). На части этих

изделий присутствует нерегулярная ретушь от использования по краям. В трёх случаях «жальце» сформировано на проксимальной части заготовки, в двух других – на дистальной.

Оба скребка являются концевыми на пластинах, рабочие части которых сформированы на проксимальных концах заготовок довольно пологой веерообразной ретушью (Рис. 7, 27-28).

Статистические данные по комплексу изложены в таблице:

Категория				Кол-во (%)
Отходы производства				% от отход.
Отщепы				296 (50.3%)
Пластинчатые				256 (43.5%)
пластины	целые – 27 дистальные - 19 медиальные - 8 проксимальные - 16	первичные - 4 ребристые - 6 продольные-36 бипродольн-19 бессистемн. - 5	70	
пластинки	целые – 31 дистальные - 27 медиальные - 22 проксимальные - 25	первичные - 5 ребристые - 6 продольные-74 бипродольн-16 бессистемн.-4	105	
микропластины	целые – 25 дистальные - 26 медиальные-21 проксимальн. - 9		81	
Резцов. сколы				27 (4.6%)
Нуклеусы	1–площадочные		5	10 (1.7%)
	2–площадочные		5	
Всего отходов производства		589 (87% от комплекса)		
Изделия с вторичной обработкой				% от оруд.
Пластинчатые				31 (35.3%)
ретушированные по краю пластины	целые - 7 дистальные - 6 медиальные - 1 проксимальн. - 2	по спинке - 13 по брюшку - 2 альтернативно – 1	16	
тронкированные пластины	дистально - 11 проксимально-3 битронкиров. - 1	прямо – 9 косо – 6	15	
Ретушированные отщепы	целые – 9 фрагменты орудий - 4	по краю - 9 тронкирован.-3 выемка – 1		13 (14.8%)
Резцы				24 (27.3%)
боковые ретушные	на пластинах - 12 на отщепах - 1	на дистальн. – 5 на проксим. - 6 двулезвийн. - 2	13	
угловые на пластинах	на сломе – 5 на площадке - 2	на дистальн. - 3 на проксим. – 4	7	
срединные	на пластинах - 2 на отщепах - 2		4	
Скребки	концевые	на пластинах		2 (2.3%)

Проколки на пластинах		на дистальн.-2 на проксим.- 3		5 (5.7%)
Микролиты	прямоугольники	и фрагменты	4	13 (14.8%)
	др. фрагменты		9	
Всего изделий с вторичной обработкой		88 (13% от комплекса)		
ВСЕГО		677		

Несмотря на то, что технология расщепления кремня Межиричского поселения достаточно полно описана в ряде работ (Гладких 1971; 2001; Нужный 2002), следует отметить определённые особенности как в первичной, так и во вторичной обработке материала.

Площадки нуклеусов формировались одним–двумя широкими сколами, а процесс раскалывания начинался с подготовленного ребра. На начальных этапах раскалывания, большинство нуклеусов было двуплощадочными с одной основной и второй вспомогательной площадками. Вследствие истощения основной, противолежащая становилась таковой, но уже со смещенной рабочей поверхностью, что приводило к формированию нуклеусов со смежными рабочими поверхностями. Вследствие утилизации часть нуклеусов превращалась в одноплощадочные формы. Целью раскалывания было получение пластинчатых полуфабрикатов довольно стандартных размеров – большая часть пластинчатых заготовок и орудий из них варьирует в пределах 0,5 – 1,9 см, притом пиковыми значениями ширины для отходов являются 0,5 – 1,2. Длина целых заготовок в основном имела значение 1,7 – 2,7 см.

Для изготовления орудий отбирались пластинчатые заготовки двух типов – шириной в пределах 0,6 – 0,9 и 1,2 – 1,9 см. Первые шли на изготовление микролитов. Второй тип использовался для изготовления других типов орудий. Стандартизация по ширине разных типов орудий также различна. Так, наименее стандартизированы, выглядят скребки. Зато другие категории изделий с вторичной обработкой – ретушированные и тронкированные пластины, резцы, целиком укладываются в указанные параметры.

Таким образом, технология производства кремневых изделий межиричской стоянки вполне сформированная и отличается высокой степенью стандартизации. Во многом это было связано с адаптацией к использованию местного – «каневского» - кремня, выходы которого чётко локализованы Каневскими дислокациями, расположенными в 20 км от поселения. Эксплуатация этого месторождения кремня ха-

рактерна и для других памятников межиричской традиции – Гонцов, Добраничовки, Семёновки I – III. Естественно, что максимальная стандартизация и микролитизация позднепалеолитических комплексов Среднего Приднестровья есть реакцией технологий на существование в условиях дефицита качественного сырья – «каневский» келовейский (юрский) кремень залегает в виде небольших конкреций размером 10-15 см только в районе Каневских дислокаций (Шидловский 2005).

Среди изделий из камня присутствует массивный абразив со следами охры на поверхности, а также несколько фрагментов самой охры (Рис. 8).

Что касается костяного инвентаря, происходящего с участка культурного слоя на юг от жилища, то следует отметить надрезанные резцом и сломанные ребра мамонта (Рис. 9, 7, 11), трубчатые кости других животных, также надрезанные и сломанные (Рис. 9, 8-10), фрагменты трубчатых костей со следами обработки резцом по поверхности (Рис. 9, 1, 4, 5). К орудиям труда из органических материалов следует отнести два скребка с заполированными рабочими краями. Один изготовлен из отщеп бивня (Рис. 9, 3), а другой – из отщеп большой трубчатой кости мамонта (Рис. 9, 6). К орудиям также можно отнести отрезанный дистальный фрагмент ребра мамонта с преднамеренным уплощением конца (нож?) (Рис. 9, 11). Кроме того, среди орудий следует отметить миниатюрную иглу с ушком, представленную в двух фрагментах и дистальный фрагмент проколки из трубчатой кости мелкого млекопитающего (Рис. 9, 2).

Выводы

Таким образом, в результате проведенного типолого-статистического анализа состава кремневых изделий, происходящих из заполнения 1-го жилища (Нужный, Шидловский 2009; Нужный, Шидловский 2011) и участка культурного слоя на юг от него, сразу следует отметить значительную разницу в процентном соотношении основных категорий производственного инвентаря и отходов от обработки орудий труда. В противоположность этому,

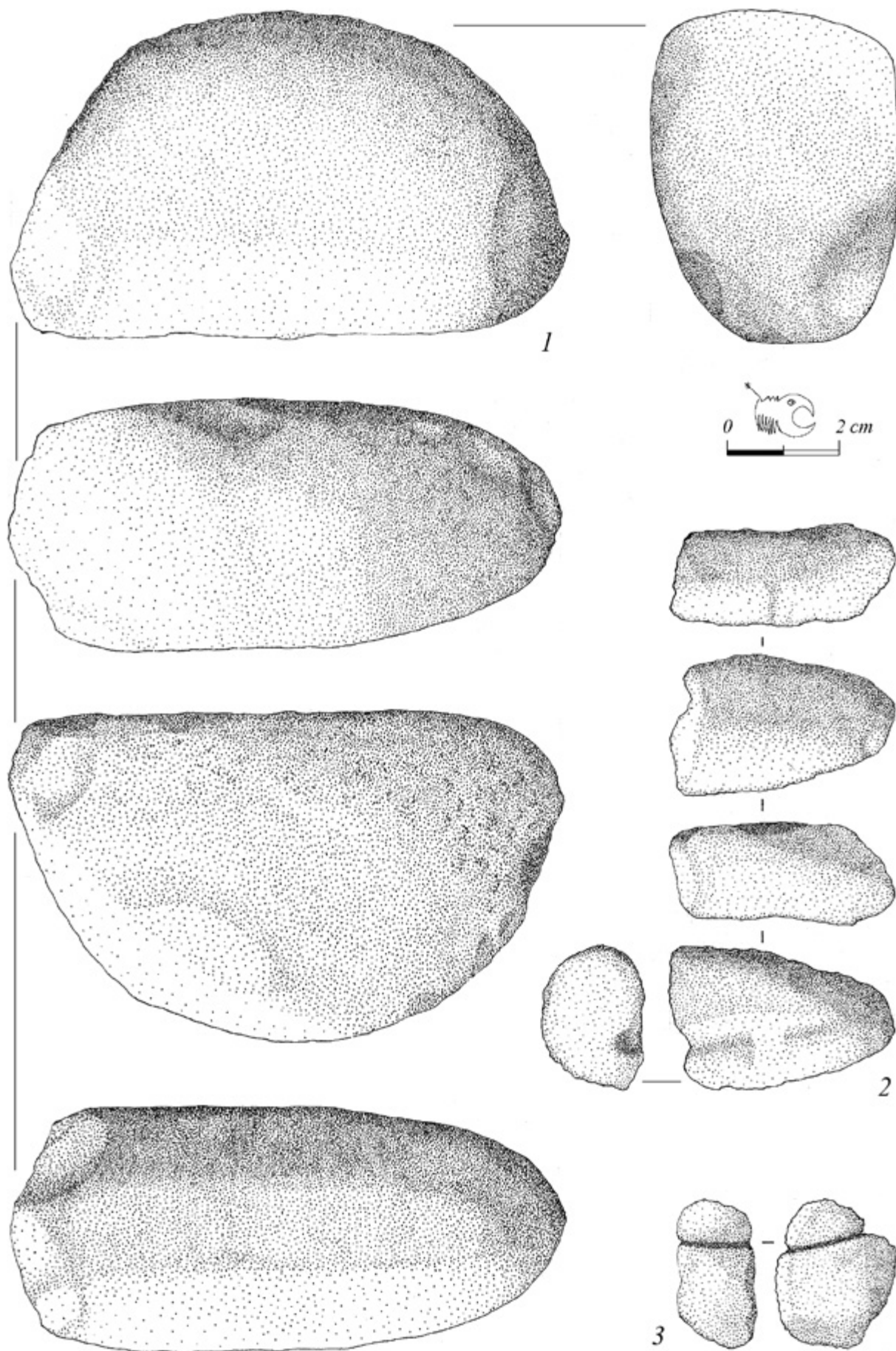

Рис. 8. Межирич, ХБК 1. Абразив и кусочки охры.

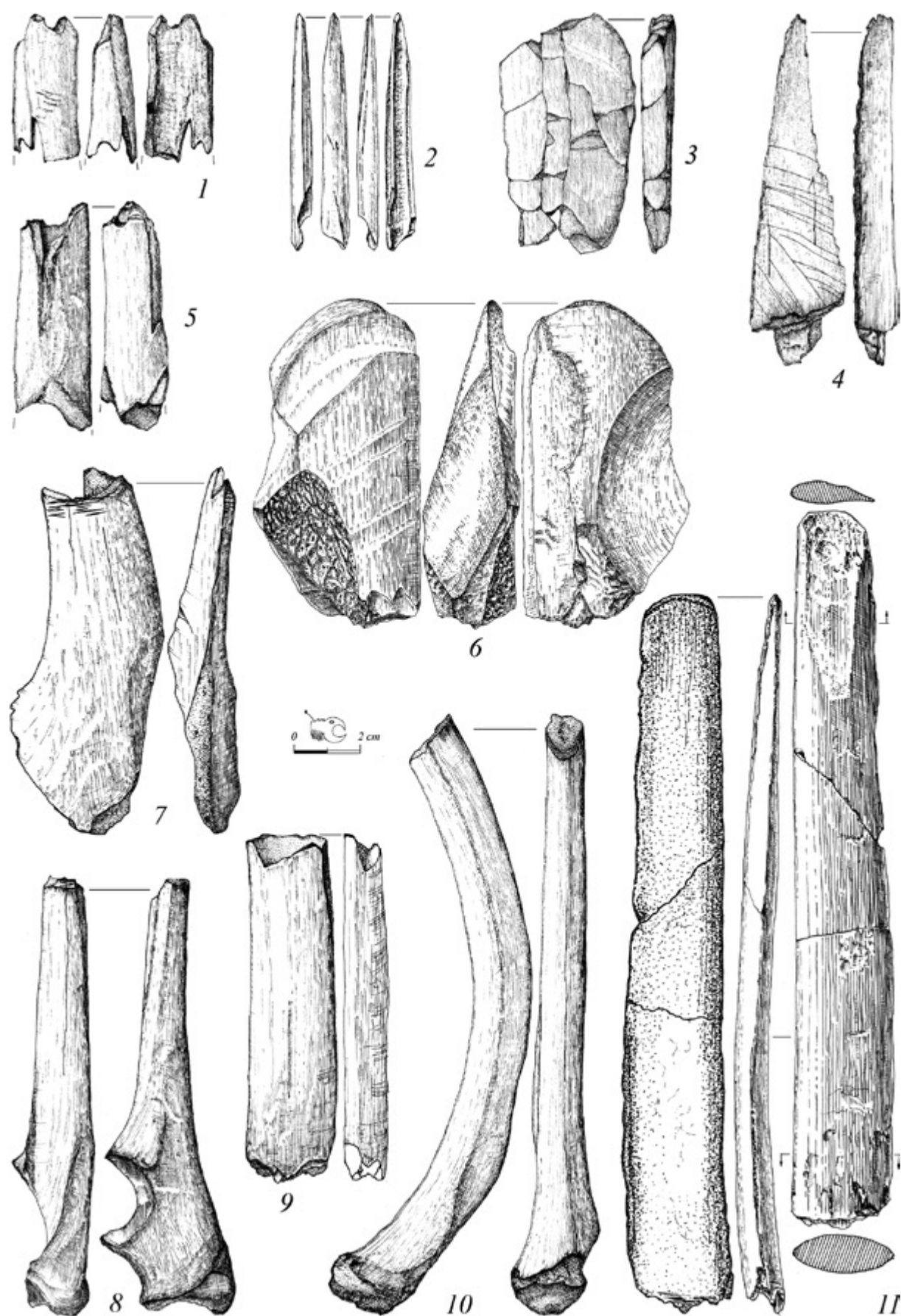

Рис. 9. Межирич, ХБК 1. Обработанная кость.

стабильные значения имеют общие соотношения отходов (87-89 %) и орудий труда (11-13 %). Также в пределах 1,4-1,8 % от отходов производства составляют нуклеусы. Однако, доля резцовых сколов в жилище значительно меньше (0,17%) в противовес их количеству из культурного слоя (4,3 %), что может свидетельствовать о варьировании этих параметров в зависимости от методики раскопок – значительная часть резцовых сколов обнаружена в результате промывки слоя, которая не осуществлялась в 1966 году.

При общем для обоих структурных элементов поселения соотношении боковых, угловых и срединных резцов, их количество в культурном слое («топталище») на порядок меньше (30 % против 41 % в жилище). В культурном слое меньшим количеством представлены микролиты (7,4 % против 13 % в жилище). Скребки вообще не являются ведущей формой для культурного слоя стоянки – всего 2 экземпляра (2,5 % от орудий). С другой стороны, в культурном слое более чем на половину возрастает количество ретушированных (20 % против 7 % в жилище) и тронкированных (19 % против 8 % в жилище) пластин, а также прокол (6,2 % против 1,3 % в жилище).

Такие особенности распределения кремневых изделий свидетельствует об определённой специализации участков стоянки. Так, в жилище сохранялись нуклеусы, обработка которых производилась как внутри, так и вне жилищ, доказательством чему есть наличие мест по первичной обработке сырья, как в заполнении жилища, так и за его пределами. Резцы также использовались как внутри, так и за пределами жилища. С другой стороны, за пределами жилища происходила активная деятельность по

первичной утилизации продуктов охоты – значительная доля ретушированных и тронкированных пластин, которые использовались для разделки туш с целью получения мяса и кости животных. В жилище же производилась последующая утилизация фаунистических ресурсов, связанная с операциями по обработке кости, бивня и шкур животных – повышенный процент резцов и скребков.

Таким образом, исследования кремневых коллекций различных объектов ХБК 1, а именно – собственно жилища, ямы № 7, производственного объекта («точок») а также участка насыщенного культурного слоя на юг от жилища («топталище») показало, что они довольно существенно разнятся своими типолого-статистическими показателями. Естественно, что эти данные требуют коррекции связанной с учетом различной методики раскопок жилища в 1966 г., в сравнении с окружающими объектами. Однако разница в показателях основных категорий изделий является ярким показателем функциональной специфики каждого объекта. Несомненно, также, что на процесс попадания в культурный слой и заполнение жилища влияли такие факторы как, например, погодные условия. Особенно это касается холодного сезона года, когда действия людей были более детерминированы. Об этом свидетельствуют стабильно повторяющиеся основные типолого-статистические показатели инвентаря Добраничевского и Межиричского поселений с жилищами из костей мамонта и хозяйственными ямами по сравнению с, вероятно, летними стоянками без последних (Фастов, Семеновка 2 и 3, Гонцы, верхний горизонт) (Нужный 2002).

Література

- Гладких М.І. Крем'яний інвентар пізньопалеолітичного поселення Межиріч // Археологія. – 1971. — № 3. – С. 58-63.
- Гладких М.І. Древнейшая архитектура по археологическим источникам эпохи палеолита // VITA ANTIQUA, зб. наук. статей. – К.: Есе, 1999. - № 1. – С. 29-33.
- Гладких М.І. Кремневый инвентарь межричского позднепалеолитического поселения // VITA ANTIQUA, зб. наук. статей. – К.: Стило, 2001. - № 3-4. – С. 15-21.
- Гладких М.І., Корнієць Н.Л. Нова споруда з кісток мамонта в Межирічі // Вісник АН УРСР. – К.: Наукова думка, 1979. — № 9. – С. 50-54.
- Гладких М.І., Рижов С.М. Між першим та четвертим житлами межиріцького поселення // VITA ANTIQUA, зб. наук. статей. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2009. - № 7-8. – С. 72-73.
- Корнієць Н.Л., Гладких М.І., Величко А.А., Антонова В.Г., Грибченко Ю.Н., Зеликсон Е.М., Куренкова Е.І., Халчева Т.А., Чепалыга А.Л. Межиріч // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. – М.: Наука, 1981. - С. 106-119.
- Нужний Д.Ю. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межиріч та їх місце серед епіграветських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. – К.: Шлях, 2002. — Вип. 1. – С. 57-81.
- Нужний Д.Ю., Шидловський П.С. Індустріальна варіабельність господарських об'єктів першого житла Межиріцького верхньопалеолітичного поселення // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Археологический альманах (сборник статей). – Донецк: «Донбас», 2009. — № 20 – С. 203-218.
- Нужний Д.Ю., Шидловський П.С. Первое жилище межричского верхнепалеолитического поселения: индустриальная вариабельность содержимого хозяйственных объектов // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова / отв. ред. К.Н. Гаврилов. – М.: Таус, 2011. – С. 321-342.
- Ступак Д.В. Кам'яні комплекси верхньопалеолітичної соянки Бужанка 2. Варіабельність використання сировини // Археологический альманах. - Донецк: «Донбас», 2009. — № 20. - С. 219-230.
- Шидловський П.С. Вплив фізичного оточення на формування матеріальної культури пізньопалеолітичного населення Середнього Подніпров'я // Проблеми археології Середнього Подніпров'я - К.-Фастів: ФДКМ, 2005. - С. 31-39.
- Шидловський П.С. Дослідження та проблеми збереження Межиріцького поселення мисливців на мамонтів // Праці Науково-дослідного інституту пам'яткоохоронних досліджень. – К.: Фенікс, 2013. – Вип. 8. — С. 567-581.
- Шидловський П.С., Нужний Д.Ю., Пеан Ст. Первісне суспільство на території Середнього Подніпров'я: дослідження палеолітичного поселення мисливців на мамонтів Межиріч (Черкаська обл.). Археологічна експедиція, наукові дослідження // Наукові розробки Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2009. — Ч. 2. (соціогуманітарні науки). – С. 30-31.
- Шидловський П.С., Нужний Д.Ю., Пеан Ст., Прядко Д.Ю. Дослідження пізньопалеолітичного поселення Межиріч // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. – К.: Волинські старожитності, 2012. – С. 474-475.
- Komar M.S., Kornietz N.L., Nuzhnyi D.Yu., Pean S. Mezhirich Upper Paleolithic site: The reconstruction of environmental conditions of the Late Pleistocene and human adaptation in the Middle Dnieper basin (Northern Ukraine) // Кам'яна доба України. – К.: Шлях, 2003. — № 4. – С. 262-277.
- Nuzhnyi D. The epigravettian variability of the middle Dnieper river basin // Дослідження первісної археології в Україні. Мат-ли міжнар. наук. конференції. - К.: «Корвін Пресс», 2008. – С. 96-134.
- Soffer O., Adovasio J.M., Kornietz N.L., Velichko A.A., Gribchenko Yu.N., Lenz B.R. & Suntsov V. Yu. Cultural stratigraphy at Mezhirich, an Upper Paleolithic site in Ukraine with multiple occupation // Antiquity. — 1997. – Vol. 71. - N. 271. – P. 48-62.

PRODUCTION INVENTORY OF AREA OF CULTURAL LAYER TO THE SOUTH FROM THE FIRST MEZHRYCHIAN DWELLING

Mezhyrich is well-known Upper Palaeolithic settlement which was excavated since 1966 by different groups of researchers. Previous investigators discovered 4 dwellings made from mammoth bones and tusks, as well as pits around each of them. Present excavations concentrated on the investigations of different objects which are connected with 1st and 2nd dwellings, such as work-shops, pits and parts of cultural layer saturated by artefacts and bone fragments – so called “*toptalische*”. Among the objects that investigated last time is the south section of the 1st dwelling – excavated in 1966 by I.G. Pidoplichko – the area of high activity connected to the entrance to the dwelling. This article presents the analysis of inventory that comes from this area and the main attention gives to flint artefacts. Based on the typological analysis the authors emphasize the clear difference between statistic data of flint artefacts that comes from the dwelling and that from mentioned area of “*toptalische*”. The assemblages from different objects of Mezhyrich settlement demonstrate a certain diversity of main typological indexes, what recognized as the evidence of various kinds of activity carried out in different parts of the site.

КРЕМ'ЯНИЙ КОМПЛЕКС ДРУГОГО ЖИТЛА ВЕРХНЬОПАЛЕОЛІТИЧНОГО ПОСЕЛЕННЯ МЕЖИРІЧ¹

В статті аналізується крем'яний комплекс із житла №2 верхньопалеолітичної стоянки Межиріч.

Ключові слова: Україна, Середньодніпровський басейн, Епігравет, стоянка Межиріч, житло з кісток мамонта.

Вступ.

Всесвітньовідоме верхньопалеолітичне поселення Межиріч розташовується в с. Межиріч Канівського району Черкаської області на мису другої тераси в місці злиття р. Рось з її лівою притокою р. Россавою. Пам'ятка розкопувалась І.Г. Підоплічком у 1966-1974 рр., яким було відкрито і досліджено три житла з мамонтових кісток, результати яких опубліковані монографічно (Підопличко 1976). Власне друге житло, публікації матеріалів з якого й присвячена ця стаття, розкопувалась цим автором протягом 1969- 1970 років. У 1976 році прилеглі до нього ділянки “топталища” і частина однієї з ям цього ГПК досліджувались М.І. Гладких та Н.Л. Корнієць. У цьому ж році ними шляхом буріння було знайдене ще одне – четверте житло з кісток мамонта Межиріцького верхньопалеолітичного поселення (Гладких, Корнієць 1976).

Всі чотири житла мають конструкцію типу для епіграветських пам'яток Середньодніпровського басейну і оточені різними господарськими об'єктами у вигляді ям та зон інтенсивної діяльності людини (так звані “топталища” або “зольники”, вогнища та виробничі центри), які утворюють відокремлені господарсько-побутові комплекси (рис. 1). Четверте житло разом із вищезгаданими об'єктами, які належать до нього та інших жител №№ 1 і 2, розкопувались починаючи з 1976 р. кількома українськими та міжнародними експедиціями у складі Н.Л. Корнієць, М.І. Гладких, Дж. Адовазіо, О. Соффер, В.Ю. Сунцова і досліджуються понині спільною українсько-французькою експедицією (Д.Ю. Нужний, П.С. Шидловський, Ст. Пеан). З метою комплексного і всебічного вивчення цієї пам'ятки також залучались інші фахівці у галузі археології та суміжних дисциплін. Згідно назви цієї епонімної пам'ятки серед епіграветських комплексів Середнього Подніпров'я був виді-

лений окремий межиріцький тип індустрії, до якого відносяться, на поточний момент, крім власне Межиріча, ще й стоянки Добранічівка, Фастів, Гінці, Семенівка 1, 2 і 3 та Бужанка 2 (Нужний 2002, с.57-81; Ступак 2009, с.229). Згідно серії радіокарбонівих дат, отриманих в лабораторіях, що заслуговують на довіру, Межиріцьке поселення існувало в межах 14,850 – 14,315 тисяч років до наших днів.

Результати робіт І.Г. Підоплічко з дослідження трьох перших жител Межирічів опубліковані монографічно (Підопличко 1976). Однак ця робота була здебільшого зосереджена на виданні планіграфічних та палеонтологічних особливостей комплексів згаданих жител з кісток мамонтів, а також знайдених в них різноманітних виробів з органічних матеріалів (бивня, кістки та рогу), тоді як їх крем'яні вироби розглядались досить поверхнево. Цю лакуну певною мірою заповнила стаття М.І. Гладких (2001, с.15-21), в якій були опубліковані деякі з цих матеріалів та наведена статистична таблиця і підрахунки крем'яних колекцій всіх чотирьох господарсько-побутових комплексів Межирічів. Більш повний публікації крем'яного комплексу, що походить з другого житла цієї пам'ятки присвячена ця стаття. До неї не включені матеріали із заповнення ями № 6 та прилеглих до неї ділянок “топталища” згаданого ГПК № 2, виявленої Н.Л. Корнієць, дослідження якої триває.

За складом і репрезентативністю зняряд праці крем'яний комплекс житла № 2 є досить виразним у порівнянні з матеріалами третього ГПК Межирічів. Він має цілу серію радіокарбонівих дат зроблених по кістках (Синицын, Праслов 1997, с.55; П. Езердз, особисте повідомлення):

- 14.700 +/-500 GIN-2593 (зуб мамонта)
- 14.530 +/-300 GIN-2595 (кісткове вугілля)
- 14.400 +/-250 OxA-712 (зуб мамонта)
- 14.600 +/-110 GrA-22094 (кістка вовка)
- 14.750 +/-50 GrA-38810 (кістка мамонта)

Наведені дати є дуже подібними і свідчать про існування цього житлового об'єкта в до-

¹ Робота виконана в межах проекту НАНУ №07-06-12 (У) – РФФД №12-06-90400-Укр-а.

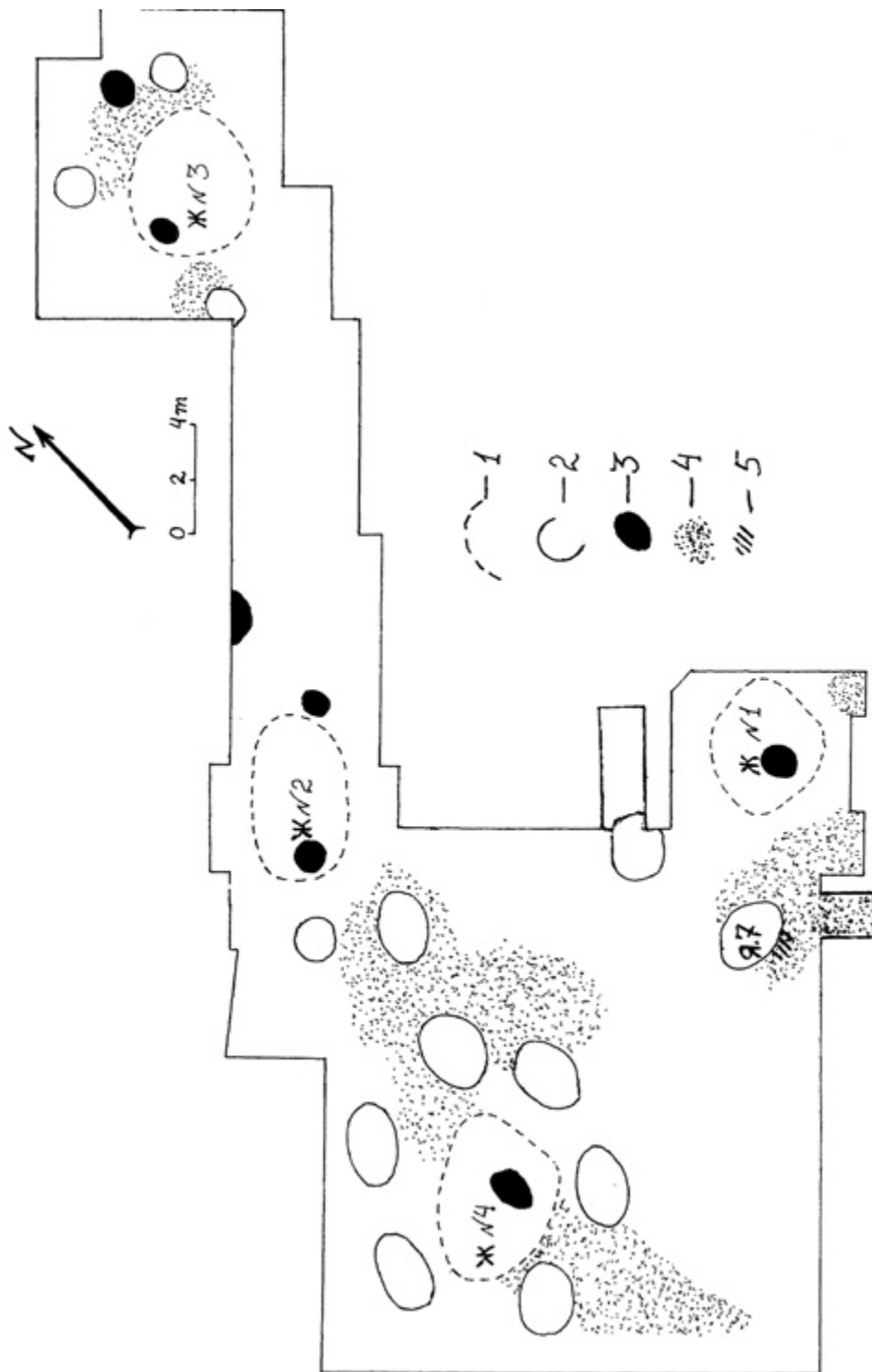

Рис. 1. Загальний план Межиріцького поселення.

Умовні позначки: 1- межі жител з кісток мамонта; 2- межі ям; 3- вогнища; 4 – "топчалища" або "зольники".

силь вузьких межах у середини 15 тисячоліття до наших днів.

Комплекс крем'яних виробів із житла №2 Межирічів.

Загалом комплекс оброблених кременів з житла №2 за підрахунками М.І. Гладких (2001, с. 20- 21) нараховує 7472 артефакта. Серед них нуклеуси та їх уламки становлять 138 екземплярів. Це переважно двоплощинні їх форми

(66 екз.), тоді як одноплощинні значно поступаються останнім (47 екз.). Платівок та відщепів і лусочок тут знайдено по 2671 та 3241 екз. відповідно. Загальна кількість перших разом із виробами із вторинною обробкою, виготовлених з платівок, налічує 3196 екземплярів, що становить 42,7 % від загальної кількості комплексу. Більшість статистичних показників комплексу, що наводяться нижче, базується на вищезгаданих підрахунках М.І. Гладких.

Знаряддя праці (578 екз.) складають 7,7 % всіх крем'яних виробів, причому основна їх більшість (525 екз.) виготовлена на платівках, що є типовим для комплексів межирицької індустрії (Нужний 2002, с.57-81). Серед них домінуючою категорією традиційно є різноманітні різці (253 екз.), які становлять 43,7 % комплексу знарядь праці (рис. 3;4;5). Однолезові бокові їх типи на платівках є найчисельнішими (149 екз.) і представлені переважно косо- та опуклоретушними формами (рис. 4). Багатолезові різці нараховують 62 екземплярів, що становлять 24,5 % загальної кількості цієї категорії знарядь (рис. 3). Це переважно бокові типи поєднані з боковими ж (рис. 3.1-9) або бокові різці поєднані із серединними (рис. 3.10-13) чи кутовими (рис. 3.14-26). Останні трапляються частіше. Однолезові кутові різці на платівках (33 екз.) утворюють другу за кількістю групу цих знарядь (рис. 5.1-20). Серединні однолезові різці (рис. 5.21-25) є найменш чисельними (9 екз.).

Друга за кількістю категорія знарядь представлена скребачками кінцевого типу невеликих розмірів (рис. 6.10-29), виготовлених на скорочених платівках або навіть відщепях (97 екз.). Вторинна обробка робочої частини скребачок здійснювалась за допомогою напівстрімкої, а подекуди й пригострюючої, так званої “віялоподібної” ретуші (рис. 6.11-13,15,28,19). Зазвичай регулярне ретушування бокових сторін не практикувалося (рис. 6.15,22). В одному випадку наявне вентральне підтісування базової частини скребачки (рис. 6.27). Другий тип скребачок комплексу становлять подвійні їх зразки на платівках, значно рідше відщепях (18 екз.), що також мають невеликі розміри (рис. 6.4-9). Поодинокими зразками в комплексі другого Г.П.К. Межиричів представлені під округлі їх типи (2 екз.) виготовлені на відщепі або навіть “авіважі”, знятого під час оновлення відбивної площини нуклеуса (рис. 6.1,2). Загалом всі три типи скребачок комплексу нараховують 119 виробів, що становить 20,5 % усіх знарядь праці.

Третю за кількістю категорію знарядь праці утворюють різноманітні мікроліти із затупленим краєм (55 екз. або 9,5 % усіх виробів із вторинною обробкою). Вони виготовлені з мікроплатівок за допомогою дрібної затуплювальної та напівстрімкої дорсальної ретуші (рис. 2.1-49), що є характерною ознакою обробки мікролітичних вкладених межирицької індустрії загалом. Вентральна ретуш наявна лише на окремих мікролітах (рис. 2.8,14,25,26,30,33). Це, насамперед, низь-

кі типові прямокутники (6 екз.), тобто вкладені з обробкою обох кінців (рис. 2.3-8) та їх атипові форми (рис. 2.9-16) з ретушшю на одному кінці і збереженим відбивним горбком на іншому (8 екз.). Другий тип мікролітів утворюють вістря із затупленим краєм у формі мікрограветів (рис. 2.2) та ланцетів (рис. 2.1). Перший з них має ще й базову частину опуклих обрисів, оброблену дрібною затуплювальною дорсальною ретушшю. Інші наявні в комплексі мікроліти є уламками двох вищезгаданих їх типів (33 екз.) – кінців прямокутників (рис. 2.17-28,32-43), базових і бойових частин вістер (рис. 2.30,31). Є також і фрагменти їх середніх частин (рис. 2.44-49), що однак не утворюють чисельної серії (6 екз.).

П'ята за кількістю морфологічно витримана категорія виробів із вторинною обробкою (22 екз. або 4,8% усіх знарядь праці) складається з різноманітних діагонально- або трансверсальнотронкованих платівок (рис. 2.50-56). Вони частково були напівфабрикатами бокових різців або у більшості випадків являли собою окрему категорію знарядь, на що вказують наявні відходи від Perezagostrennia їх тронкованих частини (рис. 2.58).

І нарешті останню морфологічно відокремлену категорію знарядь представлено скребачками-різцями (10 екз. або 1,7 % виробів із вторинною обробкою). Це здебільшого скребачки кінцевого типу на платівках поєднані із, переважно, боковими різцями (рис. 2.59-64). Менш чисельними випадками представлені скребачки комбіновані з кутовими різцями (рис. 2.57).

Платівки із різноманітною вторинною обробкою їх бокових лез, хоча і нараховують 38 виробів (10,2 % усіх знарядь праці), але не утворюють сталих морфологічних типів. Більша частина ретуші на них є просто результатом використання цих призматичних напівфабрикатів для виконання певних трудових операцій (скобління або стругання твердих органічних матеріалів типу бивня, кістки та рогу чи навіть дерева) і не є наслідком спеціального виготовлення окремих категорій знарядь праці. Це ж стосується і відщепів із ретушшю (8 екз.). Інші вироби із вторинною обробкою комплексу другого житла Межиричів представлені поодинокими зразками (проколка-свердло, знаряддя із вентральним підтісуванням, скобелі тощо).

Порівняльний аналіз комплексу.

Загалом можна стверджувати, що за своїми морфологічними ознаками і типологічними характеристиками вищеописаний комплекс крем'яних знарядь другого житла Межиричів

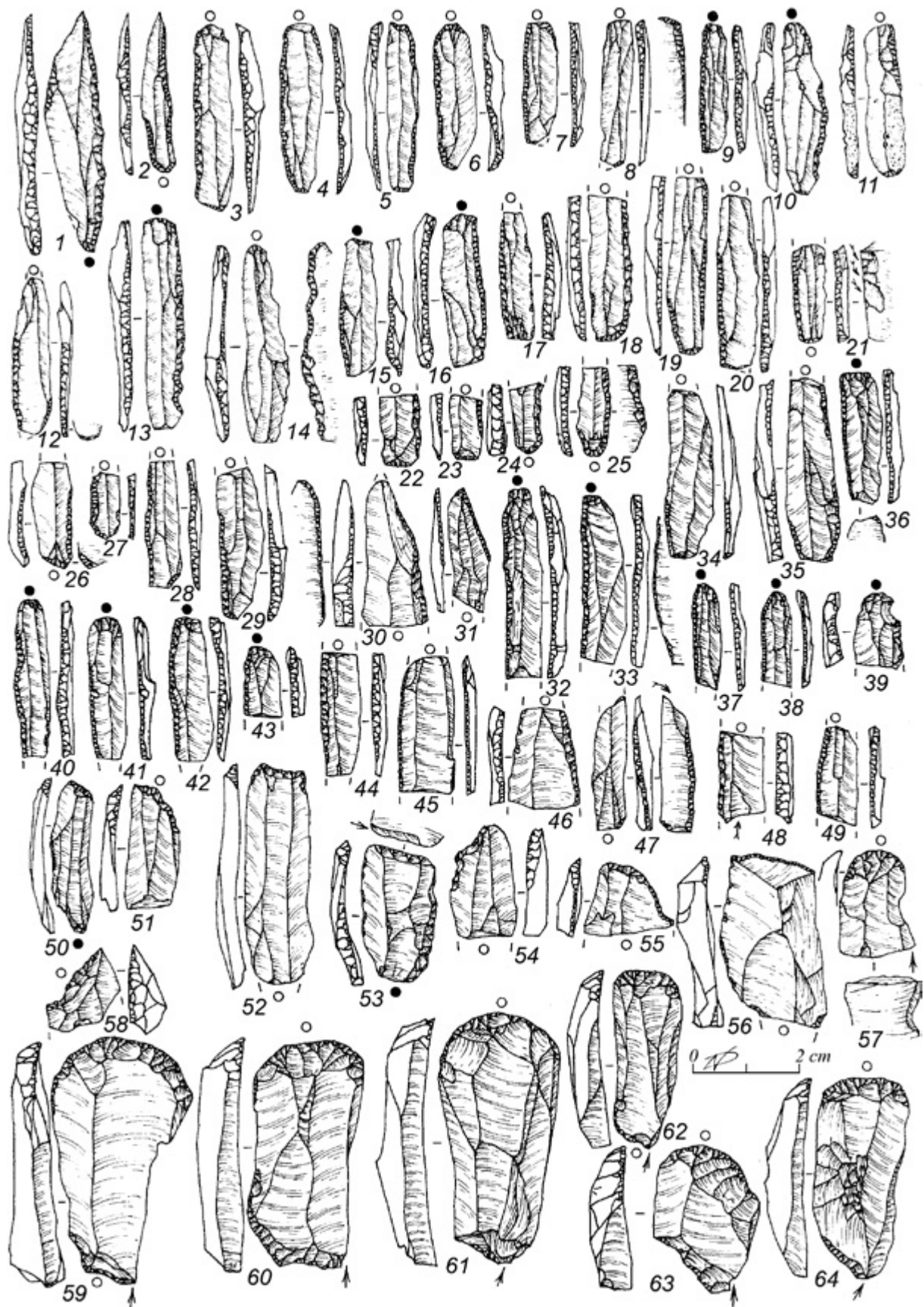

Рис. 2. Мікроліти, тронковані платівки та різці-скребачки з житла № 2 Межирічів.

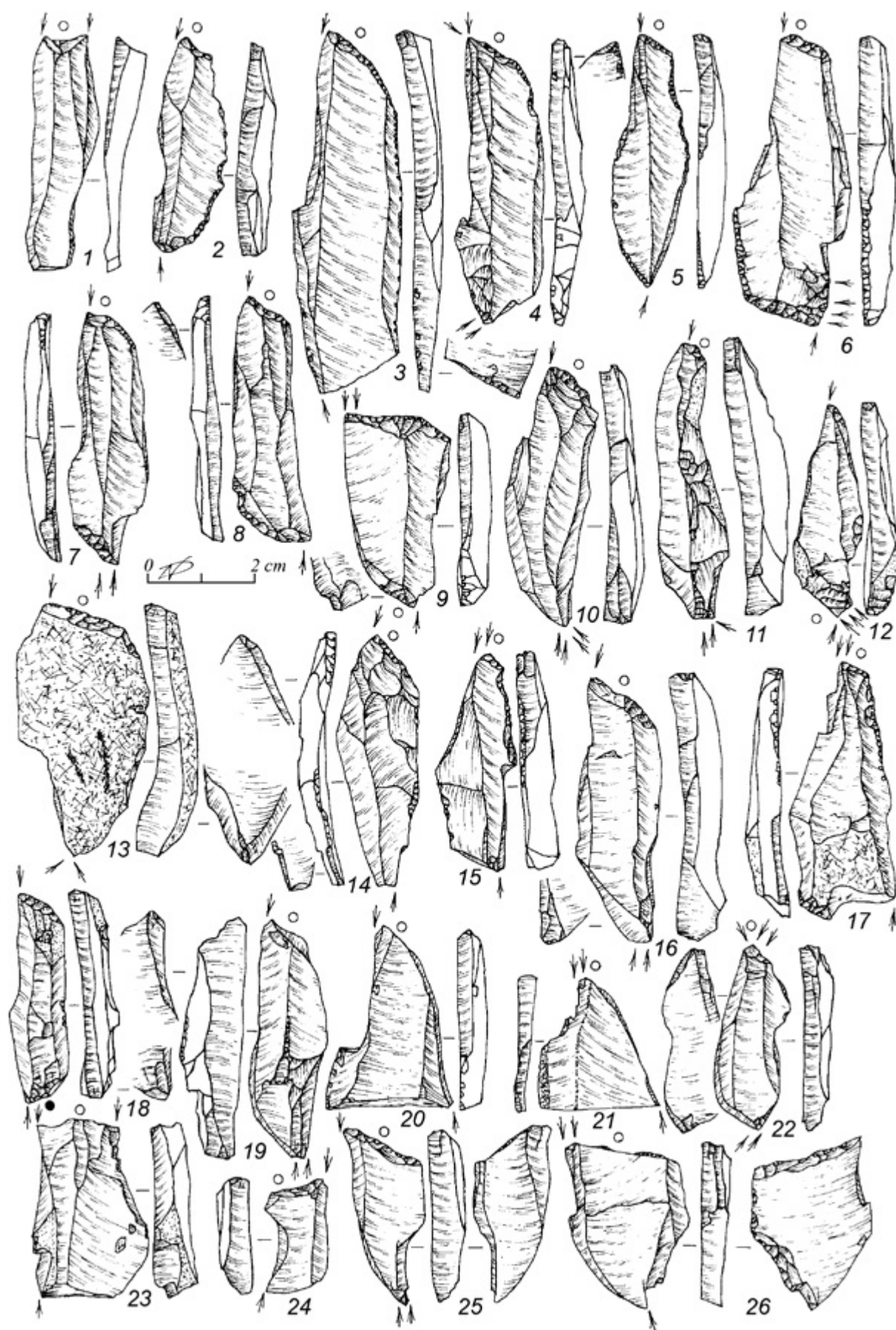

Рис. 3. Багатолезові різці з житла № 2 Межирічів.

майже повністю ідентичний аналогічним виробам трьох інших жител як цього поселення, так і матеріалам, наприклад, з усіх чотирьох ГПК Добранічівки. З цієї точки зору заслуговує на увагу порівняння згаданого комплексу із основними статистичними даними, які були отримані після підрахунків п'яти опорних комплексів межиріцької індустрії із стаціонарними конструкціями з кісток мамонта, насамперед з чотирьох ГПК Добранічівського поселення та першого житла Межирічів (Нужний 2002, с.57-81). Для порівняльного аналізу були залучені інші опорні пам'ятки, які належать до цієї традиції, але без згаданих конструкцій з мамонтових кісток (верхній горизонт К' Гінців та Семенівка 2 і 3).

Так, відсоток платівок та знарядь, які були з них виготовлені, становить 40,7%, 49,4%, 52,4% і 50% в комплексах № 1, 3, 4 Добранічівки та житла №1 Межирічів відповідно. У вищеприписаному комплексі житла 2 Межирічів він становить 42,7 %, тобто знаходиться в межах вищенаведених індексів. Майже таким самим він є в комплексі верхнього горизонту К' Гінців (40,7%), що можливо було викликано відсутністю поруч із стоянкою покладів крем'яної сировини, і характеризується значно нижчим індексом платівчатості у Семенівці 2 і 3 (25,6% і 30%). Загальний відсоток виробів із вторинною обробкою у трьох згаданих ГПК Добранічівки характеризують показники у 11,7%, 11,5% та 10,4% відповідно. Аналогічний індекс знарядь у житлах №№ 1, 2, 3 та четвертому ГПК Межирічів становить 10%, 7,7%, 10,2% та 8,5% (Гладких 2001, с.20-21). На стоянках без конструкцій з мамонтових кісток (Гінці верхній горизонт К', Семенівка 2 і 3) він складає 12%, 5,3% та 5,6% відповідно, що також було напевно зумовлено проблемою відсутності поруч покладів сировини на першій пам'ятці і господарсько-сезонною специфікою двох останніх, як мисливських таборів теплої пори року (Нужний 2002, с.57-80).

Серед знарядь праці у всіх комплексах із стаціонарними конструкціями з мамонтових кісток (ГПК №№1, 3 і 4 Добранічівки та жител №№ 1- 3 і ГПК № 4 Межирічів) домінують різноманітні різці на платівках, які відповідно становлять 31,4%, 31%, 30,7%, 40,3%, 43,7%, 48,2% та 54%. Тобто в комплексах Межирічів ця категорія виробів із вторинною обробкою є значно чисельнішою ніж у Добранічівці. На трьох інших пам'ятках цієї індустрії, що не мають стаціонарних конструкцій з мамонтових кісток ситуація досить відмінна і вони іноді кількісно поступаються різноманітним мікро-

літам із затупленим краєм (верхній горизонт К' Гінців та Семенівка 3), а їх відсоток коливається у більш широких межах (верхній горизонт К' Гінців -15,7%, Семенівка 2 – 49% та Семенівка 3 – 33,4%). Це є традиційно домінуючі у епіграветських комплексах Середнього Дніпра прості бокові скісно- або опуклоретушні форми на платівках, але і прямо- та виїмчаторетушні різці також представлені невеликими серіями. Однолезові їх типи складають 62,9% усіх різців у першому ГПК, 64,1% у третьому ГПК і 48,4% у четвертому ГПК Добранічівки та 44,6% у першому житлі, 58,8% – у другому, 50% – у третьому і 36,1% у четвертому ГПК Межирічів. Серед матеріалів інших пам'яток межиріцької індустрії без конструкцій із кісток цей показник є трохи меншим і представлений у верхньому горизонті К' Гінців – 39,1%, Семенівці 2 – 30,9% та Семенівці 3 – 49,6 %.

Другим за кількістю типом різців майже на всіх пам'ятках є кутові їх форми, виготовлені також, переважно, на платівках. У чотирьох вищезгаданих комплексах цей показник представлено 16,8%, 22,2%, 35,8% ГПК №№ 1, 3 і 4 Добранічівки та 16,8%, 13%, 13,6% і 5,1% у першому, другому і третьому житлах, а також 4 ГПК Межирічів. Аналогічний показник у матеріалах трьох інших стоянок без стаціонарних конструкцій з мамонтових кісток становить 21,7% у верхньому горизонті К' Гінців, 41,2% у Семенівці 2 та 39,6% у Семенівці 3. В Семенівці 2 вони навіть кількісно переважають бокові форми. Серединні однолезові різці представлені більшою кількістю порівняно з їх кутовими формами лише у ГПК №1 Добранічівки (18,8%) та першому житлі Межирічів (22,3% усієї цієї категорії знарядь). У всіх інших комплексах серединні різці є найменш чисельними і становлять 6,1% в ГПК №3 та 13,6% в ГПК №4 Добранічівки, 17,3% у верхньому горизонті К' Гінців, 27,8% в Семенівці 2 та 9,1% у Семенівці 3. У двох інших житлах №№ 2 і 3 та четвертому ГПК Межирічів вони складають всього 3,6%, 1,8% та 2,6% усіх різців. Показово, що саме серед цього типу різців частка виробів, виготовлених з відщепів є найвищою, але вони не утворюють чисельних серій. Дуже невисока частка серединних різців у матеріалах як другого житла Межирічів, як і житла №3 та ГПК №4 є фактично єдиною рисою, що виділяє ці комплекси з-поміж інших вищезгаданих пам'яток межиріцької індустрії.

Загальний відсоток багатолезових типів різців звичайно є поєднанням бокових їх типів з кутовими або серединними, і у комплексах

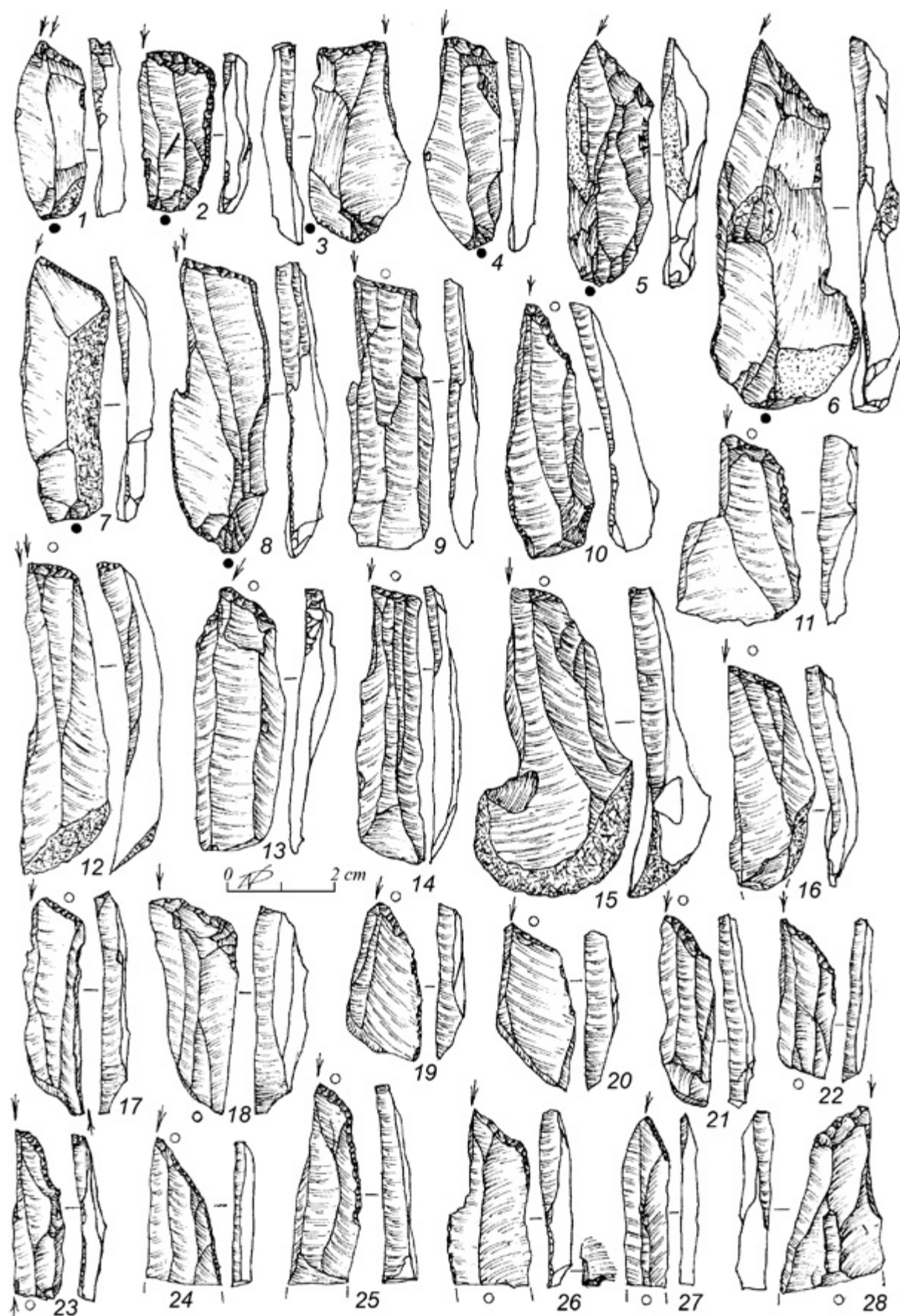

Рис. 4. Бокові різці з житла № 2 Межирічів.

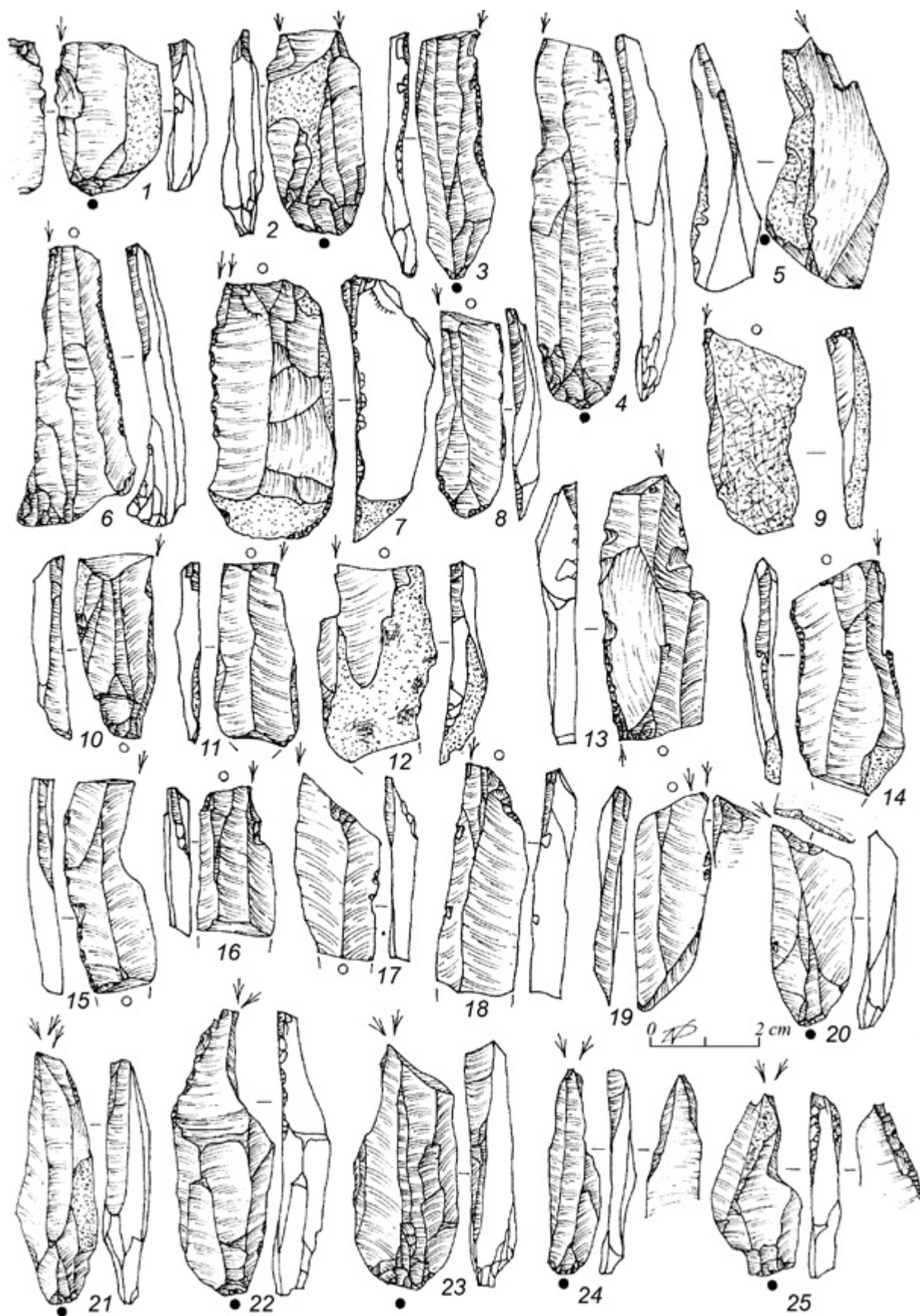

Рис. 5. Кутові та серединні різці з житла № 2 Межирічів.

ГПК № 1, 2 і 4 Добранічівки коливається в межах 7- 11%, тоді як у першому, другому і третьому житлах Межирічів він є значно більшим — 19%, 24,5% і 25% відповідно (Гладких 2001, с.20-21; Нужний 2002, с.72). На пам'ятках без стаціонарних конструкцій з мамонтових кісток частка багатолезових форм серед різців становить 17% у верхньому горизонті К' Гінців, 14,4% в Семенівці 2 та 16,7% в Семенівці 3, тобто є вищою за аналогічні показники Добранічівки і меншою ніж у Межирічах.

Другу за кількістю категорію знарядь праці в майже всіх комплексах межиріцької індустрії, за винятком пам'яток без стаціонарних конструкцій з мамонтових кісток (верхній горизонт К' Гінців, Семенівка 2 і 3) становлять кінцеві скребачки на коротких платівках. Разом із подвійними та підокруглими їх зразками вони налічують в Добранічівці ГПК №№ 1, 3 і 4 відповідно 103 екз. (або 21 % усіх виробів із вторинною обробкою), 69 екз. (або 26,1%) і 134 (або 21,6%). В житлах №№ 1, 2, 3 та четвертому ГПК Межирічів вони нараховують 133 екз. (або 29%), 119 екз. (або 20,5%), 24 екз. (або 10,5%) та 78 екз. (або 15,3%). В матеріалах верхнього горизонту К' Гінців та Семенівки 3 вони представлені 41 екз. (або 28% усіх знарядь) та 7 екз. (або 1,7%). Подвійні скребачки виготовлені переважно на платівках, рідше відщепках, становлять відповідно 14,6%, 4,3% та 6,7% в ГПК №№ 1, 3 і 4 Добранічівки та 16,5%, 15,1%, 12,5% та 9% в житлах №№ 1, 2, 3 і ГПК №4 Межирічів. В верхньому горизонті К' Гінців вони нараховують 3 екз. (або 7,3% всієї кількості скребачок). Серед скребачок кількох комплексів межиріцької індустрії трапляються і поодинокі підокруглі форми, виготовлені з відщепів та сколів підживлення нуклеусів. Наприклад, вони є у кількості 2 екз. серед вищеописаних матеріалів житла №2 Межирічів (рис. 6.1,2) та у комплексах ГПК №№ 3 і 4 Добранічівки (по 1 екз.), але загалом вони не є типовою рисою згаданої індустрії.

Третьою за кількістю типологічно витриманою категорією знарядь праці майже на всіх поселеннях межиріцької індустрії є різноманітні мікроліти із затупленим краєм. Вони є дуже характерною рисою цих комплексів, але разом з цим дуже варіюють як за своїм загальним відсотком серед знарядь праці, так і типологічними і технологічними особливостями незалежно від господарської і сезонної спеціалізації останніх (Нужний 2002, с.73-77). Але статистичні характеристики мікролітичного комплексу із вищеописаного другого житла Межирічів є досить подібними до аналогічних

показників двох інших жител №№ 1 і 3 та четвертого ГПК цього поселення. Вони становлять у ньому 9,5 % усіх знарядь праці порівняно із трьома іншими комплексами, відповідно 10,9%, 14,9% та 11,4%. Цей показник є трохи вищим порівняно з відсотком мікролітів у ГПК №1 (6,7%), № 3 (7,5 %) та №4 (6,4%) Добранічівки, тобто пам'ятки з аналогічними житловими конструкціями з мамонтових кісток. На відміну від останніх, на стоянках без подібних конструкцій відсоток мікролітів серед знарядь є значно вищим (верхній горизонт К' Гінців — 32%, Семенівка 2- 23,6% та Семенівка 3 — 39,5%). Проте всіх їх об'єднує домінування типових (тронкованих з обох боків) і атипових (оброблених з одного кінця) низьких прямокутників в комплексах мікролітичних виробів. Вістря із затупленим краєм у вигляді мікрограветів та ланцетів, часто із ретушованою базовою частиною майже завжди (за винятком ГПК №1 Добранічівки) поступаються їм у кількості. Подібне співвідношення у вищеописаному житлі №2 Межирічів становить 1 до 5, тоді як у житлі №1 цієї ж пам'ятки на одне ціле вістря припадає майже два прямокутника. В комплексах ГПК №2 Добранічівки вони представлені в однаковій кількості (по 1 екз.), а у ГПК №4 на п'ять вістер — шість прямокутників. На пам'ятках без стаціонарних конструкцій з мамонтових кісток і, відповідно, яким властиві більш чисельні мікролітичні комплекси, ця ж тенденція також має місце. Так, у верхньому горизонті К' Гінців на п'ять цілих вістер припадає шість прямокутників, у Семенівці 2 наявні 6 вістер і 9 прямокутників, а у Семенівці 3 — чотири вістря супроводжуються двома десятками прямокутників.

І нарешті останньою типологічно витриманою категорією знарядь праці вищеописаного комплексу житла №2 Межирічів є різноманітні тронковані платівки (37 екз. або 6,4% виробів із вторинною обробкою), що тут представлені діагонально- і опуклоретушованими виробами (рис. 2.50,51,53-55). Останні іноді досить спрощено трактують як напівфабрикати для виготовлення бокових різців але у своїй більшості, напевно, вони були такі знаряддями праці і використовувались у якості так званих вкладенів "колінчастих" ножів, що вставлялись у дерев'яне руків'я діагонально. Подібні знаряддя були досить поширені у фінальнопалеолітичних, мезолітичних і неолітичних комплексах Європи (наприклад в Штельмурі, свайних поселеннях Швейцарії тощо). На таке їх використання вказує і макрознос на різальних окрайках (рис. 2.53) або відколи — підправки призна-

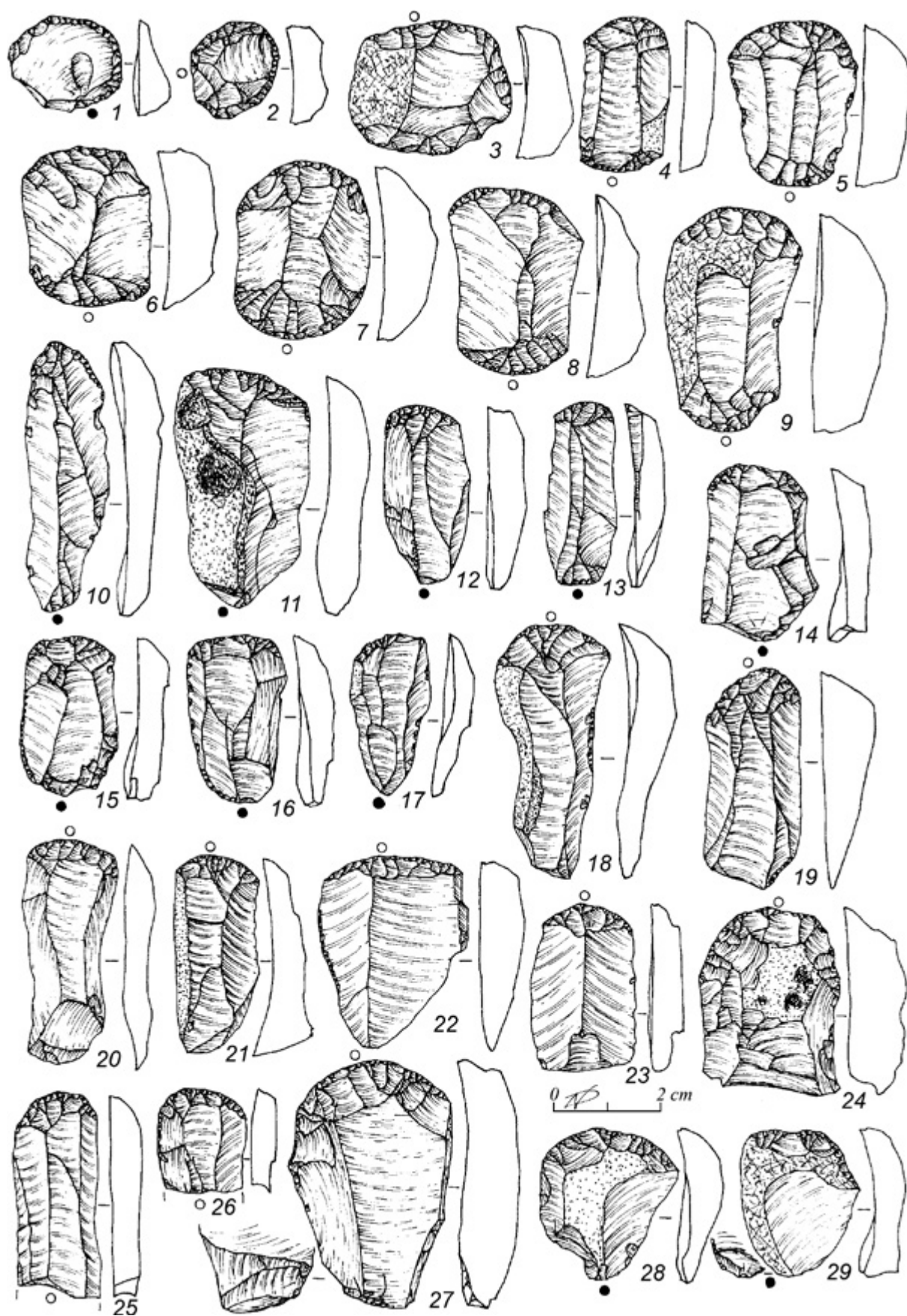

Рис. 6. Скребачки з житла № 2 Межирічів.

чених для перезагострення тронкованих поверхонь (рис. 2.58). Такі вироби загалом є дуже типовими для комплексів Східного Гравету, а особливо для Епігравету Середньодніпровського басейну і на пам'ятках межирицької індустрії нараховують 4,8% , 5,3% і 2,6% всіх знарядь, знайдених відповідно у житлах №№ 1, 3 та ГПК №4 Межирічів. В матеріалах ГПК №№ 1, 2 і 4 Добранічівки вони становлять 4,2%, 5,3% і 7,8%. Майже такий же самий відсоток серед знарядь праці вони мають і на стоянках без стаціонарних конструкцій з мамонтових кісток (верхній горизонт К` Гінців – 7,6%, Семенівки 2 – 5,2% та Семенівки 3 – 5,6%).

Висновки.

Таким чином, вищеописаний комплекс крем'яних знарядь праці житла №2 Межирічів за своїми морфологічними рисами та статистичними показниками є цілком типовим для межирицької індустрії загалом. Особливо ця подібність простежується під час його порівняння з іншими комплексами пам'яток із стаціонарними конструкціями з мамонтових кісток (житла №№ 1, 3, ГПК №4 Межирічів, ГПК №№ 1, 3 і 4 Добранічівки). Саме ці поселення, можливо, функціонували протягом холодного сезону, коли поведінка соціальних груп верхньопалеолітичної людності була більш детермінована і пристосована до зимівлі у суворих кліматичних умовах перігляціальних ландшафтів. Пам'ятки без подібних конструкцій, що напевно існували протягом теплої пори року, відзначаються значно більшим розмаїттям основних типолого-статистичних показників набору знарядь праці (Нужний 2002, с.73-77).

У всіх проаналізованих комплексах крем'яних знарядь цієї індустрії найбільше типологічне і статистичне розмаїття простежується у наборах мікролітів із притупленим краєм. Як вже відзначалось, це стосується двох основних типів цих вкладених, представлених тут різноманітними вістрями і прямокутниками. В комплексах межирицької індустрії перші майже завжди поступаються останнім. Вістря представлені невеликими за розмірами вкладеннями типу мікрогравет (із рівною затупленою спинкою) та ланцетоподібними формами (з опуклою), які оброблялись дрібною затуплювальною або напівстрімкою дорсальною ретушшю. Більшість з них має різноманітне оформлення базової частини напівстрімкою дорсальною або вентральною ретушшю. Сліди використання мікорізьцевої техніки для виго-

товлення бойової частини вістер простежуються лише в комплексах Семенівки 2 і 3. Прямокутники у всіх комплексах межирицької індустрії представлені досить мініатюрними низькими формами із різноманітною обробкою довгої частини та кінців напівстрімкою дорсальною чи вентральною ретушшю. До типових прямокутників із двома обробленими кінцями тяжіють і їх атипові форми, де один з кінців має відбивний горбок на проксимальній частині платівки або її збережений дистальний кінець.

Загалом в силу специфіки свого використання у якості безпосередніх наконечників металевих зброї, вістря мали значно більше шансів бути пошкодженими і потрапити в колекцію у вигляді фрагментів, ніж прямокутники, які виконували допоміжні функції у якості бокових лез. Відповідно і цілі їх зразки повинні рідше траплятися серед наборів мікролітів із затупленим краєм. Але на території Східної Європи, наприклад у Західній та Північній Україні, досить широко представлені епіграветські індустрії, де прямокутники взагалі практично повністю відсутні (мізинська індустрія, Овруцький епігравет), або значно поступаються у кількості різноманітним вістрям із затупленим краєм (Дністровський епігравет, юдіново-тімоновська та журівська індустрії). Ці особливості у типологічному складі мікролітичних комплексів у ще більш чіткому вигляді представлені в матеріалах південніших епіграветських індустрій Південної України (наприклад, матеріали пам'яток Дніпровського Надпоріжжя, індустрії типу Амвросіївки або Анетівки 2 тощо).

Таким чином, комплекс крем'яних знарядь, знайдених у другому житлі Межирічів, безумовно належить до межирицької індустрії, яка протягом 15 тисячоліття до наших днів існувала у басейні Середнього Дніпра. Ця індустрія загалом пов'язана з Епіграветською технологічною традицією Східної Європи і репрезентує собою одну з її досить рідкісних “прямокутникових” версій (наприклад подібне явище у степовій зоні характеризує індустрія типу Кам'яної балки). Саме за цією ознакою межирицька індустрія відрізняється від синхронних їй “вістерних” різновидів, досить широко представлених комплексами типу Дністровського і Овруцького епігравету, Мізину-Бармаків та Юдіново-Тімоновки. Останні набули поширення на заключних етапах плейстоцену на значних територіях Північної та Західної України, а також прилеглих регіонів Європейської Росії.

Література

- Гладких М.И., Корниец Н.Л.* Отчет о раскопках Межиричского позднепалеолитического поселения в 1976 г. // Научный архив Института археологии НАНУ. Киев, 1977. – № 1976/121. – 17 с. – 14 ілл.
- Гладких М.И.* Кремневый инвентарь межиричского позднепалеолитического поселения // *Vita Antiqua* – К.: Стилос, 2001. – № 3/4. – С. 15-21.
- Пидопличко И.Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. – К.: Наукова думка, 1976. – 239 с.
- Нужный Д.Ю.* Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межиріч та їх місце серед епі-граветтських комплексів Середнього Дніпра. // Кам'яна доба України. – К.: Шлях, 2002. – № 1. – С. 57- 81.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д.* Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы // Археологические изыскания. – СПб, 1997. – Вып. 52. – 141 с.
- Ступак Д.В.* Кам'яні комплекси верхньопалеолітичної стоянки Бужанка 2. Варіанти використання сировини // Археологический альманах. – Донецк: Донбасс, 2009. – Т. 20. – С. 218-229.

NUZHNYI D. YU.

THE LITHIC ASSEMBLAGE OF THE SECOND DWELLING OF MEZHIRICH UPPER PALAEOLITHIC SITE.

The study of lithic assemblage of the 2nd dwelling from mammoth bones of Mezhirich Upper Palaeolithic site, excavated by I. Pidoplichko (1969-1970), is represented in this article. The typological and technological features of tools assemblage of mentioned assemblage are similar to the so-called Mezhirichian industry, which existed in Middle Dnipro river basin around 15 thousands years ago. The numerous radiocarbon dates are not calibrated. The lithic tools assemblages of this kind of Epigravettian industries are simple and standardized. The tools from Mezhirich 2nd dwelling included different, mainly, oblique truncated burins on blades, but also angle and dihedral ones, which are dominated in tool assemblage (43.7 %). The second category of tools is simple end-scrapers on short blades and double end-scrapers (20.5 % of tool-kit). Finally, the various truncated microliths: small lanceolate and microgravettian points, often with various processing of basal parts; typical rectangles, with two truncated ends; atypical rectangles, with single truncation and intact blow bulb of blade (9.5 %). Such statistical indexes are very typical for sites with mammoth bone dwellings of Mezhirich industry (three dwellings in Mezhirich and four dwellings in Dobranichivka site), and perhaps connected with cold season and determined by limits of human adaptation during wintering in Periglacial forest-steppe zone. Contrary the sites without mammoth bone constructions are demonstrated much more typological diversity of lithic tools assemblages (upper horizon K' of Gintsi, Fastiv, Semenivka 1, 2 and 3). Thus, the lithic tool assemblage of 2nd dwelling of Mezhirich site is typical for settlements with mammoth bone dwelling constructions and Mezhirichian industry as the whole. The Mezhirichian industry is mainly based on use of narrow small rectangles and differs from the other East European Epigravettian assemblages (Mezianian, Dnestrovian, Ovruchian, Yudinovian, etc), which microlithic assemblages are dominated by various backed points.

АБСОЛЮТНЫЙ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ СТОЯНКИ БУГОРОК: ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ¹

В статье комплексно анализируются новые результаты исследований стоянки Бугорок. На памятнике выделяется два отдельных культурных слоя эпиграветтского времени.

Ключевые слова: бассейн р. Десны, верхний палеолит, стоянка Бугорок, радиоуглеродные исследования, относительный и абсолютный возраст.

Стоянка Бугорок (Пушкари IX) — один из палеолитических памятников пушкаревской группы, которые находятся на южной окраине села Пушкари (Новгород-Сиверский район, Черниговская обл., Украина), на территории урочища Погон — обширного мыса (площадью более 1 кв. км), представляющего собой сниженный участок водораздельного плато, ограниченного с восточной стороны высоким правым бортом долины р. Десны, а с южной — древней балкой Мосолов ров (рис. 1). Стоянка расположена в центральной, наиболее возвышенной (около 46 м над урезом р. Десны) части Погонского мыса, где лессово-почвенная серия имеет самую высокую мощность и содержит все основные позднеплейстоценовые хроностратиграфические горизонты, а лессы имеют свое типичное строение (Величко 1962).

Памятник был открыт в 1940 г. известным советским археологом М.В. Воеводским (Воеводский 1952). По его оценке, стоянка Бугорок занимала всю территорию наиболее возвышенной части Погонского урочища («бугорка») и имела площадь около 13 000 кв. м. Поставленный в 1940 г. на вершине этого возвышения шурф № 1 позволил установить, что ниже культурного слоя стоянки Бугорок, под пятиметровой толщей стерильных лессов залегает еще один, более древний культурный слой. М.В. Воеводский считал, что он относится к палеолитическому памятнику Пушкари VIII (Погон), открытому им в 130 м к востоку от стоянки Бугорок (Воеводский 1950, с.43). Новые данные, полученные в ходе наших раскопок на территории Бугорка в период с 1997 по 2009 г., дают основания говорить о том, что стоянка Пушкари IX должна рассматриваться в качестве отдельного многослойного палеолитического памятника с двумя культурными слоями — верхним (стоянка Бугорок) и нижним (Хлопачев 2010, с. 185–189). Во избежание путаницы под памятником Пушкари VIII (Погон) нами в дальнейшем понима-

ется только стоянка, исследованная М.В. Воеводским на восточной окраине Погонского мыса.

Раскопки стоянки Бугорок (Пушкари IX, верхний слой) проводились в июле-августе 1940 г. М.Д. Гвоздовер под общим руководством ее учителя М.В. Воеводского (Гвоздовер 1947). В ходе этих работ на месте шурфа № 1 был заложен небольшой раскоп площадью 13,6 кв. м, вскрывший участок культурного слоя, в котором было найдено более 4000 кремневых предметов, а также костные останки овцебыка и мамонта очень плохой сохранности (Гвоздовер 1947, с.93; Воеводский 1957, с.91, 97).

Материалы и данные этих исследований были опубликованы в статье М.Д. Гвоздовер (Гвоздовер 1947) и работе М.В. Воеводского (Воеводский 1957), изданной после смерти автора по рукописи, датированной им 1946 г. Содержащаяся в них культурно-хронологическая оценка стоянки Бугорок в полной мере следует французской стадияльной системе, принятой в отечественном палеолитоведении в то время. Для М.В. Воеводского Бугорок являлся стоянкой позднемадленского времени, «одним из самых поздних палеолитических поселений Средней Десны, несколько более поздним, чем Рабочий ров»² (Воеводский 1957, с.99). Делая подобное заключение, автор исходил из присутствия в каменном инвентаре стоянки Бугорок значительного количества «округлых скребков небольшого размера» и «более высокого стратиграфического положения [ее. — Г.Х.] культурного горизонта» (Воеводский 1957, с.99). М.Д. Гвоздовер также датировала стоянку Бугорок поздним мадленом, отмечая при этом, что по характеру кремневого инвентаря она ближе всего «стоит к Гонцовой, Борщевской 2 (верхний горизонт) стоянкам и к стоянке Рабочий Ров» (Гвоздовер 1957, с.97).

¹ Работа выполнена в рамках проекта НАНУ №07-06-12 (У) – РФФИ №12-06-90400-Укр-а.

² В качестве сравнительного материала М.В. Воеводский использовал каменный инвентарь таких «позднемадленских» стоянок, как Рабочий ров (Чулатов II), Крейдяный майдан, Тимоновка I, Гонцы, Борщево 2, Мезин (Воеводский 1957, с.94–98).

Рис. 1. Топографический план Пушкаревского (Погонского) мыса (выполнен Н.Е.Ющенко).

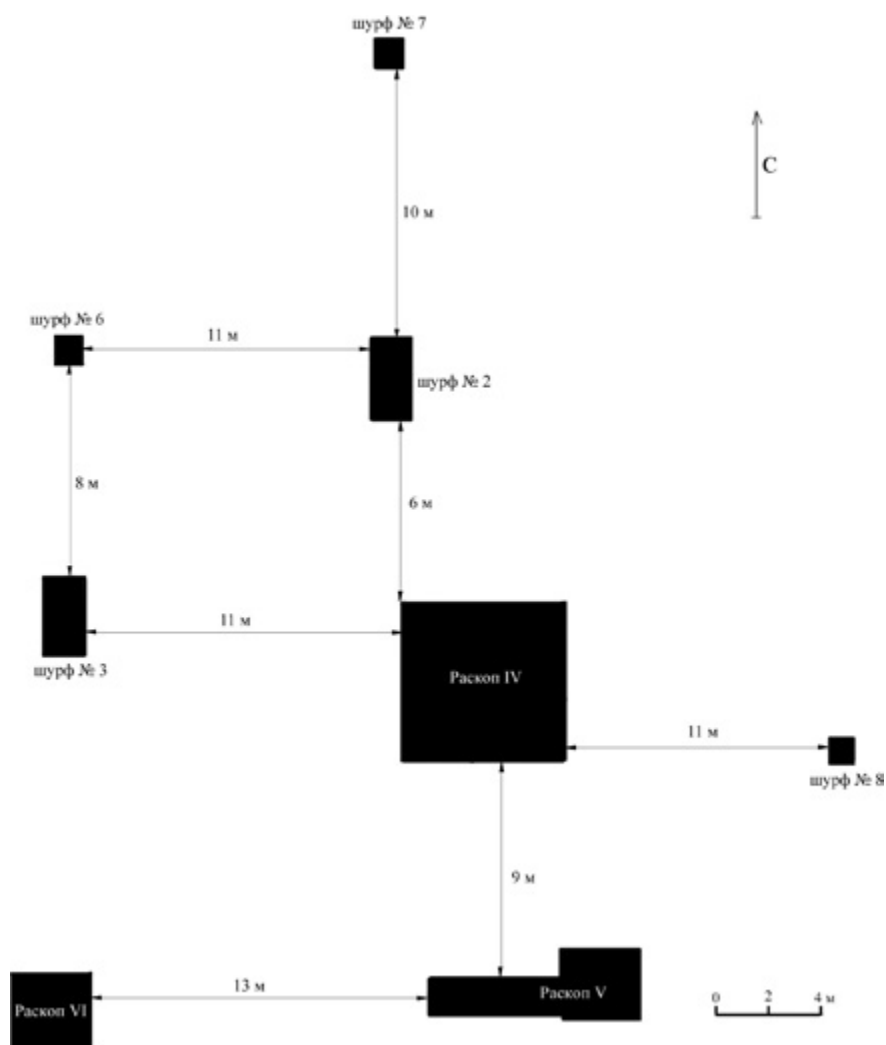

Рис. 2. Схема расположения раскопов и шурфов на стояке Пушкари IX (Бугорок).

Подобную культурно-хронологическую оценку стоянки Бугорок в полной мере разделял выдающийся советский палеолитовед П.И. Борисковский. Он рассматривал ее в качестве одного из наиболее поздних мадленских памятников Восточной Европы (Борисковский 1953).

Вопрос геологического возраста стоянки Бугорок был рассмотрен А.А. Величко в связи с его геоморфологическими исследованиями на территории центральной части Русской равнины (Величко 1962). Разработанная им стратиграфическая схема лессовых отложений для этого региона позволила достаточно точно оценить относительный геологический возраст стоянки Бугорок. Согласно результатам исследований А.А. Величко она существовала «в третий, последний этап накопления однородных валдайских лессовых отложений (лесс III)», а значит, является одной из наиболее молодых палеолитических стоянок пушкаревской группы (Величко 1961, с.151–153), что подтверждало сложившиеся ранее представления о возрасте стоянки.

В связи с развитием и утверждением в советском палеолитоведении в 1960-е годы идеи о локальном своеобразии культуры верхнего палеолита Восточной Европы подходы к культурной атрибуции стоянки Бугорок, напротив, изменились. Одним из ярких примеров подобных локальных территориально-культурных образований верхнего палеолита является выделенная И.Г. Шовкоплясом в 1960-е годы Среднеднепровская этнокультурная общность, применительно к которой он использовал также термин «мезинская культура» (Шовкопляс 1965, с.301). Стоянка Бугорок рассматривалась И.Г. Шовкоплясом в качестве одного из памятников этого территориального образования и была отнесена им ко второму этапу развития данной культурной общности наряду с такими памятниками, как Добраничевка, Гонцы, Чулатов II (Шовкопляс 1965, с.300). В настоящее время в рамках Среднеднепровской этнокультурной общности принято выделять сразу несколько локальных археологических культур. Стоянка Бугорок, по мнению большинства исследователей, относится к тимоновско-юдиновскому кругу памятников или тимоновско-юдиновской археологической культуре (Грехова 1971, с.21–22; Тарасов 1991; Абрамова, Григорьева 1997, с.88; Гаврилов 1994, Nuzhnyy 2008, с.116,134, Оленковский 2008, с.349 и др.). Эта культура была выделена Л.В. Греховой в 1970-е годы и помимо Бугорка включала в себя такие стоянки Среднего По-

днепровья, как Тимоновка 1, Тимоновка 2, Юдиново и Чулатов II (Грехова 1977).

Долгое время стоянка Бугорок оставалась наименее исследованным памятником данной культурной группы, а представления о ее возрасте основывались на археологических корреляциях с материалами стоянки Тимоновка 2 (Грехова 1971; Грибченко), которую Л.В. Грехова вместе с первым хозяйственно-бытовым комплексом стоянки Тимоновки 1 рассматривала как более ранние по отношению к другим комплексам Тимоновки 1 (Величко, Грехова и др. 1977, с.109), а их абсолютный возраст определялся единственной радиоуглеродной датировкой, полученной для стоянки Тимоновка 2 — 15110 ± 530 (ЛУ-358) (Величко, Грехова и др. 1977, с.64). Однако намеченное Л.В. Греховой на основе технико-типологических характеристик «развитие кремневой индустрии внутри одной культуры в небольшой (по геологическим масштабам) отрезок времени» (Величко, Грехова и др. 1977, с.109) в ходе дальнейших исследований не получило дополнительных аргументов в свою пользу. Результаты проведенного К.Н. Гавриловым таксономического анализа каменного инвентаря стоянки Тимоновка 1 дали основание говорить о том, что выявленные Л.В. Греховой особенности хозяйственно-бытовых комплексов этого памятника могут объясняться их разной функциональной спецификой и не могут служить критерием определения относительного возраста (Гаврилов 1994, с.76).

В настоящее время мы имеем возможность внести большую ясность в вопрос об относительном и абсолютном возрасте стоянки Бугорок. В период с 1997 по 2009 г. нами были осуществлены комплексные археологические исследования этой стоянки (рис. 2). Площадь вскрытого и исследованного культурного слоя составляет более 60 кв. м. На отдельных участках стоянки (в восточной половине раскопа V) культурный слой оказался разрушен палеомерзлотными явлениями. В разрезе стен этого участка хорошо читаются отложения палево-серых однородных супесей, разбитых на многочисленные блоки размером от 15×15 см до 25×30 см, границы между которыми подчеркнуты горизонтальными и вертикальными прослоями буровато-коричневатых ортзандов, имеющих толщину от 5 до 10 см (Хлопачев 2011, с.189). Подобная блоковая структура прослеживается до глубины 2,5 м, практически до дна раскопа. Масштабы понижения и структура отложений, по мнению д.г.н. Ю.Н. Грибченко, говорят о том, что такие нарушения связаны не с влиянием склона стояночного мыса,

а с палеомерзлотными проявлениями (Беляева и др. 2002, с. 35) — неравномерной льдонасыщенностью пород и процессами деградации многолетней мерзлоты последней валдайской ледниковой эпохи, следствием которых являлось образование гидролакколитов. Направление сброса культурных остатков происходило в направлении с запада на восток. Высота их падения постепенно увеличивалась в этом направлении до глубины 2,5 м. При этом характер сброса и разрушения культурного слоя был таков, что его отдельные целые блоки (сохраняющие внутреннюю инсцитность), а также наиболее массивные и тяжелые находки (кварцитовые плиты, крупные кремневые желваки и нуклеусы, зубы мамонта) оказывались на самом дне палеомерзлотной структуры. Все это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что функционирование стоянки происходило в момент времени, когда гидролакколиты уже начали образовываться на территории Бугорка, но на нем еще сохранялись стабильные участки поверхности, пригодные для проживания.

Вероятно, с этим следует связать ту особенность стоянки, что ее культурный слой сохранился «как бы отдельными пятнами». Участки, на которых культурный слой не подвергся подобным мощным палеомерзлотным разрушениям, были исследованы нами в западной части раскопа V, в раскопе IV и раскопе VI. Наиболее важным с точки зрения определения структуры культурного слоя и его стратиграфического положения является раскоп VI. Здесь культурный слой представлял собой выдержанный по мощности горизонт находок и содержал многочисленные (более 600 ед. на кв. м) кремневые изделия, значительное количество костных остатков и костного тлена, а также отдельные костные угли.

Стратиграфическое описание отложений в разрезе северной стены раскопа VI было выполнено ведущим научным сотрудником ИГ РАН д.г.н. Ю.Н. Грибченко по его центральной части от дневной поверхности (+235 от условного нуля) (Рис. 3).

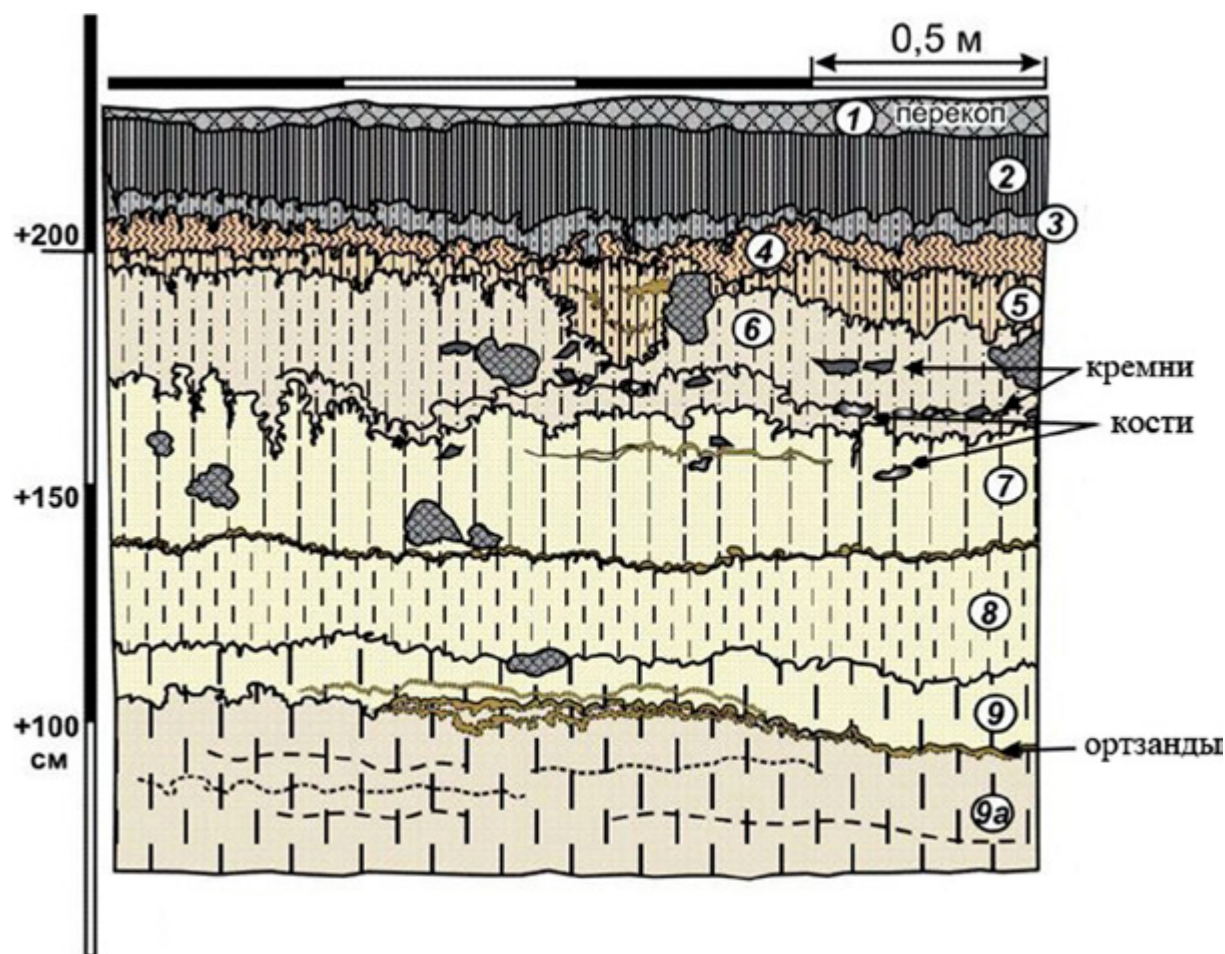

Рис. 3. Стоянка Бугорок. Раскоп VI. Стратиграфия северной стены (рисунок Ю.Н.Грибченко).

№ слоя	Отложения	Мощность, м	Глубина, м (от 0)
1.	<u>Перекоп</u> . Насыпная порода, мешаная, слоистая, уплотненная. Нижний контакт четкий по поверхности современной почвы.	0,05	0,05
2.	<u>Гумусовый горизонт современной почвы</u> (пахотный). Супесь темно-серая, неоднородная, с многочисленными корнеходами и кротовинами. Нижний контакт нечеткий, мелкоязыковатый.	0,20	0,25
3.	<u>Гумусовый горизонт голоценовой почвы</u> . Супесь серая, плотная, неоднородная, более светлая, чем вышележащая. Слой имеет волнистое залегание с мелкоязыковатыми контактами. Мощность меняется по простиранию от 3 до 7 см.	0,05	0,30
4.	<u>Горизонт В (текстурный)</u> . Суглинок серовато-бурый, легкий, комковатый, неоднородный. Содержит мелкие линзы и включения серой супеси. По границам отдельностей тонкие железисто-глинистые пленки. Нижний контакт нечеткий, постепенный. По простиранию мощность меняется от 3 до 12 см.	0,10	0,40
5.	<u>Горизонт В (текстурный)</u> . Суглинок коричневатого-бурый, легкий, оскольчатый, неоднородный. Грани отдельностей подчеркнуты прожилками белесой супеси. Слой нарушен корнеходами и кротовинами, контакты которых нечеткие, размытые. В средней части разреза материал слоя заполняет небольшую западину, в которой прослеживаются небольшие наклонные линзы белесой супеси. К западу от углубления слой имеет мощность 3–5 см, а восточнее — до 10–15 см. нижний контакт четкий, волнисто-языковатый, местами размытый.	0,05	1,45
6.	<u>Ортзандовый горизонт</u> . Супесь коричневатого-палевая, светлая, с редкими, тонкими и слабо выраженными ортзандовыми прослоями и линзами коричневатой супеси. В нижней части слоя ортзанды более четкие, волнистые в правой части разреза. С ними связаны небольшие скопления кремня и костей. В слое содержатся крупные кротовины. Нижний контакт постепенный, языковатый. В южной стенке шурфа (на расстоянии около 1,5 м от северной стенки) мощность и выраженность ортзандовых прослоев значительно возрастают. Это подчеркивает существующую первичную седиментационную слоистость отложений.	0,20	0,65
7.	Супесь коричневатого-палевая, более светлая, легкая, неясно слоистая. Содержит редкие пылеватые карбонаты и слабо выраженные ортзандовые линзы. В слое фиксируются отдельные включения кремня и обломков костей, мелкие включения бурого ожелезнения и кротовины разного размера. Нижний контакт слоя четкий, подчеркнут коричневатым ортзандом.	0,30	0,95
8.	Супесь лессовая, серовато-палевая, легкая, пористая, однородная, неясно слоистая. Содержит включения пылеватых карбонатов и бурого ожелезнения, пятна марганца и оглеения. Нижний контакт нечеткий, постепенный, выделяется по цвету и структуре.	0,25	1,20
9.	Супесь буровато-палевая, лессовая, неясно-слоистая. Содержит тонкие линзы коричневатых супесей. По нижнему контакту более выраженные ветвящиеся прослои коричневатых ортзандов. мощность слоя постепенно увеличивается в правой части разреза и в восточной стенке.	0,10	1,30
9а.	Супесь буровато-палевая, лессовая, слоистая, однородная, аналогичная слою 9. В слое более четко выражена волнистая слоистость. В нижней части слоя содержатся пятна и включения оглеения и бурого ожелезнения.	Видим. 0,35	Видим. 1,65

Первые находки кремней, приуроченные к литологическим горизонтам, не затронутых пахотой, были сделаны в гумусовом горизонте голоценовой почвы и серовато-буром суглинке, образывавшем ее горизонт В (тесктурный) (слой 3 и 4). Основная же масса кремневых изделий, залегавшая вместе с большим количеством мельчайших чешуек, костных остатков и отдельных костных углей, была приурочена к коричневатому бурому суглинку горизонта В голоценовой почвы (слой 5) и коричневатопалевой супеси (слой 6). Культурные остатки залегают также в верхней половине пачки отложений коричневатопалевой супеси, имевшей более светлый оттенок (слой 7).

В целом же выдержанный по залеганию культурный слой имел мощность 25–40 см (рис. 4) и содержал большое количество кремневых изделий и костных остатков, имевших горизонтальное залегание (рис. 5). Такое их положение, а также насыщенность слоя мельчайшими кремневыми чешуйками и костными угольками свидетельствуют об инситном характере культурного слоя. Незначительное перемещение культурных остатков были отмечены лишь на отдельных участках, что объясняется высоким стратиграфическим положением и активными почвенными процессами голоценового времени. Более полно судить о характере и структуре культурного слоя, особенностях его стратиграфического положения можно благодаря результатам геохимических исследований, проведенных по всей колонке геологических отложений северной стены раскопа VI, а также благодаря данным анализа промывки отложений, вмещавших культурные остатки, которая осуществлялась по горизонтам разборки мощностью 2–3 см. Проведенные исследования показали, что максимальное содержание фосфора и/или резкое возрастание концентрации мельчайших чешуек и костных угольков, которые являются основными маркерами стратиграфического положения культурного слоя, отмечается на глубине 45–55 см от дневной поверхности (нивелировочные отметки +182 — +172) и соответствует геологическим слоям 5 и 6. Аналогичные, но более слабо выраженные показатели были отмечены также в нижней части слоя 6 и верхней части слоя 7 на глубине 65–80 см от дневной поверхности (+165 — +150). Для нижнего горизонта культурного слоя характерно не только большое количество мельчайших чешуек и костных угольков, но и наличие отдельных слабых пятен золотистого цвета, а также горизонтальное залегание находок (и кремней, и костей) в его нижней

Рис. 4. Стоянка Бугорок. Раскоп VI. Северная стена (кв. П012).

части. Все это заставляет исключить возможность существенного перемещения находок из расположенного выше верхнего горизонта культурного слоя и является свидетельством того, что нижний уровень культурного слоя представляет собой самостоятельный горизонт обитания.

Такой вывод находит подтверждение в результатах спорово-пыльцевого анализа образцов из палинологической колонки, отобранной из северной стены раскопа VI. В этом разрезе Т.В. Сапелко выделила 7 палинозон. Культурному слою, его основному (верхнему) горизонту в целом соответствует палинозона 5 (рис. 6). Данная палинозона характеризуется самым высоким значением количества пыльцы древесных пород по разрезу (53 %). Здесь доминирует пыльца сосны, ольховника, а также пыльца березы и ольхи. Среди трав преобладают злаковые и осоковые. Т.В. Сапелко отмечено большое видовое разнообразие пыльцы травянистых. Присутствует пыльца *Cichoriaceae*, *Rubiaceae*, *Polygonaceae*, *Brassicaceae*, *Fabaceae*, *Asteraceae*. К концу зоны появляется пыльца *Plantago*, *Chenopodiaceae*, *Ericaceae*, *Malvaceae*. После длительного перерыва в

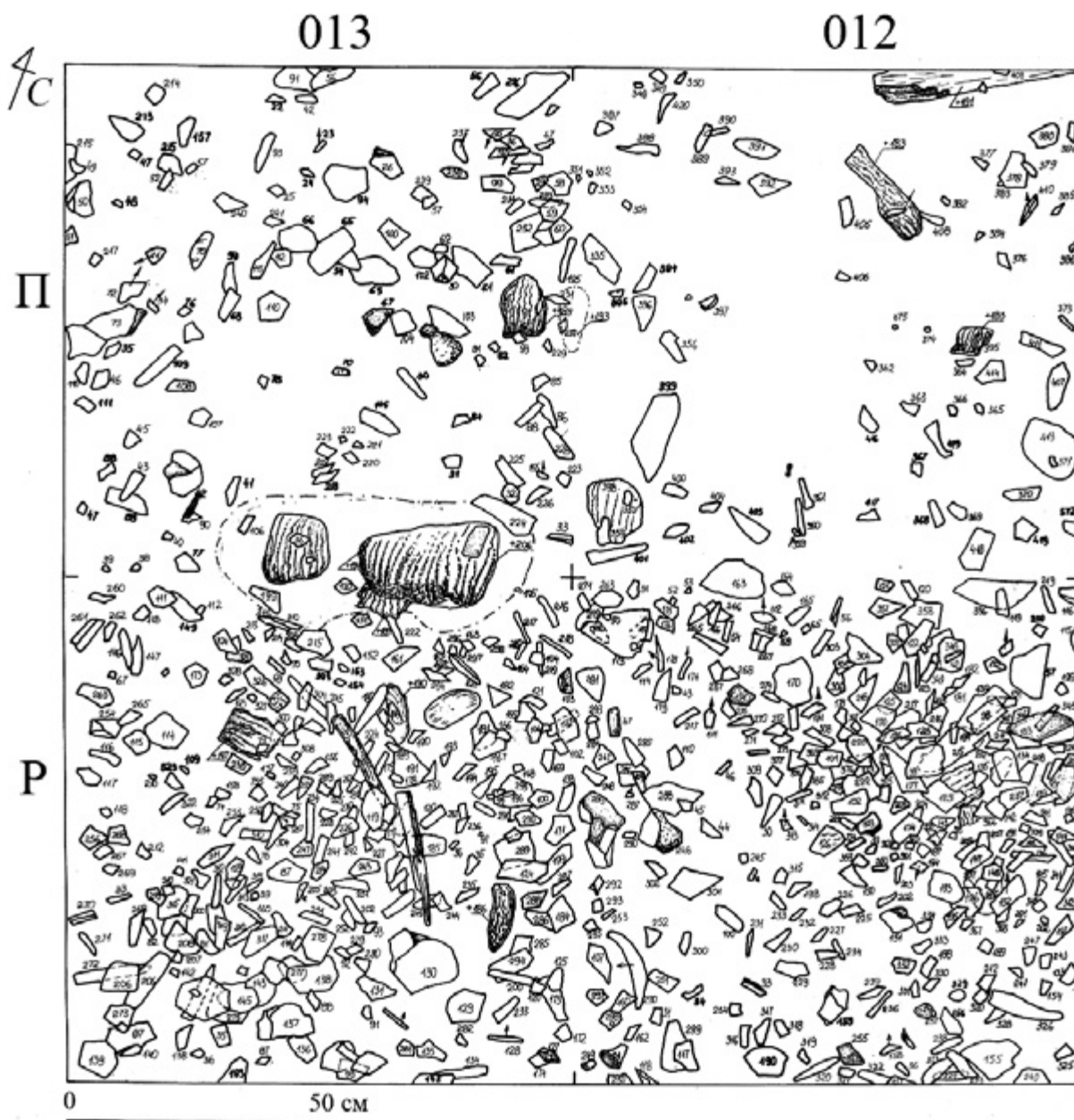

Рис. 5. Стоянка Бугорок. Раскоп VI. Основной горизонт культурного слоя.

зоне 5 и далее по разрезу появляется вновь и присутствует почти постоянно *Malvaceae*. Среди спор впервые отмечен *Lycopodium*. Палинозона 5 являлась самым благоприятным периодом для развития растительного покрова. В это время увеличивается площадь лесов, при этом открытые тундрово-степные сообщества продолжали занимать значительные пространства. Разнообразие ландшафтов (долинные сосновые и сосново-березовые леса, тундрово-степные сообщества и разнотравно-злаковые луга) позволяют, по мнению Т.В. Сапелко, говорить о перигляциальной лесостепи. Комплекс растительности, реконструируемый для времени существования стоянки Бугорок, аналогичен древнему растительному покрову стоянок Тимоновка 2, Елисеевичи и Юдиново (Величко, Грехова и др. 1979, с.78; Хлопачев,

Грибченко 2013, с.141–142; Хлопачев и др. 2013). Основным отличием растительного покрова стоянки Бугорка является отсутствие сибирских хвойных пород, что, по заключению Т.В. Сапелко, может служить подтверждением иного, ранее менее всего описанного поздневалдайского потепления — аллереда. В то же время следует отметить, что нижняя граница культурного слоя или по крайней мере его нижняя часть залегает на границе палинозон 5 и 4. Концентрация пыльцы в палинозоне 4 значительно возрастает, снижается количество переохлажденной пыльцы. Одним из оснований для выделения палинозоны 4 является «усилившееся влияние древесных пород», количество пыльцы которых увеличивается и временами достигает 40 % (Сапелко 2014). Именно в этой зоне впервые появляется пыльца ели.

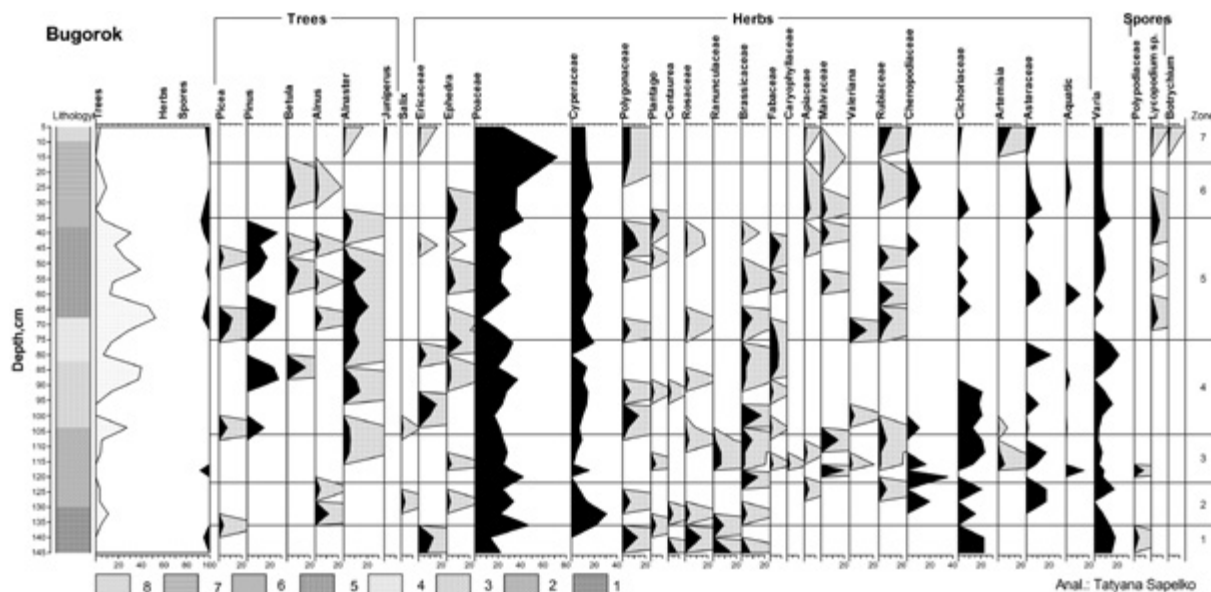

Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма стоянки Бугорок (1-8 — номера слоев) (составлена Сапелко Т.В.).

Т.В. Сапелко отмечает преобладание пыльцы сосны и кустарников. Среди пыльцы травянистых пород преобладают *Cichoriaceae*, *Poaceae*, *Chenopodiaceae*. Распространение получают мезофиты, но при этом ксерофиты присутствуют по-прежнему. В это время берет начало широкое распространение долинных лесов — сосновых лесов с небольшой примесью ели, березово-сосновых лесов с подлеском из ольховника, а на закрытых влажных участках — мезофитных лугов, «довольно значительные площади продолжали занимать открытые перигляциальные ландшафты на песчаных каменистых субстратах» (Сапелко, настоящий сборник, стр.). Таким образом, согласно данным палинологического анализа существование стоянки Бугорок соответствует времени, когда на территории Среднего Подесенья отмечается возрастание роли древесных пород, а активная стадия ее функционирования относится к периоду аллереда. Подобный вывод в определенной степени противоречит устоявшимся представлениям о том, что возраст позднепалеолитической стоянки Бугорок не может быть моложе 12 тыс. л. (Величко и др. 1996). Однако данные палинологических исследований полностью соответствуют результатам реконструкции ландшафтно-климатических условий, полученным методом геохимической индикации для этого же разреза стоянки Бугорок (рис. 7). Установлено, что основной горизонт культурного слоя стоянки образовывался в условиях интерстадиала, харак-

теризовавшемся потеплением и увлажнением климата, — в период аллереда (Хлопачев, Кулькова 2007, с.231). Такое определение возраста стоянки подтверждается серией радиоуглеродных дат, полученных для основного, верхнего, горизонта обитания (табл. 1). Единственную древнюю дату в $17\,200 \pm 250$ из верхнего горизонта культурного слоя мы не можем принять во внимание как заведомо удревненную. Костные образцы из нижнего горизонта этого же культурного слоя дали более привычные для памятников позднего верхнего палеолита Десны даты — $14\,770 \pm 115$ и $14\,820 \pm 60$ (табл. 1). Отметим, что радиоуглеродные определения возраста, полученные для основного и нижнего горизонтов культурного слоя стоянки Бугорок, очень близки радиоуглеродным датировкам соответственно верхнего и нижнего культурных слоев Юдиновской стоянки (Хлопачев 2010, с. 266).

Фаунистические остатки в обоих горизонтах культурного слоя стоянки Бугорок не позволяют говорить о каких-либо видовых различиях: они представлены костями, как правило, плохой сохранности мамонта, овцебыка и песка (определения ст.н.с. ЗИН РАН к.б.н. М.В. Саблина). Подобный видовой состав не противоречит аллередскому возрасту стоянки Бугорок. Обнаруженные костные остатки животных относятся к видам, которые на территории Восточно-Европейской равнины доживают до конца плейстоценового времени (Саблин 2002).

Стоянка Бугорок, основной горизонт культурного слоя			
№ п/п	Индекс	Материал, контекст	^{14}C дата
1.	Ki-13078	Зуб овцебыка	11060 ± 140
2.	LE-6961	Зуб мамонта (верх основного горизонта культурного слоя)	11500 ± 400
3.	Ki-13079	Зуб мамонта	11700 ± 250
4.	Ki-11900	Зуб мамонта	17200 ± 250
Стоянка Бугорок, нижний горизонт культурного слоя			
№ п/п	Индекс	Материал, контекст	^{14}C дата
1.	Hela-1517	Зуб овцебыка	14770 ± 115
2.	OxA-17799	Зуб мамонта (низ культурного слоя)	14820 ± 60

Правомерность выделения нижнего горизонта культурного слоя в качестве самостоятельного более раннего горизонта обитания стоянки Бугорок подтверждается данными анализа ее каменного инвентаря.

Кремневый инвентарь стоянки Бугорок в целом насчитывает более 15 000 изделий. Часть находок происходит из мешаного пахот-

ного слоя. Общее количество находок из литологических отложений, не потревоженных вспашкой, насчитывает 13 459 единиц. Для обработки использовался преимущественно местный меловой желвачный и плитчатый кремнь. Значительно реже для расщепления применялся валунный кремнь, приобретающий в процессе патинизации фарфорово-белый цвет.

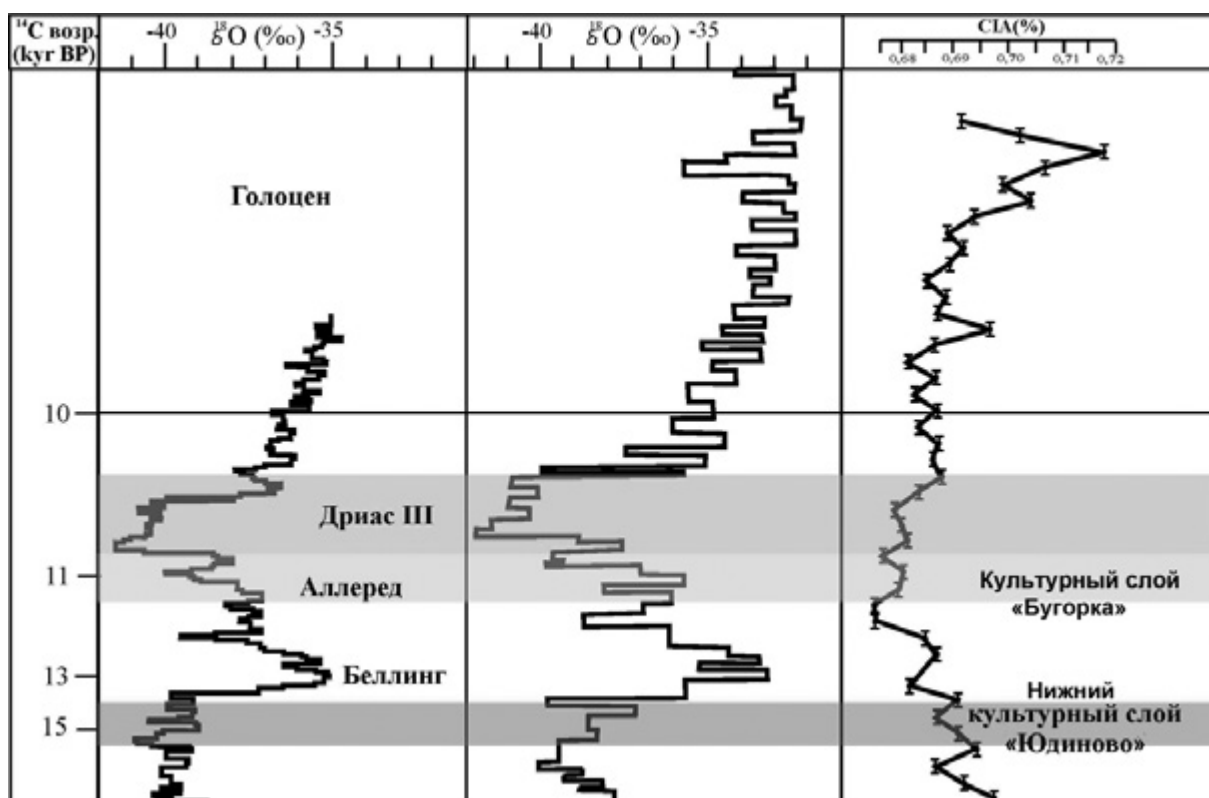

Рис. 7. Изменение температуры в позднем плейстоцене-начале голоцена по данным DRIP $\delta^{18}\text{O}$ записях в Гренландских льдах (Dansgaard et al., 1993; acc. Bradley 1999).

Всего около 1 % кремневых изделий изготовлены из этого материала. Еще реже встречаются изделия из кварцита, на них приходится всего 0,3 % от общего числа находок. Выходы мелового кремня находились недалеко от стоянки, что объясняет большое количество сколов с желваков и плиток и их обломков. Более трети всех сколов несут на своей поверхности остатки меловой корки. Расщепление кремня осуществлялось на стоянке. На это указывают многочисленные находки нуклеусов (383 ед. — 2,9 %), а также значительное количество технологических сколов (469 ед. — 3,5 %) — ребристых сколов, сколов оживления площадок и переоформления фронтов нуклеусов. Каменная индустрия памятника, расположенного рядом с выходом кремневого сырья, характеризуется достаточно высоким уровнем пластинчатости — 14,8 %. При этом почти 80 % всех орудий изготавливалось на пластинчатых заготовках (пластинах, пластинках и микропластинах). В среднем длина целых пластин составляла 4–7 см, пластинок — 3–4 см, а микропластин — 1,5–3 см. Лишь отдельные самые крупные пластины достигали длины 8–9 см. Преобладают изделия с небольшими гладкими редуцированными, иногда со следами шлифовки площадками. Для получения пластинчатых заготовок использовались в основном одно- и двуплощадочные (в том числе бипродольные, бипродольные смежные) подпризматические (рис. 8.1), призматические (рис. 8.2), подпрямоугольные (рис. 8.3) и торцевые нуклеусы. Необходимо отметить, что нуклеусы подпрямоугольной формы никак не связаны с плоской среднепалеолитической системой скалывания, а представляют собой сработанные, истощенные подпризматические ядрища. В коллекции представлено несколько клиновидных (рис. 12.10) и конусовидных нуклеусов. Скалывание пластинок и микропластин производилось с подпризматических и торцевых нуклеусов небольшого размера.

Коллекция, собранная за все время раскопок, содержит 628 предметов со вторичной обработкой, что составляет 4,7 % от общего количества кремневых изделий с учетом чешуек — мелких сколов размером до 2 см (27,9 %). Наиболее многочисленной группой орудий являются скребки — 206 экз. (32,8 %). Эта категория орудий достаточно разнообразна (рис. 9.1–11). В инвентаре стоянки представлены укороченные и короткие скребки, концевые скребки, скребки подокруглой формы, двойные короткие скребки, скребки на отщепах с коркой, ногтевидные скребки, скребки с небольшим

шипом на лезвии, нуклевидные скребки. Единственным экземпляром представлен концевой скребок на пластине со сходящимися, обработанными ретушью краями (рис. 9.5). Почти не уступают скребкам по количеству резцы — 176 экз. (28 %), среди которых заметно преобладают боковые косо- и выпукло-ретушные на пластинах и пластинках (рис. 10.7–10). Помимо этого в материалах наших раскопок представлена хорошая серия прямо- (рис. 10.4) и вогнуто-ретушных резцов (рис. 10.6). Двугранные резцы и резцы на сломе немногочисленны. Отметим присутствие в инвентаре стоянки целой серии двойных ретушных резцов (7 экз.) (рис. 10.1), а также ретушных резцов, комбинированных со скребком (9 экз.) (рис. 10.5), острием (2 экз.) (рис. 10.3,9), резцом на сломе (2 экз.) (рис. 10.2), двугранным резцом (1 экз.).

Следующей по численности категорией орудий стоянки являются пластины и пластинки с усеченными/ретушированными концами (45 экз. — 7,2 %). Как и в случае с резцами, среди них преобладают пластины с косо- и выпукло-скошенными концами (рис. 11.8,11–14). Пластин с поперечно- и вогнуто-усеченными концами заметно меньше (рис. 11.9,10). Традиционно их принято относить к изделиям, являющимся заготовками для боковых ретушных резцов (Гвоздовер 1947; Воеводский 1952 и др.). Однако присутствующие на этих изделиях следы сработанности говорят в пользу того, что они скорее должны рассматриваться в качестве самостоятельной категории орудий.

Достаточно богат формами комплекс вкладышевого метательного вооружения (рис. 11.1–7). В нем представлены серии пластин и пластинок (36 экз.), микропластин (11 экз.) с притупленным краем, прямоугольников (5 экз.). При их изготовлении использовалась крутая дорсальная ретушь, которая создавала прямой, но не слишком ровный притупленный край высотой 1,5–2 мм. В качестве заготовок для прямоугольников использовались и пластинки, и пластины. Имеются как прямоугольники с двумя прямоусеченными концами, когда ударный бугорок не сохранялся, так и изделия, у которых усечение выполнялось только на дистальном конце заготовки.

Таким образом, по технике первичного расщепления и категориальному набору «ведущих» форм орудий и некоторым присущим им морфологическим особенностям стоянка Бугорок в целом обнаруживает высокую степень сходства с каменными индустриями памятников тимоновско-юдиновской культурной группы Подесенья, особенно с памятниками

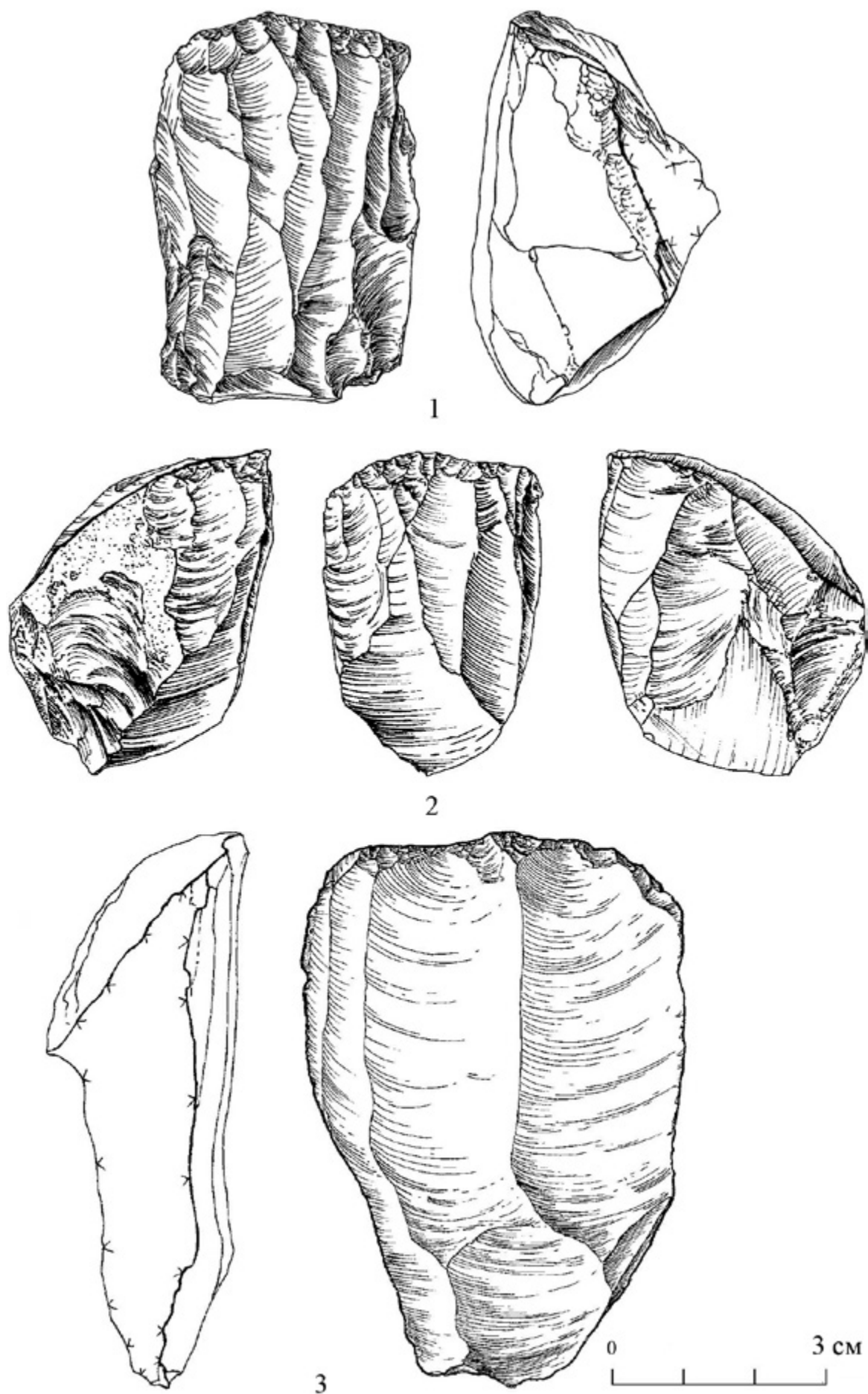

Рис. 8. Стоянка Бугорок. Кремневый инвентарь основного культурного горизонта.
1-3 — нуклеусы.

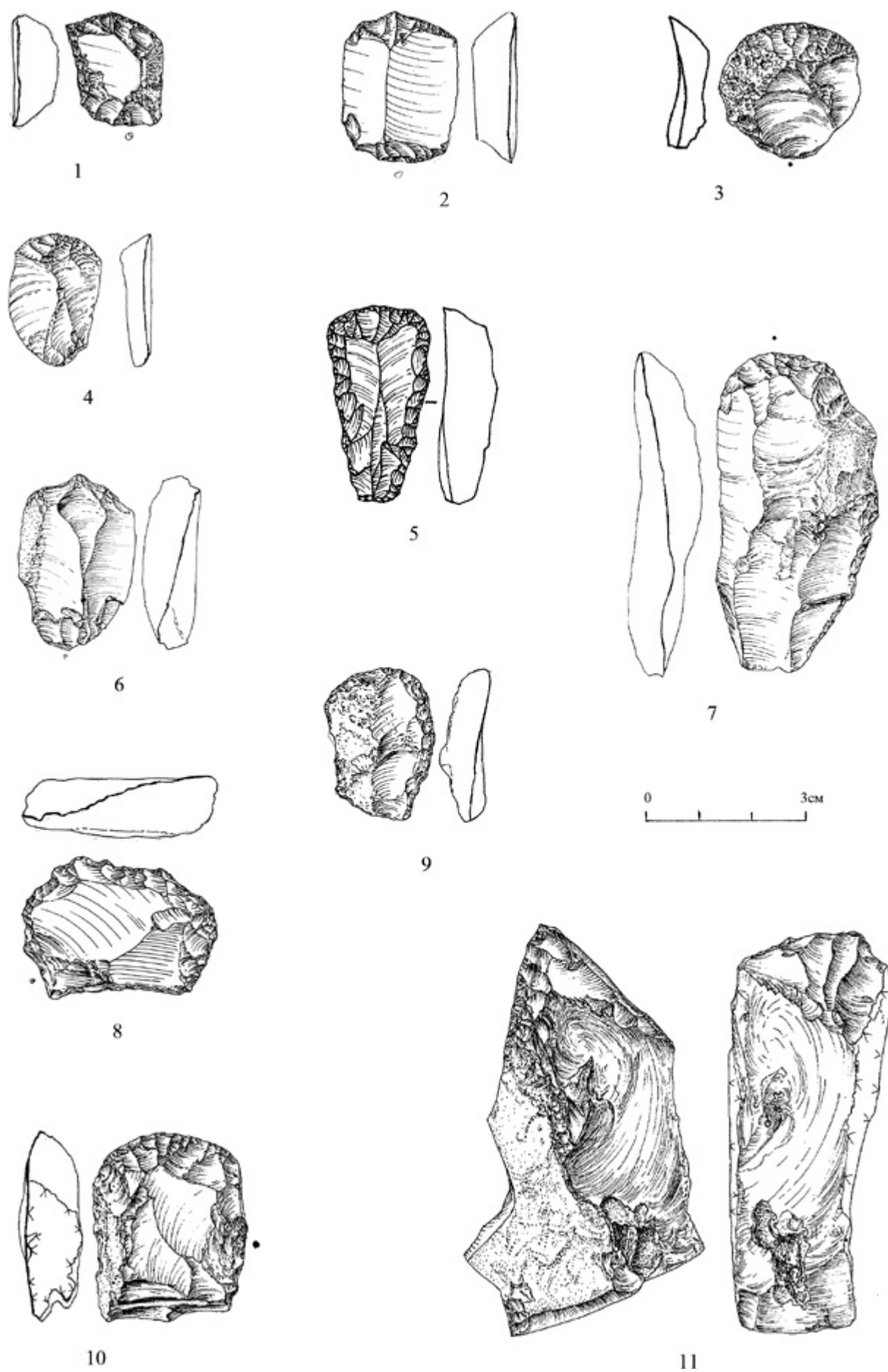

Рис. 9. Стоянка Бугорок. Кремневый инвентарь основного культурного горизонта. 1–11 —скребки.

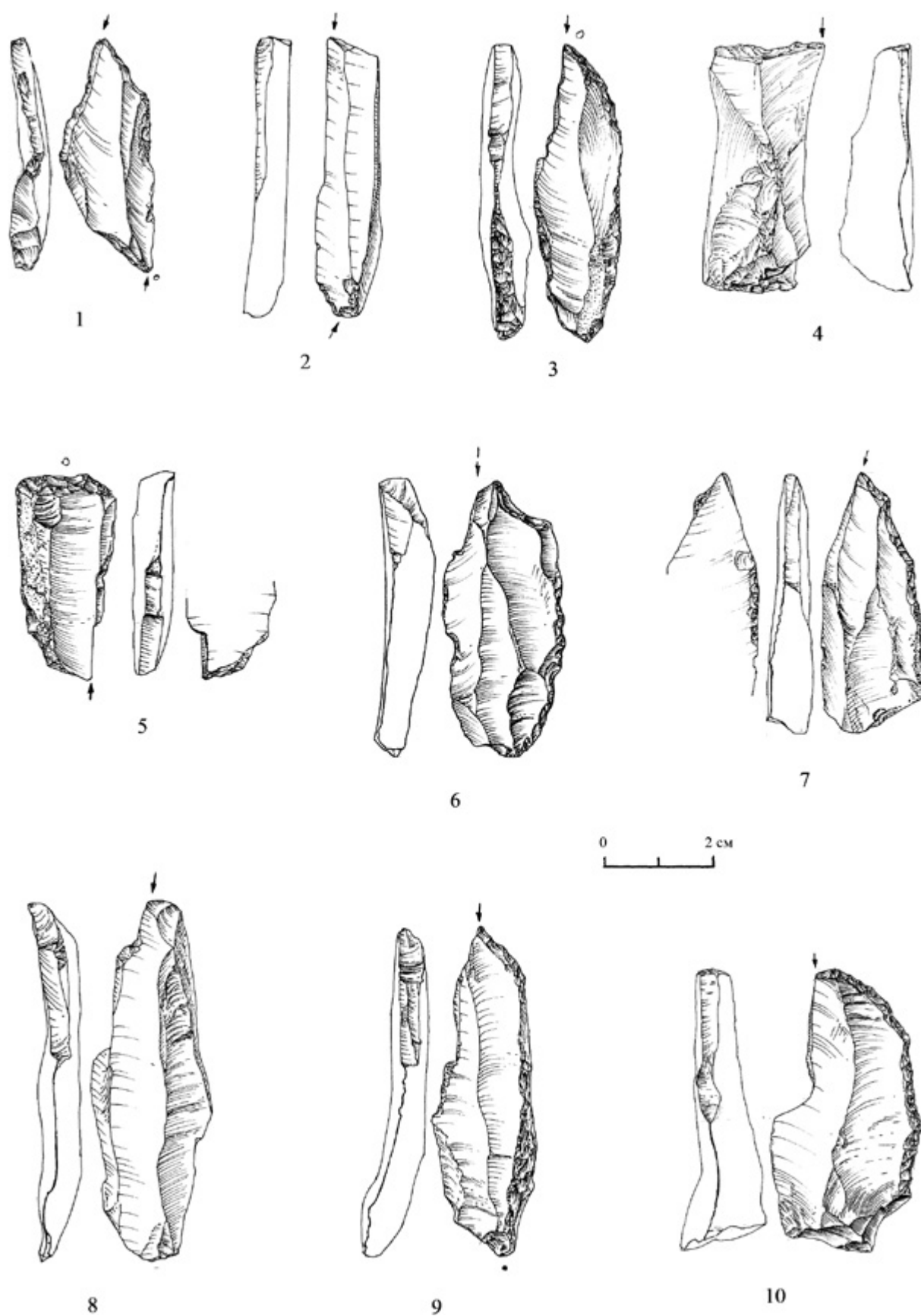

Рис. 10. Стоянка Бугорок. Кремневый инвентарь основного культурного горизонта.

Резцы 1— двойной ретушный резец; 4, 6–8, 10 — боковые ретушные резцы; 2 — резец на сломе–боковой ретушный резец; 3, 9 — боковые косоретушные резцы–острия; 4— боковой пряморетушный резец; 5 — боковой ретушный резец–скребок; 6 — боковой вогнуто-ретушный резец; 7, 8 — боковые косоретушные резцы; 10 — боковой выпукло-ретушный резец).

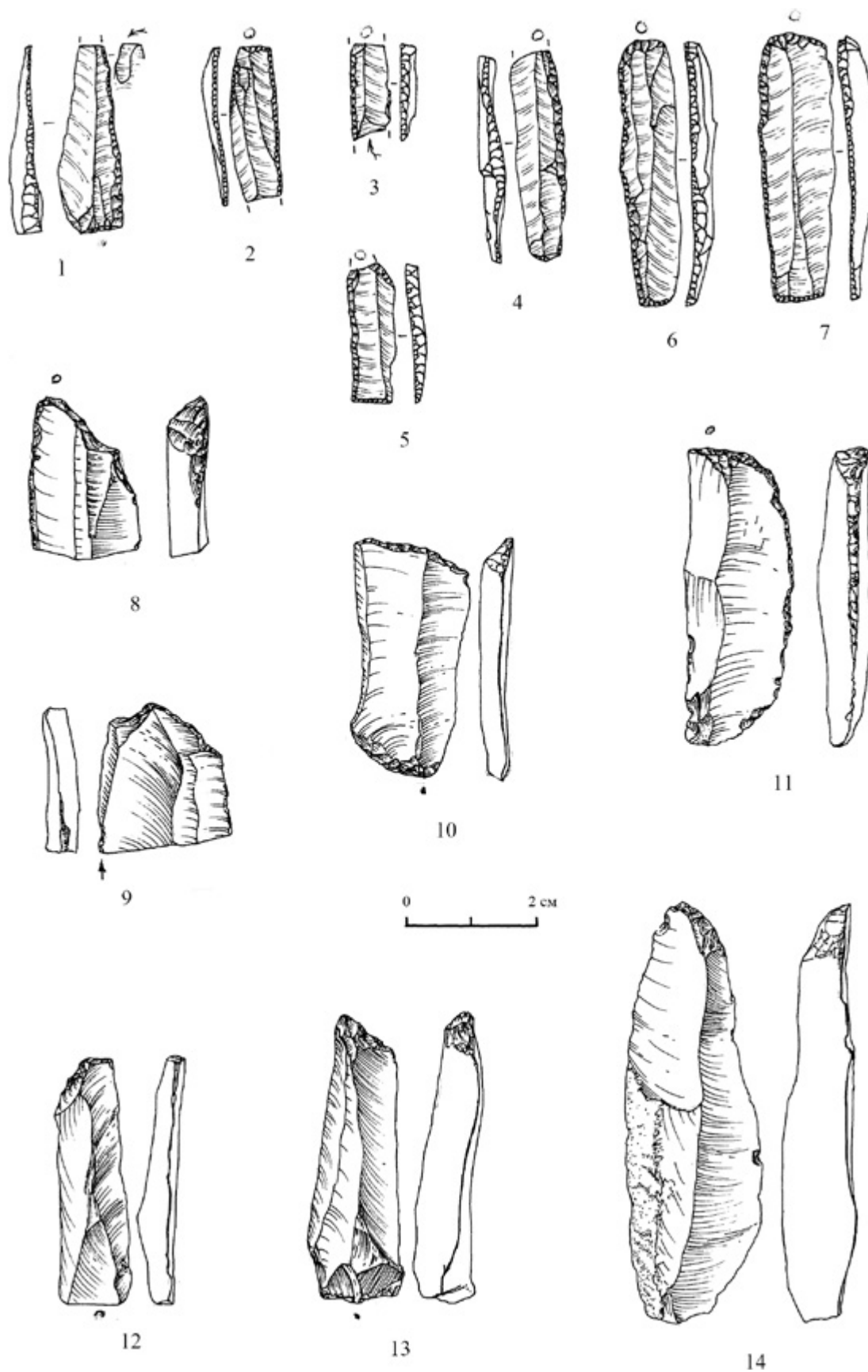

Рис. 11. Стоянка Бугорок. Кремневый инвентарь основного культурного горизонта.
 1–5 — пластина и пластинки с притупленным краем; 6,7 — прямоугольники; 8–14 — Пластины и пластинки с усеченным концом.

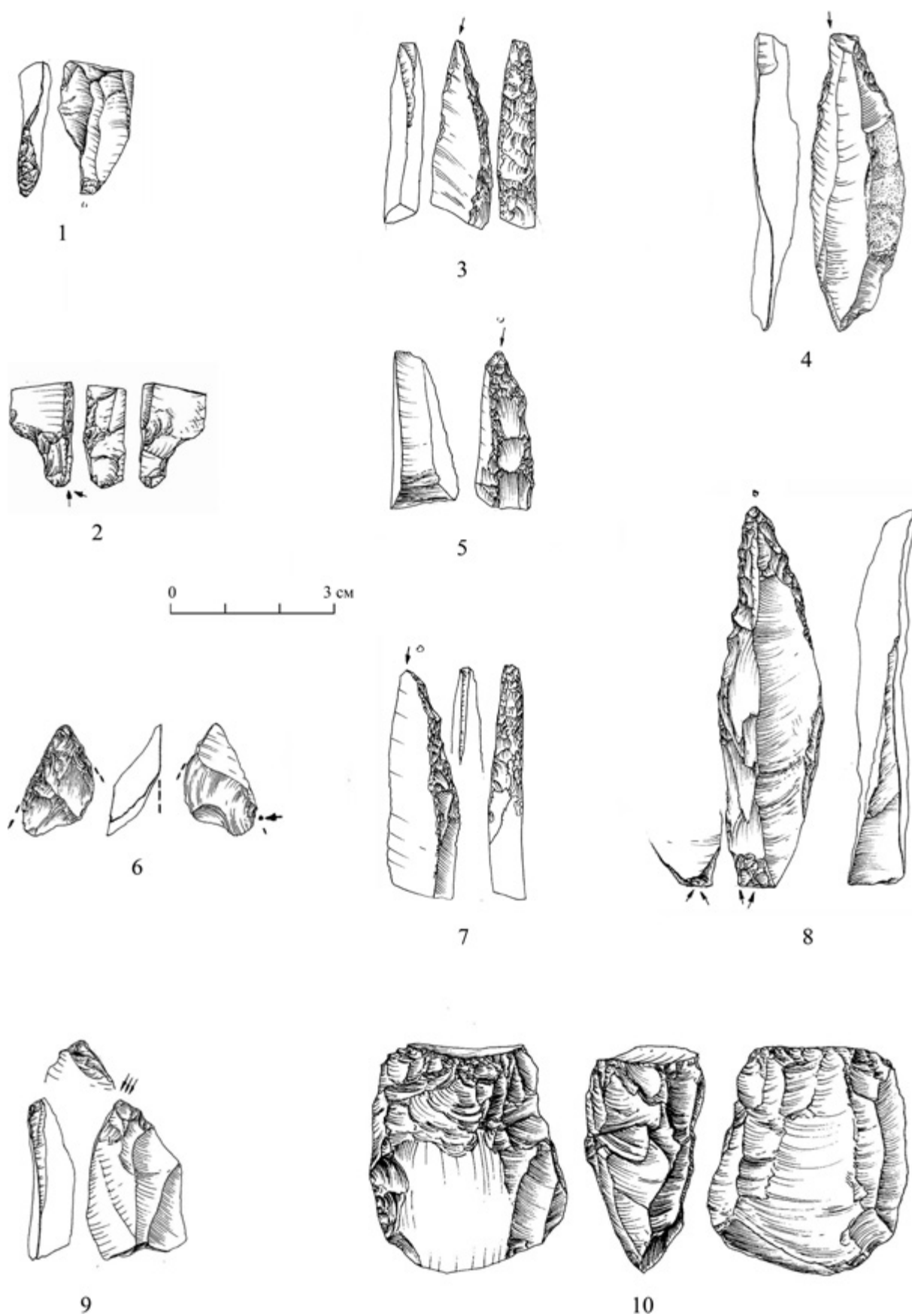

Рис. 12. Стоянка Бугорок. Кремневый инвентарь из основания культурного слоя.

1, 2 — фрагменты пластин с боковой выемкой; 3, 5, 7 — острия на пластинах, оформленные вертикальной встречной ретушью; 6, 9 — острия с широким жалом; 4, 8 — острия с высоким узким массивным жалом; 10 — подклиновидный нуклеус.

Юдиново (верхний слой), Юдиново (нижний слой) и Чулатов II (Рабочий ров).

Каменный инвентарь стоянки Бугорок из основного и нижнего культурных горизонтов демонстрирует ту же схожесть форм основных массовых групп орудий. Особенностью нижнего горизонта культурного слоя стоянки Бугорок является присутствие в его материалах нуклеусов клиновидной формы, а также целого ряда форм орудий, которые отсутствуют в верхнем культурном горизонте и одновременно не являются типичными для эпиграветтийских памятников Восточной Европы. Данные типы орудий происходят из разных раскопов и всегда представлены небольшими сериями (рис. 12.1–9). Это скошенные острия на пластинах с высоким, оформленным вертикальной встречной ретушью краем (рис. 12.3,5), острия с широким оформленным полукрутой ретушью жалом (рис. 12.6), острия-проколки с высоким узким массивным жалом (рис. 12.8), фрагменты пластин с боковой выемкой (рис. 12.1). По нашему мнению, находки подобных орудий в нижнем горизонте стоянки Бугорок не могут объясняться простой случайностью или смешанным характером культурного слоя. Основанием для данного утверждения служит не только их стратиграфическая приуроченность к основанию культурного слоя, но и аналогии, которые дает Юдиновская стоянка — один из памятников тимоновско-юдиновской группы, обнаруживающий наибо-

лее высокую степень сходства с каменной индустрией стоянки Бугорок. В материалах нижнего культурного слоя Юдиновской стоянки также представлена серия скошенных острий на пластинах с высоким, оформленным вертикальной встречной ретушью краем. Причем в Юдиново они происходят из объекта культурного слоя — со дна западины, заполненной костями мамонта, которая находилась к западу от «жилища» № 4. По костным образцам для этого объекта были получены радиоуглеродные датировки в районе 15 тыс. л.н. (Хлопачев, Грибченко 2012, с.142).

Итак, полученные естественно-научные и археологические данные позволяют сделать вывод о том, что в формировании культурного слоя стоянки Бугорок может быть прослежено два этапа. Первый соответствует нижнему, более раннему горизонту обитания этой стоянки и относится ко времени около 14,5–15 тыс. л.н., когда на территории Подесенья существовали «поселения-гиганты», подобные стоянке нижнего культурного слоя Юдиново. Второй этап связан с верхним, основным (имеющим хорошо выраженную структуру), горизонтом обитания, который приходится на аллередский период. В настоящее время стоянка Бугорок является наиболее близкой по времени к стоянке Юдиново (верхний слой) и, по-видимому, самой поздней из известных в настоящее время стоянок тимоновско-юдиновской культурной группы.

Литература

- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. — СПб., 1997. — Вып. 3.
- Беляева В.И., Моисеев В.Г., Хлопачев Г.А., Арсеньева Д.Ю. Некоторые приемы анализа археологических данных на примере исследования пушкаревских стоянок // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Серия «Исследования». — СПб, 2002. — Вып. 1. — С. 33–41.
- Борисковский П.И. Палеолит Украины. — М.; Л., 1953 (МИА. № 40).
- Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. — М., 1961.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Природные условия первичного расселения первобытного человека в перелазной зоне Восточной Европы // Развитие области многолетней мерзлоты и перелазной зоны Северной Евразии и условия расселения древнего человека. — М., 1996.
- Величко А.А. Лессово-почвенная формация Восточно-Европейской равнины. — М., 1997.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. — М., 1999. — С. 19–50.
- Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка Погон // КСИИМК. — М; Л., 1950. — Вып. XXXI. — С. 40–54.
- Воеводский М.В. Стоянка Бугорок // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. (Ученые записки Института антропологии МГУ). — М., 1952. — Вып. 158 — С. 87–99.
- Гаврилов К.Н. Кремневые комплексы стоянки Тимоновка I // Вестник Московского университета (Серия 8. История). — М., 1994. — № 3. — С. 63–76.
- Гвоздовер М.Д. Палеолитическая стоянка Бугорок // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра — М.; Л., 1947. — Вып. XV. — С. 92–97.
- Григорьев Г.П. Структура палеолита Десны // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке (Замятнинский сборник). — СПб, 2008. — Вып. 1. — С. 48–62.
- Григорьева Г.В. О резцах верхнепалеолитического поселения Юдиново // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке (Замятнинский сборник). — СПб, 2008. — Вып. 1. — С. 83–90.
- Грехова Л.В. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники деснинского бассейна // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. — М., 1971.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека тимоновских стоянок. — М., 1977.
- Нужный Д.Ю. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межіріч та їхнє місце серед епіграфічних комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України — К., 2012. — С. 57–81.
- Оленковский Н.П. Эпиграветт Восточной Европы. — Херсон, 2008.
- Саблин М.В. Фауна крупных млекопитающих центра Русской равнины в позднем плейстоцене, среднем голоцене // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. — СПб, 2002. — Вып. 1. — С. 213–217.
- Сапелко Т.В. Палинология позднепалеолитических памятников Десны // Археологический альманах. — К., 2014 — № 31. — С. 115–130.
- Хлопачев Г.А. Стоянки Погон и Бугорок (раскопки 1997–1999, 2001 гг.) // Пушкаревский сборник. — СПб, 2003. — Вып. 2. — С. 42–45.
- Хлопачев Г.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново: новые данные о возрасте и этапах заселения // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. Радловский сборник. — СПб, 2010. — С. 262–267.
- Хлопачев Г.А. Многослойная палеолитическая стоянка Пушари IX // Палеолит и мезолит Восточной Европы. — М., 2011. — С. 185–203.
- Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Сапелко Т.В. Палеолитическая стоянка Елисеевичи I: результаты полевых исследований 2010–2011 гг. // Научные исследования и музейные

проекты МАЭ РАН в 2012 г. Радловский сборник. — СПб, 2013. — С. 80–90.

Хлопачев Г.А., Кулькова М.А. Стоянка Бугорок (Пушкари IX): геологическая характеристика и возраст // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. Радловский сборник. — СПб, 2007. — С. 226–231.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. — К., 1965.

Nuzhnyy D. The epigravettian variability of the middle Dnieper river basin // Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомішль). — К., 2008. — С. 96–134.

KHLOPACHEV G.A.

ABSOLUTE AND RELATIVE AGE OF SITE BUGOROK: GEOLOGICAL, ENVIRONMENTAL AND ARCHAEOLOGICAL DATA

The Upper Paleolithic site Bugorok is one of the settlements of Pushkari group. Bugorok is located at the southern suburb of the village Pushkari (Novgorod-Siversky district, Chernigov Region, Ukraine), in the locality called Pogon – the large cape (more than 1 sq.km), of a low area of a watershed plateau. For a long time Bugorok remained the most poorly studied settlement of Timonovka-Yudinovo cultural group, and ideas of its age were based on archaeological correlations with materials from the Timonovka 2 site. Interdisciplinary field researches of Bugorok conducted by the author of the article in 1997-2009 allowed to clarify the question of relative and absolute age. Data on the geological stratigraphic, geochemical, palynological and the radio-carbon research, as well as data of technical and morphological analyses of the stone industry of Bugorok allowed to make a conclusion about two stages in the accumulation of the cultural deposits of Bugorok. The first stage corresponds to the bottom, earlier horizon of habitation and date to about 14,5-15 BP (14770±115, 14820±60). That time the “giant settlements” similar to the lower occupational layer of Yudinovo site were occupied in the Desna river basin. The second stage is associated with the upper, main (having well expressed structure) occupation level, which corresponds to the Allerød period (11060±140, 11500±400, 11700±250). Bugorok is the chronologically closest to Yudinovo, upper layer and, apparently, the latest manifestation of Timonovka-Yudinovo cultural group known now.

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫХ СТОЯНОК ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА БАСЕЙНА РЕКИ ДЕСНЫ (ХОТЫЛЕВО, ЕЛИСЕЕВИЧИ, ЮДИНОВО, ПУШКАРИ)¹

Работа посвящена специфике освоения палеоландшафтов бассейна Десны позднепалеолитическими сообществами людей.

Ключевые слова: Палеогеография палеолита, стратиграфия, культурный слой, геоморфология, геохронология.

Введение

В истории первичного расселения палеолитических сообществ в различных регионах Восточно-Европейской равнины отчетливо проявляется неоднородность хронологии и пространственного распределения стоянок. К настоящему времени в бассейне р. Десны известны и в разной степени изучены местонахождения среднего палеолита. Имеющиеся в настоящее время археологические и стратиграфические данные для памятников мустье (восточного микокса) позволяют связывать их возраст с началом позднего плейстоцена (Тарасов 1989; Заверняев 1972; Очередной 2008; Velichko 1988).

По сравнению с другими регионами Восточной Европы в бассейне Средней Десны к настоящему времени выявлены многочисленные крупные и долговременные стоянки позднего палеолита. Разновременные памятники и небольшие местонахождения распространены в долинах р. Десны и ее притоков — Судости и Сейма. Более трети наиболее значительных памятников позднего палеолита сконцентрированы в бассейне Десны.

Распространенные в бассейне Десны позднепалеолитические памятники связаны только со средней и поздней порой верхнего палеолита. Здесь пока не выявлено достаточно аргументированных признаков распространения местообитаний человека ранней поры верхнего палеолита (древнее 27–28 тыс. л.н.), представленных в других регионах — Костенки, Сунгирь, Заозерье, Гарчи 1 и др. Это позволяет предполагать, что в сложную эпоху относительного потепления средневалдайского мегаинтерстадиала природные условия бассейна Десны могли быть не достаточно благоприятны для обитания и миграций первобытных сообществ.

Только в начале последней ледниковой эпохи позднего валдая после большого перерыва (между средне- и позднепалеолитическим расселением) первобытные сообщества начинают активно осваивать бассейн Десны. Наиболее ранние памятники позднего палеолита (24–20 тыс. л.н.) размещены на водораздельных участках речных долин — Хотылево 2, Пушкари 1, Погон, Новгород-Северская (Величко 1961; Величко и др. 1999). К этой эпохе относятся крупные долговременные стоянки восточных территорий бассейна Сейма (Авдеево, Быки, Курская, Октябрьская и др.). Из этого следует, что прогрессирующее похолодание и формирование перигляциальных ландшафтов не препятствовали широкому расселению человека в центральных районах Восточной Европы.

Для стоянок поздней поры верхнего палеолита (после максимума последнего оледенения) характерно еще большее расширение ареалов традиционных местообитаний. В этот период расширяются возможности выбора удобных путей миграций и участков с благоприятными условиями размещения долговременных поселений в речных долинах. В результате этого крупные стоянки формировались как на водоразделах (Тимоновка, Бугорок, Чулатово 1), так и на низких надпойменных террасах — Елисеевичи, Супонево, Юдиново, Мезин и др. Позднепалеолитические сообщества активно осваивали территорию бассейна Десны в валдайскую ледниковую эпоху и в позднеледниковые. Культурные слои многих стоянок этого времени отличаются значительными мощностями, насыщенностью кремневыми орудиями, костями животных и костным углем. В пределах стояночных участков выявляются остатки крупных костно-земляных конструкций. Все это свидетельствует о достаточно продолжительном функционировании поселений и активной хозяйственной деятельности их обитателей.

¹ Работа выполнена в рамках проекта НАНУ №07-06-12 (У) – РФФИ №12-06-90400-Укр-а.

Многочисленные стоянки разного времени распространены в бассейне Десны к югу от г. Брянска. Наиболее значительными из них являются долговременные местообитания с признаками неоднократного заселения человеком. Они расположены на достаточно ограниченных обособленных территориях (стоянки Хотылево, Елисеевичи, Тимоновка, Юдиново, Пушкарки и др.). Большинство из них приурочено к различным геоморфологическим уровням долин Десны и ее правого притока р. Судости (рис. 1). Менее крупных и пока недостаточно изученных памятников позднего палеолита в бассейне Десны значительно больше. Многие из них весьма перспективны в плане дальнейшего комплексного изучения условий обитания и общих закономерностей первичного расселения позднепалеолитических сообществ в разные периоды позднего плейстоцена (Супонево, Елисеевичи 2, Курово, Чулатово, Мезин, Оболонья, Бужанка 2 и др.). К этому ряду можно отнести и Пушкаревские стоянки, исследования которых успешно продолжаются.

Рис. 1. Карта распространения основных стоянок позднего палеолита в бассейне р. Десны.

Стоянки Хотылево

Хотылевские палеолитические стоянки представляют собой группу памятников, расположенных в долине Десны в районе Брянска. Особенностью территории размещения хотылевских памятников является то, что здесь распространены местонахождения среднего пале-

олита — Хотылево I (мустье, восточный микок), которые свидетельствуют о ранних проникновениях первобытных сообществ в центральные районы равнины (Величко и др. 1997; Заверняев 1972; Тарасов 1989; Очередной 2008; Грибченко, Куренкова 2009). Имеющиеся в настоящее время немногочисленные палеогеографические данные дают возможность относить мустьерский этап первичного расселения человека в этом регионе к началу валдайской ледниковой эпохи. Главная проблема изучения среднепалеолитических памятников бассейна Десны заключается в отсутствии стоянок с ненарушенными культурными слоями. В большинстве случаев кремневый и костный материал переотложен, и его стратиграфические позиции фиксируют этапы разрушения первоначальных местообитаний. Данные изучения условий залегания археологического материала говорят о том, что мустьерские сообщества обитали в непосредственной близости к участкам вторичного залегания материала из культурных слоев.

Более изучены позднепалеолитические комплексы стоянки Хотылево 2 (Заверняев 1972; Величко и др. 1999; Гаврилов, Воскресенская 2012). Она расположена на водораздельном склоне долины Десны, на мысу, ограниченном береговым уступом реки и крупной балкой (рис. 2). Культурный слой представлен остатками сложных костно-земляных конструкций. В его основании залегают фрагментированные линзы и прослои мезинского почвенного комплекса и брянской почвы, подстилаемые меловыми породами мезозоя.

Культурный слой стоянки Хотылево 2 распространен на значительной площади и отличается сложной неоднородной структурой. Общая площадь памятника, вскрытая к настоящему времени археологическими раскопками, существенно превышает 550 кв. м (Гаврилов 2008). Мощность культурного слоя и его насыщенность находками (костным углем, костями и кремнем) не выдержаны по простиранию. Характер слоя суще-

ственно меняется по площади. Имеющиеся радиоуглеродные датировки, полученные с разных участков стоянки, составляют относительно небольшой хронологический диапазон от 21 до 24 тыс. л.н. (табл. 1). Для выделения этапов обитания этих датировок пока недостаточно, учитывая возможные лабораторные погрешности.

Таблица 1

Радиоуглеродные датировки культурного слоя Хотылево 2
(по: Гаврилов, 2008)

№ п/п	даты	Индекс	Материал
1	21 170 $\pm$ 260	ГИН-8497	Зуб мамонта
2	21 720 $\pm$ 170	ГИН-8495	Зуб мамонта
3	21 850 $\pm$ 170	ГИН-8886	Костный уголь
4	22 660 $\pm$ 170	ГИН-8496	Зуб мамонта
5	22 700 $\pm$ 200	ГИН-8406	Зуб мамонта
6	23 300 $\pm$ 300	ГИН-8497a	Зуб мамонта
7	24 220 $\pm$ 110	GrN-21899	Кость, фр.1
8	23 870 $\pm$ 160	GrN-22216	Кость, фр.11
9	23 660 $\pm$ 270	ЛУ-359	Кость
10	24 960 $\pm$ 400	ИГАН-73	Зуб мамонта

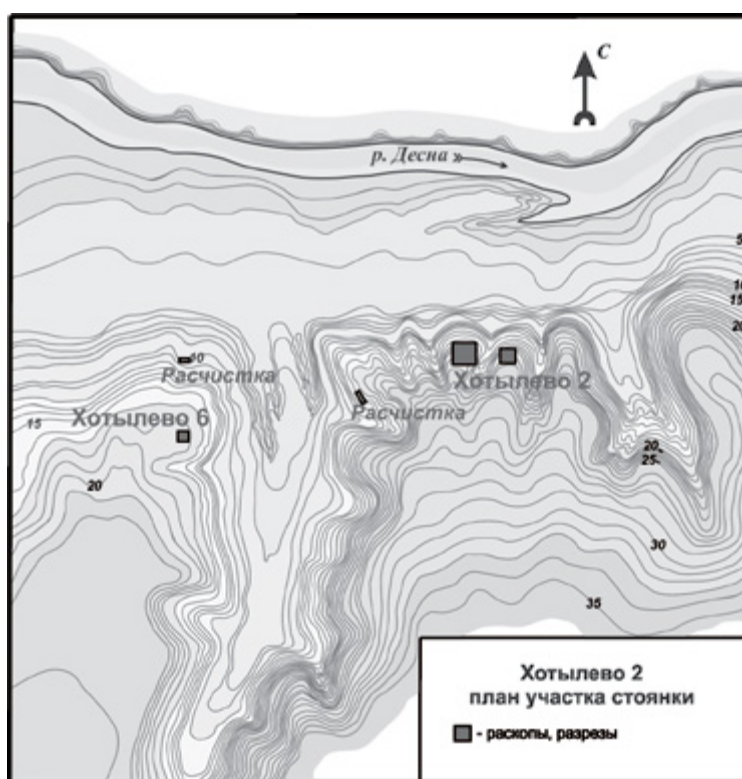

Рис. 2. План участка стоянки Хотылево 2.

Главной особенностью стоянки Хотылево 2 является строение и свойства отложений, перекрывающих культурный слой. Они представлены мощной толщей лессовых формаций, включающих горизонт слабо выраженного почвообразования. По простиранию почвенный уровень меняется от маломощного и слабо выраженного горизонта эфемерного почвообразования и оглеения (10–15 см) до более мощного и хорошо выраженного почвенного горизонта (рис. 3).

Вся перекрывающая лессовая толща мощностью до четырех метров и более разбита системой крупных полигонально-жильных

структур, верхние борта которых замыкаются на основание горизонта V_t современной почвы. Мощность мерзлотных клиньев достигает 3,5–4,0 м и их основания разрывают погребенный культурный слой с вертикальными смещениями вмещающих отложений по бортам. Заполнение криогенных псевдоморфоз происходило в финале активного лессонакопления.

Вверх по водораздельному склону мощности перекрывающих лессов постепенно увеличиваются до 5–6 м и более, а ближе к крупной балке снижаются до 2–1,5 м. При этом меняются структурные и литологические свойства лессовых пород, они становятся более слоистыми и неоднородными. Прибортовые участки балки представляют собой пологие участки III надпойменной террасы, сложенной

песчано-гравийными флювиогляциальными породами среднеплейстоценового (днепровского) оледенения. По правому борту балки были изучены разрезы, в которых отчетливо прослеживаются почвенные горизонты мезинского комплекса и брянской почвы, залегающие на песчано-гравийных отложениях.

На левом борту балки расположена стоянка Хотылево 6. На глубине 2,7 м от поверхности здесь залегает культурный слой, представленный уровнем распространения кремневых орудий (рис. 4). Кремь залегает в верхней части брянской ископаемой почвы совместно с отдельными включениями костного угля. Круп-

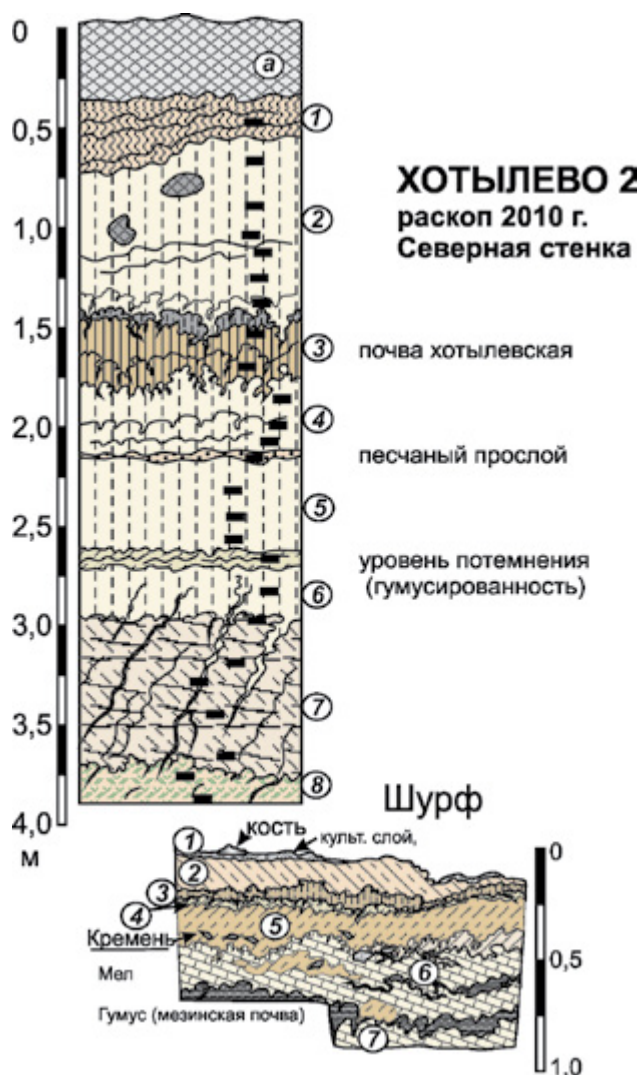

Рис. 3. Строение разреза в раскопе и шурфе 2010 года стоянки Хотылево 2.

ных скоплений костей здесь пока не обнаружено. Нижняя часть перекрывающего лесса слоистая, опесчаненная, с линзами песка. Мезинский почвенный комплекс представлен в данном разрезе только небольшими линзами гумусированного суглинка и фрагментами иллювиального песчаного горизонта. Ниже залегают флювиогляциальные пески с рассеянным гравием и галькой. Отложения слоистые с чередованием среднезернистого песка и супеси. Ниже пяти метров от поверхности разреза отмечаются линзы гравия и отдельные включения гальки, количество которых постепенно увеличивается с глубиной.

В культурном слое отмечаются отдельные включения и небольшие скопления кремня, в том числе обработанного. Признаков палеоповерхности обитания человека на участках раскопов пока не выявлено. По особенностям строения и составу отложений в пределах исследованных участков стоянки Хотылево 6 признаков активного проявления хозяйствен-

ной деятельности палеолитических обитателей пока не установлено.

В настоящее время в районе с. Хотылево прослежено и изучено несколько участков распространения культурных слоев позднего палеолита (Гаврилов 2008). Их соотношения с основным памятником Хотылево 2 пока остаются неясными. Возможные масштабы новых археологических объектов, а также хроностратиграфические позиции выявленных памятников (включая Хотылево 6) пока недостаточно ясны. Можно только предполагать, что территория района с. Хотылево активно осваивалась палеолитическими сообществами в разные периоды позднего плейстоцена начиная со среднего палеолита.

Главные особенности бассейна Десны, определяющие благоприятность обитания здесь палеолитических сообществ, заключаются в морфологических свойствах речных долин и в распространении здесь кремнесодержащих мезозойских пород. Структурные особенности речных долин Десны и ее притоков обеспечивали возможности обитания и миграций здесь человека в различные периоды позднего плейстоцена, включая сложный интервал последней ледниковой эпохи.

Стоянки Елисеевичи и Юдиново в долине р. Судости

Стоянка Елисеевичи расположена в 30–35 км от верховьев Судости. Ниже п. Жирятино Судость формирует хорошо выраженную долину. Структура участка долины, к которой приурочена стоянка, имеет отчетливо выраженные черты асимметрии (Величко и др. 1997). Левый пологий склон постепенно поднимается к водоразделу Десны — Судости. Отчетливо прослеживаются низкие террасы II (боровые) и I надпойменная терраса. Морфологическая выраженность более высоких геоморфологических уровней менее четкая. Переходы к ним сnivelированы перекрывающими лессовыми покровами финала позднего плейстоцена.

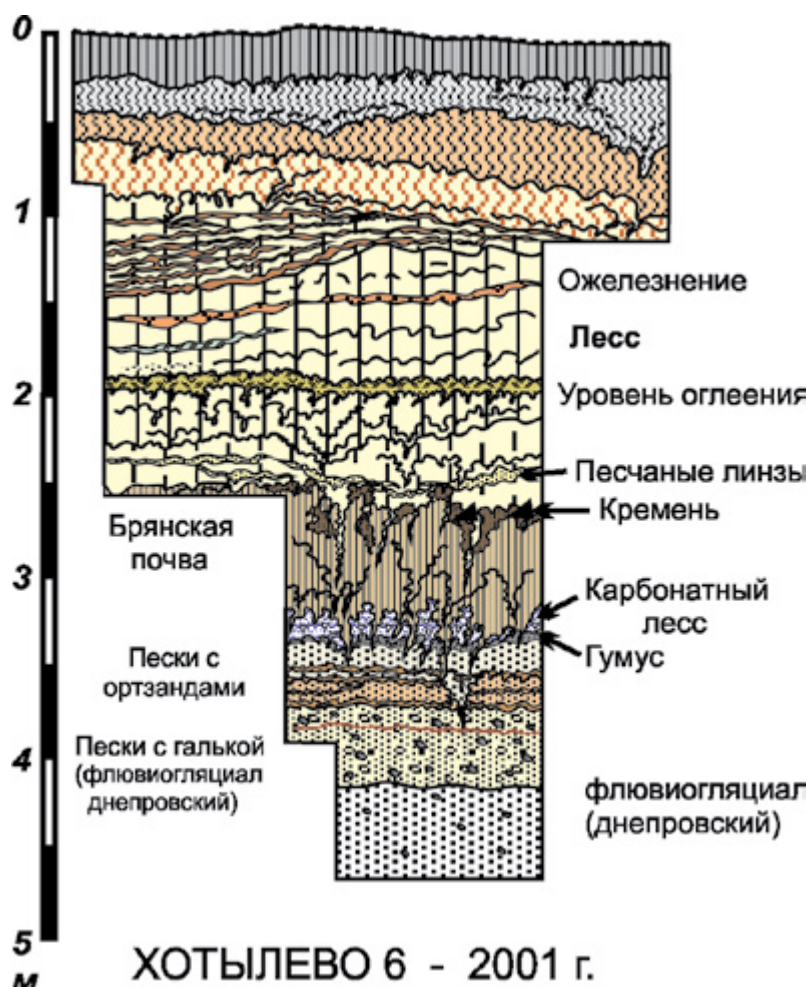

Рис. 4. Строение разреза вмещающих отложений в раскопе 2001 года стоянки Хотылево 6.

В районе стоянки правый борт долины, как правило, более крутой (но не обрывистый) и задернованный. Перепад высот между урезом реки и водоразделом не превышает 30-35 м. Три надпойменные террасы сохранились в виде узких сегментов, не имеющих сплошного распространения вдоль долины (Величко 1961; Величко и др. 1997). В верхней части участка долины, в районе стоянки Елисеевичи, отмечаются фрагменты III надпойменной террасы, к которым причленяется пойма. Ниже по течению преобладающим геоморфологическим уровнем становится I надпойменная терраса. В устьевых частях крупных балок, выходящих в долину Судости, прослеживаются узкие фрагменты участков II надпойменной террасы. Подобным, но более широким образованием, является стояночный участок расположения палеолитического памятника Елисеевичи.

В долине Судости прослеживается чередование участков расширений (до 1 км) и сужений (до 150-200 м) заболоченной поймы. Рас-

ширениями и сужениями отличается и I надпойменная терраса. Характерной чертой строения рельефа правобережья Судости является распространение крупных балочных систем. Основные балки следуют с интервалом 2-4 км и уходят вглубь водораздела на 4-5 км, а иногда и до 8 км, осложняясь несколькими боковыми отвершками. В приустьевых частях они часто врезаются до уровня поймы.

Судя по тому, что в зонах сочленения балок с бортами долины прослеживаются связи и переходы между речными и балочными террасами, можно полагать, что эти формы существовали на протяжении длительного времени. Можно считать, что они сформировались тогда же, когда заложились и сама речная сеть в данном районе. В непосредственной близости к стоянке, где русло реки прижимается к правому борту долины, склон прорезан небольшими оврагами. Один из них — Елисеевичский овраг — непосредственно связан со стоянкой и ограничивает ее участок с юга.

Стоянка расположена в пределах хорошо выраженного, но небольшого по размерам мыса, ограниченного с востока правым бортом долины Судости. Борт мыса со стороны Судости крутой, порядка 60-70°, а в верхней части отвесный. Со стороны балки мыс имеет отчетливые очертания. Сама балка, хотя и небольшая по протяженности (около 250-300 м), но в своей средней и нижней части имеет вид достаточно зрелой эрозионной формы. В приустьевой части глубина вреза балки составляет 9-10 м, а ширина между верхними бровками — около 70-80 м. Днище узкое (1-3 м) с тальвегом.

Культурный слой стоянки приурочен к верхней пачке толщи, слагающей стояночный террасовый уровень (рис. 5). Эта пачка перекрывает аллювиальную толщу террасы и представлена лессовыми субэразально-делювиальными отложениями, плащеобразно залегающими как на стояночной террасе, так и на более высоких геоморфологических уровнях.

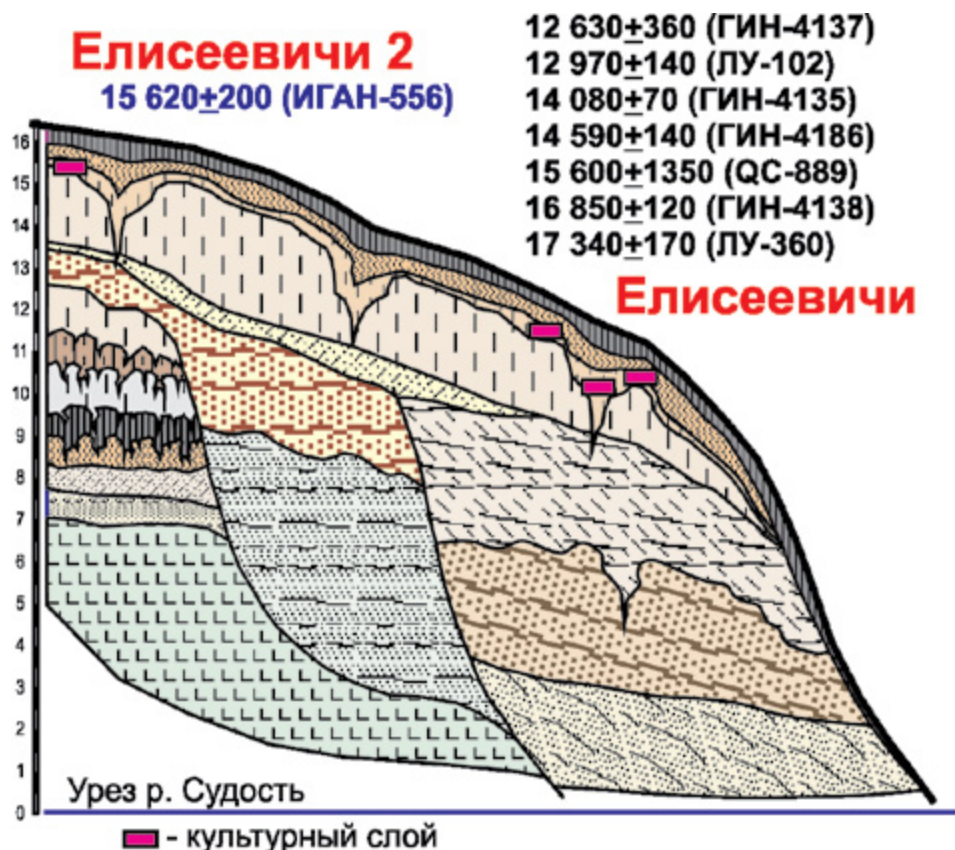

Рис. 5. Буровой профиль на участке стоянки Елисеевичи.

Переход от поверхности стояночной террасы к более высокому геоморфологическому уровню постепенный, выположенный процессами аккумуляции лессовых эолово-делювиальных отложений, слагающих верхнюю часть позднелепесточеновой толщи. Культурные находки основного слоя стоянки расположены несколько выше слабо выраженного уровня гумусированности, представляющего собой маломощную эфемерно-развитую ископаемую почву.

Культурный слой стоянки Елисеевичи имеет сложное строение и прерывистое распространение. Первичное залегание горизонта, содержащего культурные находки памятника (кремнь, костные конструкции, зольники) частично нарушено в начале его погребения процессами эоловой аккумуляции лессов, палеокриогенными процессами (Величко и др. 1997). Об этом свидетельствует широкое распространение на стояночном участке системы крупных полигонально-жильных структур, которые часто разрывают культурный слой. В заполнении мерзлотных клиньев (особенно в замках структур) крупные кости мамонта и бивни опускаются вниз на значительные глубины (до 1,5-2,0 м) от уровня их первичного положения в культурном слое.

Значительные скопления крупных костей животных, бивней, кремня и костного угля на стоянке чередуются с местами распростране-

ния отдельных находок. Такие участки концентрации находок (скопления) часто залегают в пологих (блюдеобразных) искусственных углублениях небольшой глубины в центральной части. Очевидно, что возможности большего углубления земляных конструкций на стояночном участке были ограничены существованием здесь достаточно мощной многолетней мерзлоты в период функционирования стоянки.

Начало деградации мерзлоты совпадало с периодом активизации процессов эоловой аккумуляции и седиментации лессовых отложений, перекрывающих культурный слой памятника. Судя по радиоуглеродным датировкам культурного слоя, начало его погребения активизировалось после 12 тыс. л.н. и совпадало с началом деградации многолетней мерзлоты (табл. 2). Изменения природных условий в районе стоянки, судя по всему, привели к дестабилизации поверхности обитания человека на данном участке, что привело к необходимости оставить данную территорию палеолитическим сообществам. Сходные радиоуглеродные датировки наиболее поздних периодов функционирования палеолитических стоянок имеются и для некоторых других поздних памятников бассейна Десны (Юдиново, Тимоновка, Супонево, Бугорок и др.).

Таблица 2

Радиоуглеродные датировки культурного слоя стоянки Елисеевичи
(по: Величко и др., 1997)

№ п/п	даты	Индекс	Материал
Елис. I	12 630 $\pm$ 360	ГИН-4137	Зуб мамонта
1	12 970 $\pm$ 140	ЛУ-102	Костный уголь
2	14 080 $\pm$ 70	ГИН4135	Костный уголь
3	14 100 $\pm$ 400	ГИН4139	Зуб мамонта
4	14 240 $\pm$ 120	ГИН5475	Костный уголь
5	14 470 $\pm$ 100	ЛУ126	Зуб мамонта
6	14 590 $\pm$ 140	ГИН4186	Зуб мамонта
7	16 850 $\pm$ 120	ГИН4138	Зуб мамонта
8	17 340 $\pm$ 170	ЛУ360	Зуб мамонта
9	15 600 $\pm$ 1350	QC889	Костный уголь
Елис. II	15 620 $\pm$ 200	ИГАН-556	Зуб мамонта

Результаты комплексного археолого-палео-географического анализа данных изучения стоянок Елисеевичи дали возможность для оценки особенностей их функционирования (Величко и др. 1997). Продолжение исследований памятника, начатое Г.А. Хлопачевым в 2010 г. с новыми подходами, дало возможность для переоценки сложившихся ранее представлений о характере памятника. Продолжение изучения Елисеевичей позволит не только детализировать имеющиеся данные по условиям функционирования поселения, но и определить новые подходы к реконструкции этапности обитания здесь человека в связи с изменениями природной среды. Особый интерес в дальнейшем изучении памятника имеет продолжение работ на участке стоянки Елисеевичи II, которая ранее исследовалась на небольшой площади. Здесь важно определить масштабы памятника, его структуру, степень обособленности и время функционирования.

Стоянка Юдиново к настоящему времени изучена на достаточно большой площади многочисленными раскопами. Памятник находится в долине р. Судости ниже по течению и на 60 км южнее Елисеевичей. Стоянка Юдиново расположена на правобережье долины р. Судости, правого притока Средней Десны. Памятник связан с низким геоморфологическим уровнем I надпойменной террасы (Величко 1961; Величко и др. 1996; 1999).

Стояночный участок представляет собой небольшой пологий мыс, ограниченный с востока береговым уступом Судости (рис. 6). К водоразделу осевая зона мыса полого повышается. В современном рельефе структура мыса слабо выражена. С юго-запада он ограничен

широким понижением с пологими бортами, устьевая часть которого выходит на сниженную поверхность террасы. В этом балочном понижении выделяются крупные блюдцеобразные замкнутые западины. На северо-востоке поверхность мыса постепенно понижается к небольшой балочной ложбине незначительной глубины с пологими бортами, слабо выраженной в современном рельефе. Он ограничен пологими понижениями и береговым уступом реки. Относительные высоты стояночного мыса 8-10 м над урезом реки. Высота берегового уступа около 4-5 м. Поверхность участка постепенно поднимается до 12 м и плавно переходит в пологий склон более высокого геоморфологического уровня. Судя по относительным высотам и строению отложений стояночного мыса, он относится к обособленному участку I надпойменной террасе Судости, верхняя часть которого перекрыта лессовыми отложениями конца позднего плейстоцена. Со стороны реки стояночный уровень постепенно переходит к более позднему (сниженному) уровню первой террасы (рис. 6).

В строении многочисленных разрезов раскопов, шурфов и буровых скважин прослеживаются определенные закономерности строения позднеплейстоценовых отложений, вмещающих культурные слои. Литолого-фациальные различия распространенных здесь формаций, слоев и горизонтов, подстилающих и перекрывающих культурные слои Юдиново, дают возможность для выделения трех основных генетических комплексов (Величко и др. 1999). Каждый из них включает серии слоев с различными литологическими и морфологическими свойствами. При всем разнообразии и многочисленности разновременных горизон-

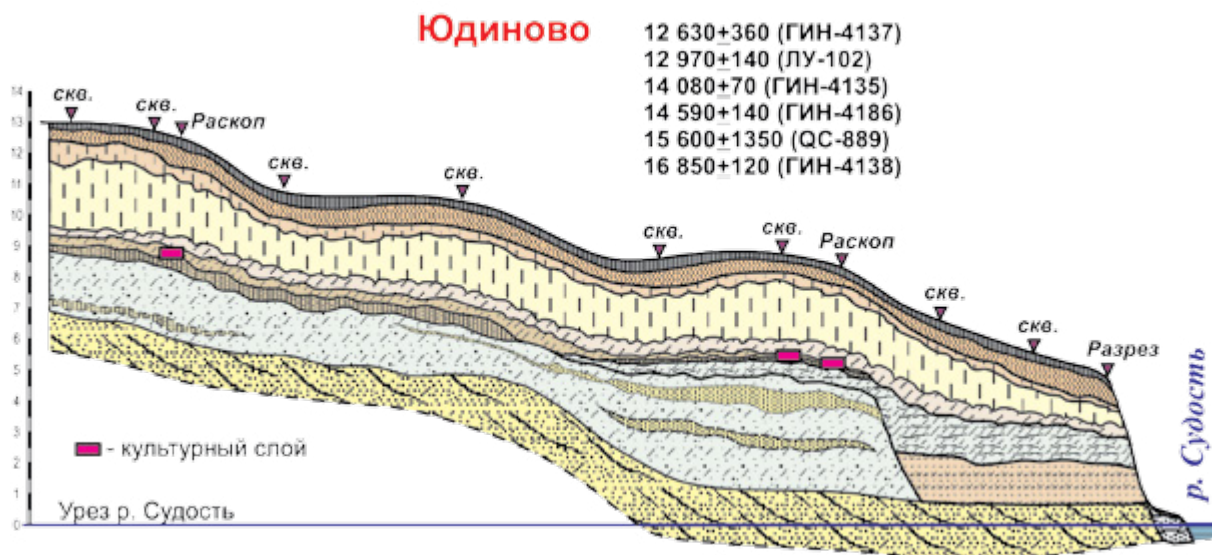

Рис. 6. Буровой профиль на участке стоянки Юдиново.

тов все они имеют достаточно близкие свойства. Это связано с тем, что основным первичным источником обломочного материала, формировавшего отложения стояночной террасы, были отложения гляциальных и перигляциальных формаций, широко распространенных в бассейне Десны. Различия литолого-фациальных свойств отдельных слоев и комплексов определялись условиями транспортировки, перераспределения, сортировки и аккумуляции песчаного, алевритового и глинистого материала. Немаловажную роль играли и процессы последующего диагенеза, особенно на уровне залегания культурных слоев.

Нижний комплекс представляет собой песчаные отложения аллювиального генезиса, включающие различные фации — русловые и пойменные. Судя по гранулометрическим характеристикам этой слоистой толщи, ее формирование происходило в достаточно спокойных и стабильных условиях седиментации. Источником обломочного материала являлись отложения более древних террас. Песчаные фации представлены преимущественно среднезернистыми, пылеватыми или глинистыми песками. Слоистость отложений аллювиального комплекса определяется чередованием сортированных песков (с низкими содержаниями алеврита и глин) с супесями и слабоглинистыми песчаными отложениями. Русловые фации наиболее крупнозернистые, более сортированные и косослоистые.

Строение отложений всех генетических комплексов в центральной части стояночного мыса представлено в разрезах шурфа 2010 г. и скважине 1-2010. Шурф заложен на расстоянии около 40 м к югу от раскопа в сторону реки

на основной стояночной поверхности, которая далее постепенно понижается. В разрезе представлена сложная лессовая толща, верхняя часть которой (1,25 м) переработана почвенными процессами голоценового почвообразования. В основании лесса прослеживаются уровни культурных слоев. Наиболее выражен верхний опесчаненный горизонт, с которым связаны находки костей, кремня и костного угля. В его основании прослеживаются уровни почвообразования и оглеения. Возможности определения их соотношений с культурными слоями ограничены размерами шурфа и сложной структурой сбросовых деформаций на уровне находок. Плоскости сбросов ориентированы в сторону блюдцеобразного понижения, расположенного к западу от стояночного участка. На уровне культурных находок признаков размыва отложений и переотложения культурных находок не отмечается.

На участке стоянки в разные годы изучены разрезы нескольких раскопов (рис. 7). Для них характерны определенные общие черты строения вмещающих отложений, подстилающих и перекрывающих культурные слои. Признаки некоторой пространственной изменчивости структуры и свойств отложений, непосредственно сопряженных с культурными слоями, были зафиксированы в раскопе 3.А. Абрамовой 1981-1984 гг. Их сложность определялась значительной мощностью отложений, включающих скопления крупных костей мамонта, представляющих остатки жилища (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева 1997; Абрамова и др. 1997; Величко и др. 1996; 1999). В восточной части разреза, за пределами костных конструкций, основной культурный слой имел не-

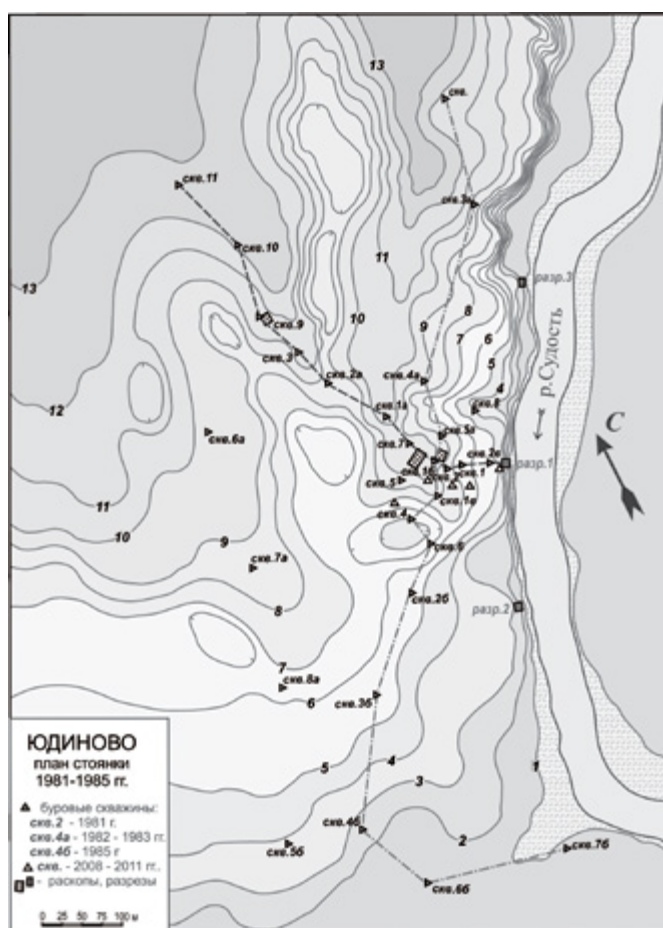

Рис. 7. Топографический план участка стоянки Юдиново.

значительную мощность. Здесь проявлялись некоторые отличия структуры и свойств подстилающих его отложений. На участке квадратов 49, 48-Е, Ж был заложен шурф ниже уровня культурного слоя. Здесь были получены первые результаты литологических и спорово-пыльцевых анализов (Величко и др. 1996; 1999; Борисова и др. 1996).

Особый интерес представляет характер песчаного слоя 9, содержащего культурные находки — костные и кремневые. Литологические свойства этого горизонта не выдержаны по простиранию. Это связано с изменениями соотношений песчаных и алевритово-глинистых фракций. На отдельных участках его материал представлен пылеватыми песками, тогда как на других он переходит в супеси, в разной степени опесчаненные. Ранее предполагалось, что зафиксированные свойства слоя 9 (в частности, наличие в нем костей и кремня) свидетельствуют о том, что его формирование, возможно, совпало с процессом захоронения основного культурного слоя. В этом случае находки могли быть вторично переотложены в нем из нижележащих отложений. Однако последующие исследования памятника Г.А. Хло-

пачевым выявили более широкое распространение песчаного горизонта и его особенности (Хлопачев, Грибченко 2012).

Особый интерес вызывает наличие на участке раскопов 1980-1985 гг. системы параллельно расположенных микросбросов, по которым прослеживаются вертикальные смещения культурного слоя. Эти разрывные нарушения связаны с блоковыми просадками пород основания, определявшимися вытаиванием неравномерно-льdistых пород в период деградации многолетней мерзлоты. Они направлены к расположенному вблизи стоянки блюдцеобразному понижению термокарстовой западины. В зонах сбросовых структур отмечались разорванные кости, что свидетельствует о том, что эти смещения произошли уже после захоронения культурного слоя и поверхности обитания на стоянке.

Имеющиеся радиоуглеродные датировки дают возможность для обоснования цикличности функционирования поселения (табл. 3). Полученные в последние годы Г.А. Хлопачевым новые датировки верхнего (песчаного) культурного слоя, подтверждают его хронологическую обособленность. Проведенные археолого-палеогеографические исследования на других участках памятника, дали возможность Г.А. Хлопачеву обосновать не только возраст и масштабы распространения верхнего слоя, но и проанализировать его археологические особенности (Хлопачев и др. 2012).

К моменту появления человека поверхность стояночного участка достаточно стабилизировалась и практически не подвергалась воздействиям водных потоков, о чем говорит четко выраженная однородность отложений, непосредственно подстилающих горизонт с культурными находками. Строение подстилающей толщи, залегающей непосредственно в основании жилища, хорошо фиксируется профилем южной стенки в основании культурного слоя (рис. 8). Вскрытые здесь отложения мощностью 2,75 м отличаются определенной сложностью. Цикличность осадконакопления проявляется в слабо выраженной и скрытой слоистости, а также в виде маломощных уровней потемнения, возможно, отвечающих циклам эфемерного почвообразования. Это подтвердилось и изучением более поздних шурфов и скважин на других участках памятника.

Таблица 3

Радиоуглеродные датировки культурного слоя Юдиново
(по: Величко и др. 1999)

№ п/п	даты	Индекс	Материал
1	12 300 ± 200	ОхА-696	Костный уголь
2	13 300 ± 200	ОхА-695	Костный уголь
3	13 650 ± 200	ЛУ-153	Кость
4	13 720 ± 210	ЛЕ-3303	Кость
5	13 830 ± 850	ЛУ-103	Костный уголь
6	13 980 ± 110	ISGS-2085	Кость
7	14 300 ± 110	ISGS-2084	Кость
8	14 470 ± 160	АА-4801	Костный уголь
9	14 500 ± 200	ГИН-5588	Костный уголь
10	14 610 ± 60	ГИН-5661	Костный уголь
11	14 650 ± 105	АА-4802	Костный уголь
12	15 660 ± 180	ЛУ-127	Кость
13	15 790 ± 320	ЛЕ-3301	Кость
14	17 800 ± 810	ЛЕ-3302	Костный уголь
15	18 630 ± 320	ЛЕ-3401	Костный уголь

Верхний культурный слой у западной стенки раскопа 2008 г. представлен тонким прослоем опесчаненных супесей и отличается по структуре от сложного комплекса горизонтов, прослоев и линз, зафиксированных ранее. Различного рода деформации отложений, вмещающих культурные слои, в разной степени меняли условия их залегания. В разрезах многочисленных шурфов, раскопов и траншей отчетливо проявляются сложные структурные деформации. Это говорит не только о сложности строения отложений, но и о необходимости детального литолого-фациального анализа от-

дельных горизонтов, прослоев, линз и т.д. для выявления общих и локальных факторов их формирования. Это фиксируется и во многих разрезах раскопов 2008-2013 гг. Сложность непосредственных литолого-фациальных и микростратиграфических сопоставлений отдельных разрезов, изученных даже в непосредственной близости друг от друга, связана в первую очередь с тем, что источником формирования всего комплекса позднеплейстоценовых отложений были одни и те же источники алевритового и мелкопесчаного обломочного материала.

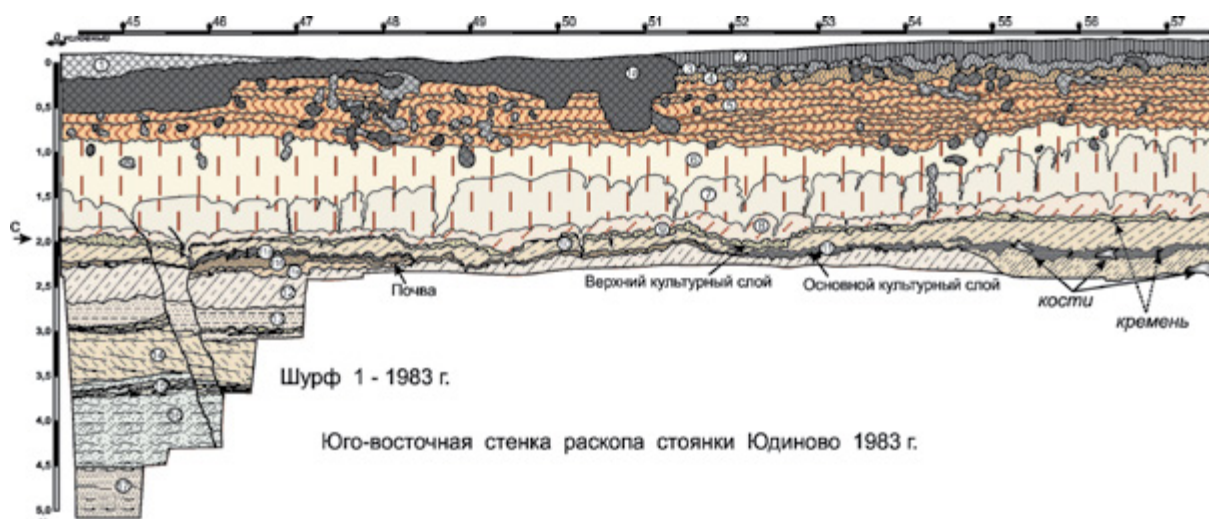

Рис. 8. Стоянка Юдиново.

Строение вмещающих отложений в южной стенке и в шурфе раскопа 1983 года.

Пушкаревская группа памятников

Пушкаревские позднепалеолитические стоянки выделяются цикличностью обитания здесь различных первобытных сообществ, а также ограниченностью территории их размещения. Они расположены в долине р. Десны, в районе г. Новгород-Северского, на окраине с. Пушкари, на территории Украины. Стоянки были открыты археологом М.Я. Рудинским в начале 1930-х годов (Рудинский 1947). Группа из 10-11 местонахождений была расположена на склоне плато правого высокого берега р. Десны. Все стоянки имели разную степень сохранности. Широкомасштабные раскопки проводились только на трех из них — Пушкари I, Погон и Бугорок. Стояночный участок площадью около 0,25 км² составляет часть Пушкаревского мыса.

Изученные здесь многочисленные археологические памятники связаны с крупным мысом, образованным долиной р. Десны и широкой древней балкой Мосолов Ров. Многочисленные стоянки и местонахождения кремневых орудий (Пушкари I (участки (раскопы) V-VII), Погон, Бугорок и др.) изучались в разное время М.Я. Рудинским (1947), П.И. Борисовским (1953), М.В. Воеводским (1952), М.Д. Гвоздовер (1947), А.А. Величко (1961), В.И. Беляевой (2002). В последние годы активные раскопки и исследования стоянок Погон и Бугорок проводились Г.А. Хлопачевым. Все эти стоянки относятся к разным хронологическим этапам позднего палеолита — от 24 000 до 11 000 л.н. В последние годы на Пушкаревском участке было открыто местонахождение мустьерских кремневых орудий. Это говорит о том, что в период самого раннего проникновения первобытных сообществ среднего палеолита по долине Десны в Центральные районы Восточной Европы район Пушкарей был достаточно благоприятен для обитания человека.

Стояночный участок Пушкарей связан с высоким водораздельным уровнем крупного мыса, выходящим в широкую долину Десны. Сниженный участок мыса представляет собой высокую эрозионную террасу, перекрытую делювиальными и песчаными отложениями. В основании водораздельного и террасового уровней залегают мезозойские меловые породы, содержащие многочисленные включения кремневых конкреций и жильного плитчатого кремня, которые использовались палеолитическим человеком для производства орудий. Крупная балка Мосолов Ров, ограничивающая Пушкаревский мыс с юга, сформировалась в конце среднего плейстоцена талыми леднико-

выми водами последней стадии днепровского оледенения. Склоны балки и ее южный борт сложены песчаными водноледниковыми формациями. Формирование широкой переуглубленной долины Десны, как и эрозионного рельефа ее правого борта, также связаны с динамическими особенностями и экзарационной деятельностью ледниковых потоков (Горецкий 1970; Грибченко 1994). Последующая аккумуляция мощных толщ отложений ледниково-приледниковых комплексов в речных долинах и крупных балках и формирование третьей надпойменной террасы (флювиогляциальной) существенно сnivelировала крупные формы эрозионного палеорельефа. Литолого-фациальные особенности и разнообразие гляциальных отложений определили сложную мозаичность и неоднородность рельефа и ландшафтов. В результате этого структурная основа долин бассейна Средней Десны и ее притоков была заложена к началу позднего плейстоцена.

Сложившиеся здесь сочетания речных обширных долин с выположенными широкими террасами и сложной эрозионно-балочной сетью обеспечивали здесь возможности миграций и обитания мустьерских первобытных сообществ в начале раннего валдая. Судя по имеющимся к настоящему времени немногочисленным археолого-палеогеографическим данным, наиболее благоприятными для размещения стоянок были участки третьей надпойменной террасы (Величко и др. 1999; Грибченко, Куренкова 2009).

В последующую эпоху позднего палеолита возможности использования этих неоднородных, преимущественно песчаных геоморфологических уровней для размещения долговременных местообитаний были ограничены. Это было связано с характером и интенсивностью седиментации, эрозионных и рельефообразующих процессов. Только некоторые локальные участки данных геоморфологических уровней выделялись особыми условиями эволюции в позднем плейстоцене. Именно они могли использоваться наиболее ранними первобытными сообществами верхнего палеолита. С такими территориями связаны некоторые наиболее ранние стоянки Восточной Европы (Хотылево 1, 6, Сунгирь, Заозерье и Гарчи 1).

В районе Пушкарей не исключено существование позднепалеолитических местообитаний на некоторых участках на уровне третьей террасы. В юго-западной части стояночного мыса исследовались местонахождения Пушкари II (Аникеев Ров) и Пушкари III (Сосницкий Ров), которые могут быть наиболее

ранними среди Пушкаревских памятников (Громов 1948; Величко 1961). Они значительно разрушены оврагами и делювиальными процессами, но, судя по условиям их размещения, могли быть древнее Пушкарей 1 и Погона и связаны с высокой террасой Десны внутри крупной балки.

Сложная разнородность и локализация отдельных участков по характеру и активности разновременных природных процессов проявляются в долине Десны не только для разных геоморфологических ситуаций. Существенные различия в строении позднеплейстоценовых лессово-почвенных формаций видны даже в пределах сравнительно небольшого участка Пушкаревского мыса, на котором размещены основные стоянки. Этот участок занимает только самую высокую часть мыса с относительными высотами от 40 до 46 м над урезом реки (рис. 9). Позднепалеолитические стоянки расположены здесь в северной и центральной частях. В современном рельефе гипсометрические различия между участками размещения стоянок Пушкарки 1, Погон и Бугорок составляют около трех метров. Поверхность расположения Погона наиболее высокая (46,5 м над урезом), однако культурный слой залегает здесь под пятиметровой толщей лессов (на высоте 41–42 м над урезом). Культурные слои Пушкарей 1 залегают на высоте около 42–43 м, т.е. несколько выше. Таким образом, в периоды обитания здесь человека палеоповерхность была более выровненной, однородной и стабильной.

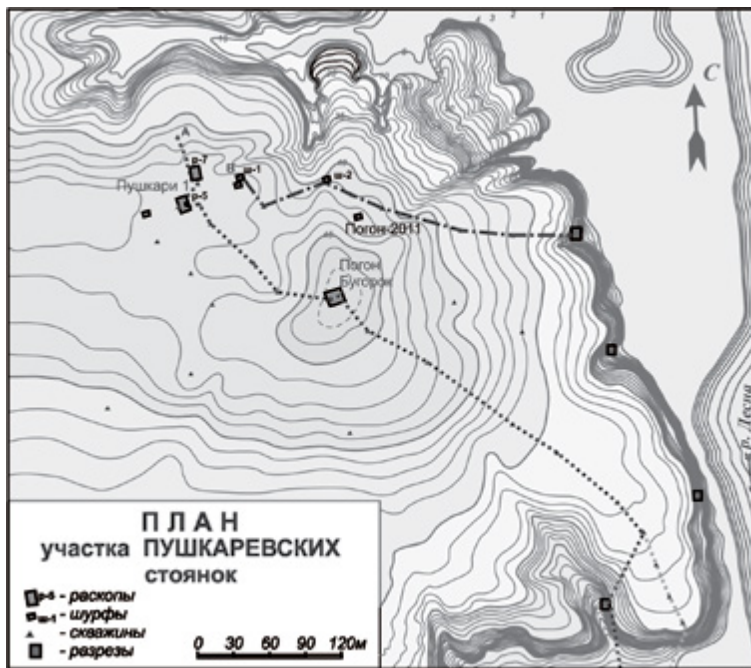

Рис. 9. План Пушкаревского мыса в долине р. Десны

Характерной особенностью условий залегания и стратиграфического положения культурных слоев этих памятников являются различия состава и мощности вмещающих отложений, представленных горизонтами позднеплейстоценовых лессов и ископаемых почв, опесчаненных супесей и песков (Величко 1961; Величко и др. 1999). Судя по литолого-фациальным свойствам позднеплейстоценовых отложений, их аккумуляция в значительной мере была связана с перераспределением пылеватого материала из подстилающих формаций гляциального комплекса.

Ниже культурных слоев повсеместно распространена хорошо выраженная брянская ископаемая почва, возраст которой определяется ^{14}C датировками и составляет хронологический интервал от 30 до 23 тыс. л.н. (Величко, Морозова 1972). Повсеместное и выдержанное распространение брянской почвы в центральной части мыса говорит о том, что к моменту заселения участка древними охотниками его поверхность была уже достаточно стабильна. Морфологические и структурные особенности этой почвы, деформированной мерзлотными структурами владимирского палеокриогенного горизонта, свидетельствуют о том, что их формирование происходило в условиях широкого распространения многолетней мерзлоты, в начале экстремально суровой эпохи последнего оледенения (Величко 1973). Из этого следует, что появление здесь первобытных сообществ и заселение территории происходило в достаточно суровых перигляциальных условиях, что подтверждается палинологическими данными.

Хронологические данные, полученные для культурных слоев стоянок Пушкарки 1, Погон и Бугорок отличаются небольшим расхождением (табл. 4). Причины незначительного разброса датировок (по сравнению со многими другими памятниками) могут быть различны. Учитывая то, что датировался костный материал и уголь, отобранный из культурных слоев с различных участков стоянок, нельзя исключать, что даты характеризуют разные этапы функционирования местообитаний. Между тем следует учитывать неизбежные погрешности метода в условиях плохой сохранности костного материала. Кроме того, изучение фауны Пушкарки 1 предполагает возможность того, что кости и бивни мамонта собирались обитателями и приносились на стоянку в качестве сырья (Саблин 1997).

Таблица 4

Радиоуглеродные датировки культурных слоев Пушкаревских стоянок
(Грибченко, Куренкова, Беляева 2011)

Пушкари I Раскоп II	16 775±605	QC-899	Костн. уголь
Пушкари I раскоп V	19 010±220	АА-1389	Костн. уголь
	20 500±500	ГИН-11311б	Кость
	20 900±900	ГИН-11311а	Кость
	20 600±1200	ГИН-8529	Зуб мамонта
	20 700±500	ГИН-8529а	Зуб мамонта
	21 000±400	ГИН-3382	Кость
	21 100±400	ГИН-3381	Костн. уголь
	22 350±150	ГИН-11307	Костн. уголь
Пушкари I Раскоп VII	19 500±240	Ki-11901	Кость лошади
	20 160±180	ГИН-11310	Кость жжена
	20 350±180	ГИН-10195	Костн. уголь
	20 500±500	ГИН-11311	Зуб мамонта
	20 840±190	ГИН-11309	Костн. уголь
	20 900±600	ГИН-11311а	Зуб мамонта
Погон	18 690±770	ЛУ-361	Кость
	22 300±300	ГИН-10193	Кость
	22 500±450	ГИН-10194	бедро
	23 800±700	ГИН-11315	ребра
	24 000±1200	ГИН-11312	кости
Бугорок ¹	11 500±400		Зуб мамонта
	11 060±140		Зуб овцебыка

¹ — данные Г.А. Хлопачева.

Судя по имеющимся радиоуглеродным датировкам костей мамонта и костного угля из культурных слоев стоянок Погон и Пушкари I, они существовали в максимум оледенения позднего валдая. В системе позднепалеолитических памятников бассейна Десны и других территорий равнины они относятся к малочисленной группе стоянок времени максимума оледенения. Даже в этих условиях на большей части стояночного мыса не проявлялось существенных трансформаций палеоповерхностей, активизации процессов лессонакопления, рельефообразования и седиментации. Для бассейна Десны и других территорий для этого времени было характерно наиболее интенсив-

ное формирование мощных лессовых толщ (Величко 1973).

Эоловая седиментация в пределах Пушкаревского мыса повсеместно проявилась только в позднеледниковье, когда происходило накопление песчаных, песчано-алевритовых и лессовых отложений, перекрывающих культурные слои. Только в центральной, наиболее высокой части мыса культурный слой стоянки Погон перекрывается пятиметровой толщиной валдайского лесса. В его верхней части расположены культурные остатки (кремневые орудия, кости животных, костный уголь) позднепалеолитической стоянки Бугорок, возраст которой около 11 тыс. л.н.

Активизация лессонакопления на участке стоянок Погон и Бугорок связана с интервалом от 20 до 11 тыс. л.н. В краевых частях мыса в этот же период культурный слой был погребен только маломощными лессами, песками и опесчаненными супесями. Здесь он залегает на глубине 1,0–0,5 м от поверхности над уровнем слабо выраженного горизонта почвообразования, в основании которого прослеживается брянская почва.

Расположение стоянок на высокой водораздельной поверхности, очевидно, связано не только с ее стабильностью и хорошей дренированностью, но и с выходами меловых пород, содержащих большое количество кремневых конкреций — желваков. Этот материал добывался здесь в больших количествах и использовался для производства каменных орудий. Культурный слой буквально насыщен обработанным кремнем.

Отмеченные ранее на участке стоянки Погон признаки крупных криогенных деформаций (Громов 1948; Величко 1961) говорят о наличии в этом районе мощной многолетней мерзлоты в период обитания человека. Полигонально-жилые структуры отчетливо проявляются в разрезах VII раскопа стоянки Пушкари I (рис. 10). Клиновидные структуры разрывают культурный слой. Расположенные здесь местообитания позднего палеолита функционировали в наиболее суровый период максимального похолодания последней ледниковой эпохи.

Стоянка Погон

Стоянка Погон может считаться самой ранней в Пушкарёвской группе памятников позднего палеолита (24–22 тыс. л.н.) (см. табл. 4). Ее раскопки проводились Г.А. Хлопачевым в 1998–2001 гг. на самом высоком участке мыса. Культурный слой залегает здесь на глубине около 5 м от дневной поверхности. Он представлен оглееным суглинком, содержащим кремневые орудия и кости животных. Оглеенность слоя отражает переувлажнение палеоперевых времени обитания стоянки. Можно предполагать, что исследованный участок представлял собой периферийную часть местообитания. Главной его особенностью является то, что после ухода обитателей здесь резко

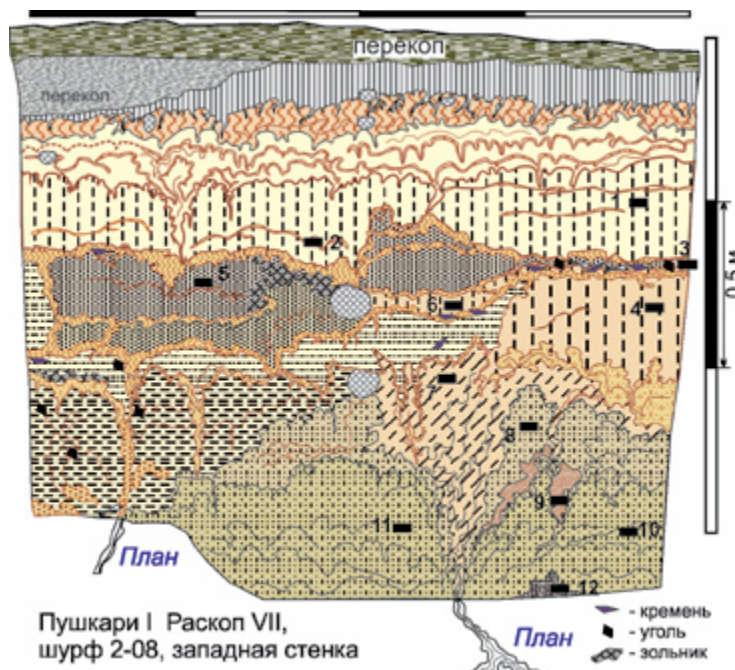

Рис. 10. Строение вмещающих отложений в шурфе на участке стоянки Пушкари VII

активизировались процессы эолового лессонакопления. Подобные локальные изменения природной ситуации могли вынудить человека к перемещению стоянки на другой участок. Судя по хронологической близости стоянок Погон и Пушкари, можно предполагать, что первобытные сообщества могли не покидать территорию Пушкарёвского мыса, а перемещались на более стабильные участки в его пределах.

В период обитания первобытных сообществ на стоянке Погон здесь преобладали пригляциальные ландшафты. Сложная структура рельефа, глубоко расчлененного крупными балками и оврагами, в сочетании с широкой речной долиной и выположенными водораздельными пространствами обеспечивала широкое разнообразие растительности. По данным спорово-пыльцевых определений Е.Ю. Новенко (Величко и др. 1999) во время функционирования местообитания здесь существовала разреженная древесная растительность — сосна, лиственница, береза, ольха и др., в сочетании с тундрово-степной. Подобные типы ландшафтов были характерны и для других районов бассейна Десны, где располагались стоянки позднепалеолитического человека.

Мозаичность рельефа и растительного покрова обеспечивала первобытным сообществам возможности выбора местообитаний с наиболее стабильными и благоприятными условиями. Периодичность изменений характера и активности эоловых и делювиальных про-

цессов, до организации поселения — в период обитания здесь людей — и в процессе захоронения культурного слоя четырехметровой толщей лессовых супесей, проявляется в строении разреза поздневалдайских отложений. Явных признаков обитания человека на стоянке Погон в период аккумуляции лессовой толщи не выявлено.

Причиной активизаций эоловой и эолово-делювиальной аккумуляции лессовых супесей на участках стоянок Погон и Бугорок могли быть периодические нарушения растительного и почвенного покрова в районе их размещения. Степень антропогенного влияния позднепалеолитических обитателей Пушкаревского участка на состояние почвенно-растительного покрова и палеоповерхности пока неясна. Исключать возможность существенного влияния человека на состояние поверхности обитания нельзя с учетом активной хозяйственной деятельности. Массовая добыча и обработка кремня, накопление костей крупных животных, костного угля, сооружение жилищ, костно-земляных конструкций, очагов, хозяйственных ям и т.д. не могли не отразиться на состоянии окружающей среды. В условиях неустойчивого равновесия, когда на окружающих пространствах происходило активное перевывание песчано-алевритовых отложений и лессонакопление, хозяйственная деятельность человека не могла не отражаться на состоянии небольшого локального участка.

Стоянка Бугорок

В финале ледниковой эпохи завершение процессов эоловой седиментации лессов дало возможность человеку вновь поселиться на данном участке. Культурные слои стоянки Бугорок здесь залегают в верхней части четырехметровой толщи лессов, непосредственно перекрывающей слой с находками стоянки Погон. Притом что время позднего поселения определяется датировками около 14–11 тыс. л.н., состав фауны стоянки Бугорок мало отличается от более ранних Пушкаревских местообитаний. По данным Г.А. Хлопачева, здесь присутствуют мамонт и овцебык, что говорит о преимущественно перигляциальном характере ландшафтов.

В заключительную эпоху позднего палеолита в бассейне Десны существенно расширились возможности выбора благоприятных местообитаний. Помимо высоких геоморфологических уровней водоразделов и высоких террас для размещения долговременных местообитаний стали доступны и низкие речные и балочные террасы — вторая и первая надпойменные. Тем не менее традиционное местообитание на Пушкаревском мысу все еще оста-

валось благоприятным для позднепалеолитических сообществ.

Пушкаревская группа позднепалеолитических стоянок относится к наиболее важным объектам изучения условий обитания и первичного заселения Восточно-Европейской равнины. Комплексные исследования разновременных местообитаний дают возможность для определения характера зависимости первобытных сообществ от природных изменений. Суровые ландшафтно-климатические условия последней ледниковой эпохи влияли на характер адаптации человека к среде обитания. Первобытные сообщества не покидали освоенных территорий.

Заключение

Открытые перигляциальные ландшафты в широких речных долинах бассейна Десны оставались достаточно благоприятными для палеолитического человека. Существование долговременных местообитаний человека в бассейне Десны фиксируется здесь на многих памятниках позднего палеолита.

Природные и антропогенные изменения в пределах участков существования крупных позднепалеолитических стоянок в разной степени отражались на условиях обитания человека. Это вызывало необходимость перемещений мест обитания. Подобные смещения разновременных стоянок в пределах достаточно ограниченных участков отмечены и на многих памятниках бассейна Десны (Хотылево, Елисеевичи, Юдиново, Пушкари и др.). Судя по характеру погребенных культурных слоев этих памятников, трудно предполагать, что изменения положения разновременных стоянок связаны с необратимыми антропогенными нарушениями поверхности обитания. Следует предполагать, что со временем менялся эрозионно-седиментационный режим различных участков при незначительном влиянии хозяйственной деятельности обитателей.

Эти ландшафтно-климатические изменения позднеледниковья привели к деградации многолетней мерзлоты, активизации рельефообразующих процессов (эрозионных, делювиальных и эоловых). Они способствовали значительным разрушениям культурного слоя и хозяйственных конструкций поселений, а также быстрому их захоронению лессовыми супесями и песчаными отложениями. Можно предполагать, что крупные стоянки, такие как Хотылево 2, Погон, Пушкари 1, Мезин, Юдиново, Тимоновка и Елисеевичи, расположенные в бассейне Десны, были оставлены человеком именно из-за дестабилизации поверхности обитания в результате этих изменений.

Литература

- Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. - СПб., 1995. - Вып. 1. - 130 с.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. - СПб., 1997. - Вып. 2. - 162 с.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. - СПб., 1997. - Вып. 3. - 149 с.
- Беляева В.И. Палеолитическая стоянка Пушкари I. - СПб.: изд. СПбГУ, 2002. - 155 с.
- Борисковский П.И. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР. - М., Л., 1953. - № 40. - С. 176-236.
- Борисова О.К., Зеликсон Э.М., Новенко Е.Ю. Условия обитания прднепалеолитического человека в Центральных районах Русской равнины (по палинологическим данным) // Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Сев. Евразии и условия расселения древнего человека. - М.: ИГ РАН, 1996. - С. 73-85.
- Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита Центральных районов Русской равнины. - М., 1961. - 296 с.
- Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. - М.: Наука, 1973. - 255 с.
- Величко А.А. Глобальное инициальное расселение как часть проблемы коэволюции человека и окружающей среды. // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: ИГ РАН, 1997. - С. 255-275.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. - М.: ИГ РАН, 1997.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Природные условия первичного расселения первобытного человека в перигляциальной зоне Вост. Европы. — Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Сев. Евразии и условия расселения древнего человека. - М., 1996. - С. 23-72.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. - М., 1999. - С. 19-50.
- Величко А.А., Морозова Т.Д. Основные горизонты лессов и ископаемых почв Русской равнины // Лессы, погребенные почвы и криогенные явления на Русской равнине. М.: Наука, 1972. - С. 5-25.
- Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка Погон // КСИА. - 1950. - Вып. 158.
- Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. ИА РАН. - М.: ИА РАН, 2008. - 256 с.
- Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2: Пространственная структура и стратиграфия культурного слоя // КСИА. - Вып. 227. - «Языки славянской культуры». - С. 71-83.
- Гвоздовер М.Д. Палеолитическая стоянка Бугорок // КСИА. - 1940. - Вып. XV. - С. 74-78.
- Грибченко Ю.Н. Динамические особенности среднеплейстоценовых ледниковых покровов на территории Русской равнины (по литолог. данным) // Изв. РАН. - 1994. - № 4 (серия геогр.). - С. 91-99.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Проблемы хронологии и природные условия обитания и расселения мустьерского человека в Северной Евразии // Вестник антропологии. Научный альманах. - М.: Проект Ф, 2009. - Вып. 17. - С. 61-81.
- Горецкий Г.И. Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. - М.: Наука, 1970. - 491 с.
- Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр. ИГН АН СССР. - 1948. - Вып. 64 (серия геол. № 17). - 524 с.
- Заверняев Ф.М. Памятники каменного века в районе с. Хотылево на Десне // Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода. - М., 1972. - № 39. - с. 90-97.
- Заверняев Ф.М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р.Десне // СА. - 1961. - № 4. - с. 142-161.
- Очередной А.К. Проблемы корреляции памятников среднего палеолита Верхней Десны // Хронология, периодизация и кросскультур-

ные связи в каменном веке. Замятинский сборник. - СПб: Наука, 2008. - Вып. 1. - С. 36-41.

Рудинский М.Я. Пушкари // СА. - 1947. - IX. - С. 171-198

Саблин М.В. Остатки млекопитающих из позднепалеолитического поселения Пушкари 1 // Пушкарёвский сборник. По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари 1. - СПб: Образование-Культура, 1997. - Вып. 1. - С. 31-34.

Тарасов Л.М. Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны // Четвертичный период.

Палеонтология и археология. — Кишинев, 1989. - С. 166-175.

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н. Возраст и этапы заселения Юдиновского верхнепалеолитического поселения // КСИА. - М.: «Языки славянской культуры», 2012. - Вып. 227. - С. 135-146.

Velichko A.A. Geoecology of the Mousterian in East Europe and the adjacent areas // L'Homme de Neandertal. - Liege, 1988. - Vol. 2. - P. 181-206.

GRIBCHENKO YU.N., KURENKOVA E.I.

**PALEOGEOGRAPHIC FEATURES OF THE BASIC SITES
OF A LATE PALEOLITHIC OF DESNA RIVER BASIN
(KHOTYLEVO, ELISEEVICHI, YUDINOVO, PUSHKARI).**

At the beginning of Late Valdai Glacial human communities actively populated Desna River basin. The earliest sites of Late Paleolithic are situated on watershed areas. The progressing cold snap and the formation of Periglacial landscapes did not correlate with intensive peopling of the central part of Eastern Europe. After the Last Glaciations Maximum the areas of human habitations sufficiently extended. The river valleys were occupied by the settlements with dwelling constructions. Large sites were placed on watersheds and on low terraces above the flood plain. Also, Late Paleolithic communities actively populated the territory of Desna basin in Late Glacial period. That times, the cultural layers of a number of settlements defined by the considerable densities of animal bones, tools and burnt bones, as well as bone dwellings. That is, the Late Glacial settlements characterized by long term occupational activities.

ПАЛИНОЛОГИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЕСНЫ¹

В работе рассматриваются результаты изучения условий обитания человека на стоянках Юдиново, Бугорок и Елисеевичи I по анализу палинологических данных.

Ключевые слова: палинология, реконструкция растительности, климат, хроностратиграфия, поздний палеолит, стоянки.

Позднепалеолитические памятники бассейна Десны в разные годы изучали многие палинологи. Для этого региона известны работы З.П. Губониной, Э.М. Зеликсон, О.К. Борисовой, Е.Ю. Новенко и др. Однако в основном с помощью палинологического анализа из разрезов изучались выборочные образцы, в основном из культурного слоя. Невелика была и концентрация определяемой пыльцы. Полученные за последние годы новые археологические и геологические материалы (Хлопачев 2010; 2011; 2012; Хлопачев, Грибченко 2013; Хлопачев, Грибченко и др. 2013) показали необходимость новых палинологических исследований.

Для палинологического анализа отбирались разрезы с позднепалеолитических стоянок Юдиново, Бугорок и Елисеевичи. Отбор образцов проводился по авторской методике. Образцы брались послойно без пропусков, включая слои, предшествующие культурному слою и перекрывающие культурный слой, а также из слоя современной почвы, содержащей пыльцу современных растений. Для адекватной реконструкции растительности прошлого отобраны и проанализированы также поверхностные почвенные пробы из различных растительных сообществ, окружающие исследуемые разрезы. Техническая обработка образцов для всех разрезов проводилась по усовершенствованной стандартной методике (Гричук 1940) с применением тяжелой жидкости ($\text{CdI}_2 + \text{KI}$) и с учетом дополнений по обработке лессовидных отложений (Гричук и др. 1967; Zelikson 1995). Для получения репрезентативного количества пыльцевых зерен на каждый образец просматривалось по несколько препаратов. Для определения зерен пыльцы и спор использовались определители Куприяновой и Алёшиной (1972, 1978), Moore et al. (1991), Reille (1999). При интерпретации рас-

тительности помимо результатов анализа поверхностных проб использованы монографии и атласы современной растительности (Флора 2004; Шанцер 2004 и др.). Спорово-пыльцевые диаграммы построены с помощью компьютерных программ TILIA2, TILIA GRAPH2 (Grimm 1987; 1991) и TGView (<http://www.museum.state.il.us/pub/grimm/>).

Юдиново

Общая концентрация пыльцы по всему разрезу довольно низкая. Установлены различные причины сохранности пыльцы и спор (Березина 1969). Особенно неблагоприятные условия для отложения пыльцы в субэральных образованиях. На сохранность в значительной степени отрицательно влияют резкие колебания температуры и влажности, увеличение значений рН, увеличение поступления кислорода, а также активность микроорганизмов и т.д. Что касается лессовых пород, то рН в них колеблется в пределах 6,7–8,9, и соответственно реакция среды нейтральная и щелочная. Термические условия очень неустойчивые. Специальные методические исследования (Березина, Тюремнов 1973; Болиховская 1995) показали, что в таких условиях особенно сильному разрушению подвержена пыльца древесных лиственных пород. В связи с этим необходимо учитывать вышеизложенное при интерпретации получаемых результатов.

Ранее стоянку Юдиново уже изучали с помощью спорово-пыльцевого анализа (Борисова, Новенко 1999; Novenko 2006). При исследовании применяли эколого-ценотический анализ, в основе которого лежит реконструкция растительного покрова по выделению видов растений с близкой экологией (Zelikson 1995). В результате была построена флористическая диаграмма.

В исследовании 2007 г. мы применили авторскую методику, разработанную в течение последних лет при изучении археологических разрезов. Разрез западной стенки отбирался последовательно каждые 5 см не только из

¹ Работа выполнена в рамках проекта НАНУ №07-06-12 (У) – РФФИ №12-06-90400-Укр-а.

Автор выражает признательность коллегам по совместным исследованиям Г.А. Хлопачеву, Ю.Н. Грибченко и М.А. Кульковой.

культурного слоя, но и ниже и выше культурного слоя. Образцы отбирались одновременно и на геохимический анализ из тех же горизонтов. Общая мощность разреза 310 см. Использование палинологических и геохимических анализов оправдало себя при предыдущих исследованиях археологических разрезов (Кулькова, Сапелко 2008; Сапелко и др. 2008; Golovanova et.al. 2010 и др.). В результате палинологические данные подтверждаются геохимическими (Сапелко и др. 2010) и археологическими результатами, что способствует корректности полученных материалов.

По результатам спорово-пыльцевого анализа разреза, отобранного в 2007 г., выделено 6 палинозон (рис. 1). Палинозоны соотнесены со слоями, выделенными археологами (Хлопачев 2010; Хлопачев, Грибченко 2013).

Палинозона 1 (273–310 см)

Практически соответствует слою 1. Вся зона характеризуется низкой концентрацией пыльцы. Основная роль принадлежит пыльце трав. Пыльцы древесных (не превышает 5 %) и спор (не превышает 3 %) отмечено незначительное количество. Среди трав доминирует пыльца злаков, цикориевых, маревых, осоковых. Преобладают ксерофиты. Отмечены *Ephedra*, *Rubiaceae*, *Liliaceae*, зерно армерии *Armeria hirta*. Последний вид предпочитает песчаные побережья.

В начале зоны отмечаются зеленые водоросли *Botryococcus braunii*. Можно говорить о некотором обводнении. Ко второй половине зоны они пропадают. В настоящее время водоросли *Botryococcus braunii* характерны для лесостепной зоны.

Палинозона 2 (225–273 см)

Соответствует слоям 2 и 3. Происходит увеличение концентрации пыльцы. Возрастает количество пыльцы древесных пород, достигая 10 %. В небольших количествах встречается пыльца сосны, ольхи, ольховника. Во второй половине зоны появляется пыльца березы. Единично отмечена пыльца семейства вересковых. Спор также небольшое количество. В основном это *Polypodiaceae*, *Botrychium*. По-прежнему доминирует пыльца трав, среди которых преобладают злаки, осоковые и цикориевые. Процент пыльцы цикориевых на протяжении зоны колеблется от 30 % до почти нулевых значений. Количество пыльцы маревых резко снижается. Увеличивается процент гречишных (до 18 %). Постоянно отмечается пыльца рудеральных видов. Появляется пыль-

ца *Asteraceae*, а также пыльца полыни, которая встречается почти постоянно по всей зоне в небольших количествах. Очень большое разнообразие разнотравья. Определена пыльца двулестника *Circaea lutetiana*. Этот вид требует довольно плодородных почв и встречается в лесной зоне. Появляется пыльца водных растений. На протяжении всей зоны встречаются водоросли, грибы, остатки фауны. Помимо *Botryococcus braunii* появляются зеленые водоросли — мезосапробы *Pediastrum angulosum* и *Coelastrum microporum*.

Палинозона 3 (145–225 см)

Соответствует слоям 4 и 5. Максимальная концентрация пыльцы. В начале зоны отмечено небольшая аридизация климата. Практически исчезла пыльца древесных пород и спор. Среди пыльцы трав увеличивается пыльца ксерофитов. Появляется *Ephedra*. Отсутствует пыльца водных растений, которая к середине зоны единично появляется вновь. Процент пыльцы осок также очень низок в начале зоны и резко возрастает к середине зоны, после чего осоки становятся одной из доминант растительного покрова. Также в течение всей зоны преобладает пыльца злаков и цикориевых. Образуется постоянную кривую пыльца семейства астровых, полыни. Снижаются процентные содержания, но кривые также практически непрерывны пыльцы гречишных (3–9 %) и маревых (5–16 %). К середине зоны вновь появляется пыльца древесных (2–10 %) и споры. Среди древесных отмечается пыльца хвойных пород, березы, ольхи. Постоянно присутствие с середины и до конца зоны пыльцы ольховника. Отмечена пыльца рудеральных видов.

Палинозона 4 (125–145 см)

Соответствует началу слоя 5а. Резкое сокращение концентрации пыльцы. Полностью исчезает пыльца древесных пород. Доминирует пыльца злаков, маревых, цикориевых. Вновь появляется пыльца *Ephedra*, *Liliaceae*, *Rubiaceae*. Пыльца водных растений отсутствует. Условия формирования спектров этой зоны самые неблагоприятные.

Палинозона 5 (75–125 см)

Соответствует верхней части слоя 5а. Концентрация пыльцы низкая. Вновь появляется пыльца древесных пород (до 14 %). Однако сплошной кривой они не образуют, присутствуют также образцы без пыльцы древесных. Преобладает пыльца ольхи. Среди трав доминирует пыльца злаков, достигая здесь своих

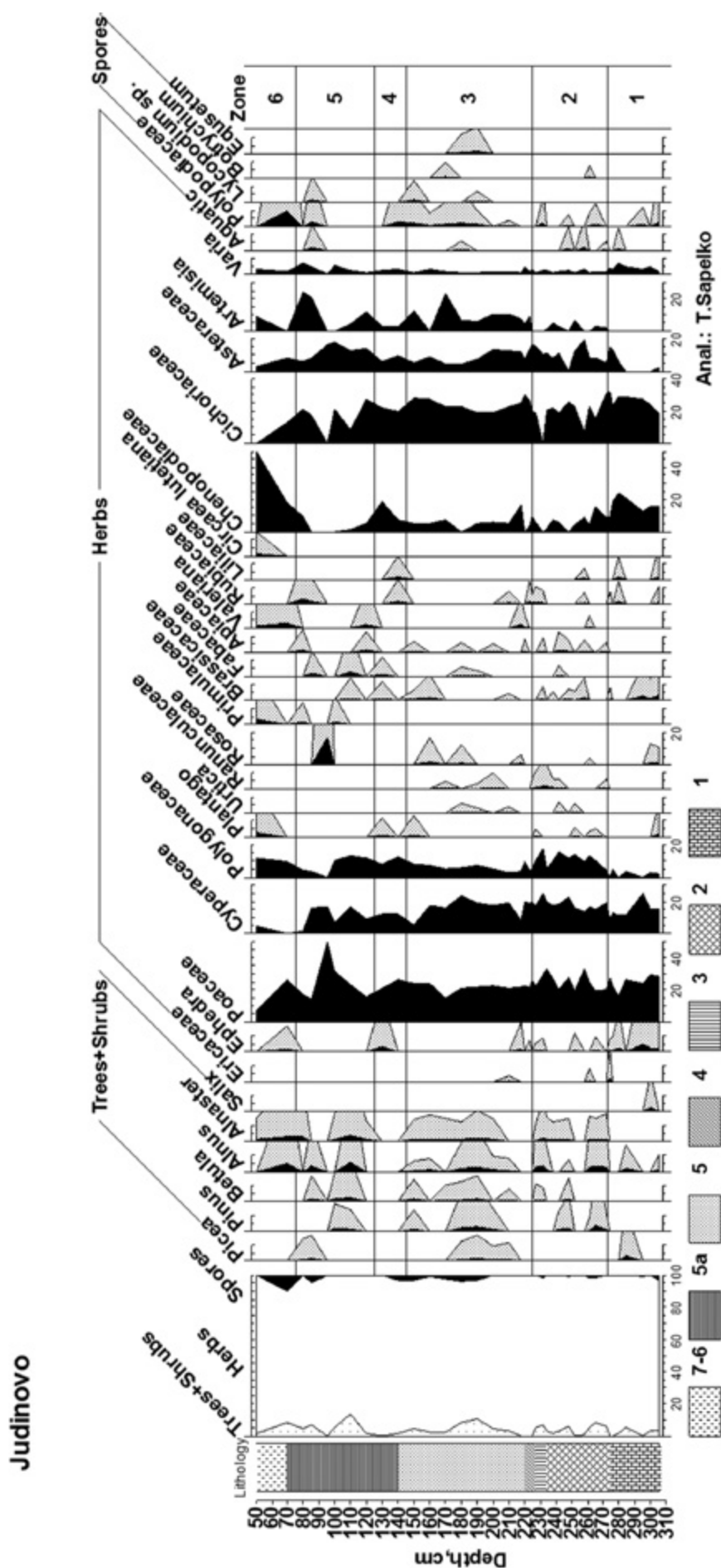

Рис. 1. Спорно-пыльцевая диаграмма стоянки Юдиново.
Условные обозначения: 1–7 — номера слоев, указанных в тексте.

максимальных значений (до 50 %). Непрерывно отмечается значительное количество пыльцы *Asteraceae*, *Cichoreaceae*, *Cyperaceae*, *Polypodiaceae*. Пыльца маревых практически исчезает, полынь появляется только к концу зоны. Причем рост кривой здесь очень стремительный (до 24 %) и кратковременный. К концу зоны появляется пыльца водных растений.

Палинозона 6 (50–75 см)

Соответствует слоям 6 и 7. Количество пыльцы древесных пород невелико (2–8 %). Отмечена пыльца ольхи и ольховника. Процент спор увеличивается за счет спор папоротников семейства *Polypodiaceae*. Среди трав все так же доминирует пыльца злаков. Отмечена пыльца эфедры. К концу зоны резко возрастает значение пыльцы маревых, полыни, гречишных, подорожника, что явно связано с деятельностью человека. При этом отмечена пыльца *Circaea lutetiana*. Двудлиплолистный обычно характерен для ольшаников. Значительно количество переотложенных форм, отмечены находки микрофауны.

По результатам спорово-пыльцевого анализа помимо характеристики палинозон была предпринята попытка обозначить каждый из выделенных слоев (на диаграмме слои отмечены в левой колонке).

Слой 1. В период формирования отложенный основания разреза (палинозона 1) существовали влажные и прохладные условия. Возрастает число ксерофитов. Далее происходит некоторое потепление климата. Вероятно, во время формирования слоя недалеко проходила граница лесостепной и степной зон. Однако перемешанность и нечеткая выраженность спектров могут свидетельствовать об обводненности территории вокруг стоянки. Об этом же говорят и водоросли *Botryococcus braunii*, а также водная растительность, которые в настоящее время в изучаемом регионе тяготеют к водоемам лесостепной и лесной зон. Наличие водорослей *Botryococcus braunii* свидетельствует о прозрачности воды, что косвенно может подтверждать наличие проточного водоема с большой скоростью течения. Общая низкая концентрация пыльцы указывает на неблагоприятные условия ее накопления в осадках, причиной которых также могла являться сильная проточность водоема.

Слой 2. Охватывает первую половину палинозоны 2. В этот период при широком распространении открытых ландшафтов суще-

ствует частичная облесенность окружающей территории. Помимо увеличения лесных ассоциаций с включением сосны, ольхи, ольховника, березы на облесенность указывает и состав травянистого покрова. Например, наличие двудлиплолистника в составе трав говорит о плодородных почвах лесной зоны.

Появление водорослей *Pediastrum angulosum* и *Coelastrum microporum*, а также прибрежно-водной растительности и исчезновение на какое-то время *Botryococcus braunii* свидетельствуют о снижении проточности и обмелении водоема. Очевидно, в этот период происходит осушение рассматриваемой территории и образование почвенного покрова, на котором произрастали в основном кустарники. На некотором отдалении, вероятно, произрастали и хвойные породы деревьев. Можно отметить также, что распространенные в это время водоросли *Pediastrum angulosum* в настоящее время тяготеют к водоемам лесной зоны. В то же время отмечается самое большое разнообразие травянистого покрова. Распространяются рудеральные виды, связанные с появлением человека.

Слой 3. Охватывает вторую половину палинозоны 2. В целом характер растительности не меняется. Однако некоторые изменения все-таки можно отметить. Увеличивается разнообразие растительного покрова, исчезают водоросли *Pediastrum*, прибрежно-водные растения и вновь появляется *Botryococcus braunii*, что может свидетельствовать о новом обводнении территории. О продолжительности периода обводнения достоверно судить сложно, так как возможно как снижение скорости, так и перерыв осадконакопления.

Слой 4. Охватывает первую половину палинозоны 3. Исчезновение древесной растительности очевидно связано с осушением прибрежных территорий и образованием открытых пространств, которые зарастали травянистым покровом. О снижении обводненности территории и, возможно, об увеличении продуктивности водоема можно судить по отсутствию водорослей *Pediastrum* и *Botryococcus braunii* при обнаружении остатков зоопланктона, например *Cladocera*. Из ранее отмеченных водорослей сохраняется лишь *Coelastrum microporum*.

Отмечена пионерная растительность, первой заселяющая освобождающиеся пространства. Это растения, способные распространяться на территориях с нарушенным или несфор-

мированным почвенным покровом, такие как *Artemisia*, *Asteraceae*, *Cichoriaceae*, *Chenopodiaceae* и др.

Что касается общего характера растительности, вероятно, облесенность территории сокращается. Климат становится суше, о чем можно судить и по изменению характера травянистого покрова. Преобладание ксерофитов говорит о распространении степных ландшафтов. Однако небольшое распространение лесные сообщества, видимо, в это время все же имели. Об этом свидетельствует общий характер формирования спектров палинозоны 3. Вероятно, во время формирования слоя 4 граница лесной зоны была на более значительном расстоянии от места стоянки, чем во время формирования слоев 2 и 5.

Слой 5. Охватывает вторую половину палинозоны 3. Очевидно, условия в это время стабилизировались. Водоросли совсем исчезают, изредка лишь встречаются остатки зоопланктона. Лесные сообщества приближаются к месту стоянки. В их состав входят хвойные и мелколиственные породы. Также наибольшее распространение получили кустарники, в основном ольховник. Однако вокруг продолжают доминировать открытые степные и луговые сообщества, в которых в основном преобладают злаки, цикориевые и осоки. Присутствует и рудеральная растительность. Условия в это период были более благоприятными, чем при формировании палинозон 1 и 2. Наиболее высокая концентрация пыльцы свидетельствует о хороших условиях для накопления и сохранности пыльцевых зерен. Климат был также благоприятным для развития растительного покрова.

Стоит подчеркнуть, что данная характеристика растительности распространяется и на слой 4, так как слои 4 и 5 входят в одну палинозону 3.

Слой 5a. Охватывает палинозоны 4 и 5. Образование слоя происходит в явно неблагоприятных условиях. В начале формирования слоя (палинозона 4) концентрация пыльцы резко снижается. Обоснованных аргументов для доказательства нового обводнения территории нет, но исключать этого нельзя, как и другие локальные геоморфологические причины резкого изменения условий формирования растительного покрова. Вероятно, в основном главную роль сыграли климатические колебания. Наступает очередной этап аридизации. На некоторое время исчезают лесные сообщества, т.е. отодвигается от места стоянки их граница.

Ксерофиты начинают преобладать в травянистом покрове. Далее (палинозона 5) вновь появляются лесные сообщества. Однако, судя по весьма низкой концентрации пыльцы, их граница вновь сдвигается на значительное расстояние от места стоянки. Доминантами в распространившихся открытых луговых сообществах вновь становятся злаки и цикориевые. Широко распространяются гречишные и сложноцветные, значительное присутствие которых наблюдается и в современном растительном покрове.

Слои 6–7. Охватывают палинозону 6. К сожалению, пришлось объединить эти слои, несмотря на тщательный отбор образцов, так как в обоих слоях отмечено явное переотложение пыльцы. Возможно, слои были перемешаны в результате распашки, раскопок и т.д. Весьма затруднительно давать характеристику палинозоны 6, к которой отнесены оба слоя. Отмечаются как виды, входящие в состав современного растительного покрова, так и виды, не произрастающие в настоящее время на рассматриваемой территории.

В настоящее время стоянка Юдиново расположена в зоне смешанных хвойно-широколиственных лесов. Основными лесообразующими породами являются сосна, береза, осина, ель, дуб, черная ольха. Однако влияние человека на окружающие ландшафты в последнее время здесь очень высоко. Лесистость бассейна р. Судости в среднем составляет 28 % (Лагутин, Николаев 1989), уменьшаясь к югу, т.е. в районе Юдиново она снижается до 12 %. Сегодня окружающая территория представляет собой в основном открытые антропогенные ландшафты с участками лесопосадок, где основная порода — сосна. Изученные поверхностные пробы в районе стоянки Юдиново дают довольно низкий процент пыльцы древесных пород. В среднем процент пыльцы древесных составляет около 30 %.

В результате подробного спорово-пыльцевого анализа всего разреза мы получили возможность реконструировать динамику растительного покрова на протяжении длительного периода времени. Так, условия формирования нижнего **слоя 1** были неблагоприятными для развития растительности. В этот период распространены открытые ландшафты с преобладанием ксерофитов. Вдоль рек встречались кустарники. Климат был довольно холодный, однако присутствуют некоторые признаки увлажнения. Увлажнение носило, возможно, ло-

кальный характер. В это время недалеко от рассматриваемой территории проходила граница степной и лесостепной зон.

Далее условия осадконакопления несколько изменились (**слой 2**). Увеличивается роль кустарников в формировании растительного покрова. Рост процентного содержания пыльцы древесных пород связан с тем, что участки, занятые лесной растительностью, стали немногим ближе. Можно было бы предположить дальний занос пыльцы древесных пород, однако имеются и другие доказательства присутствия частичной облесенности территории, указанные выше, помимо увеличения процентного содержания пыльцы деревьев. Процент лесистости был очень невелик, по составу основная порода — сосна и в меньшей степени береза. Распространяются рудеральные виды, связанные с появлением человека. Основные площади занимали мезофитные и ксерофитные луга. Слой 2 соответствует основному культурному слою. Реакция растительности на появление человека отражается в появлении рудеральных видов.

Слой 3 соответствует прослою тонкозернистой супеси розовато-бежевого цвета без археологического материала и костей. В целом состав растительности меняется мало. Снижение концентрации пыльцы говорит о неблагоприятных условиях. Исчезает и пыльца деревьев. Вероятно, здесь вновь усиливается влияние локальных факторов. О новом обводнении территории свидетельствует присутствие водорослей.

Далее условия осадконакопления стабилизируются (**слой 4**). Преобладание ксерофитов говорит о распространении степных ландшафтов. Небольшое распространение лесных сообществ, видимо, в это время все же имели, но находились на значительном расстоянии от рассматриваемой территории. Широкое распространение получают перигляциальные степные сообщества. Климат становится холоднее и суше. Несмотря на неблагоприятные климатические условия, именно этому слою соответствует верхний культурный слой. Очевидно, стабилизация условий в связи с сухостью климата вновь привела к появлению удобных мест для поселений человека.

При формировании **слоя 5** условия также были стабильные, обводнения практически не было. Климат был наиболее благоприятным для развития растительного покрова. Лесные сообщества приближаются к месту стоянки. В их состав входят хвойные и мелколиственные породы. Наибольшее распространение полу-

чили кустарники, в основном ольховник. Однако вокруг продолжают доминировать открытые степные сообщества. Присутствует и рудеральная растительность.

Слой 5а характеризует ухудшение климатических условий. Вновь начинают доминировать перигляциальные степные сообщества. Практически исчезает даже кустарниковая растительность. Климат вновь становится прохладным и сухим. К концу формирования слоя условия улучшаются. Вновь появляются древесные породы. Вдоль речных долин широко распространяются кустарники. В травянистом покрове доминируют злаки.

Слой 6 формируется в условиях, близких к современным. Явные переотложения в слое не позволяют точнее охарактеризовать условия его формирования.

Что касается климатических характеристик, можно провести некоторые сопоставления. Современный климат рассматриваемой территории умеренно континентальный с довольно теплым летом и сравнительно мягкой зимой, 450–650 мм осадков в год. Средняя температура января от -7 — -8 °С, а июля 19–19,5 °С. Продолжительность безморозного периода в области составляет в воздухе 160–180 дней, на почве 140–150 дней.

На основании палинологических данных для позднего палеолита проводились палеоклиматические реконструкции (Величко и др. 2003). Летние температуры были на 4–5 °С ниже современных, зимние температуры — на 8–10 °С ниже современных. Количество осадков не превышало 300 мм в год. Это общерегиональные характеристики. Необходимо отметить, что палинологическая характеристика любого археологического разреза отражает локальные условия развития растительности. Так, наиболее холодные периоды климатических характеристик стоянки Юдиново соответствуют вышеуказанным климатическим показателям. В остальные выделенные периоды климат в районе Юдиново был мягче. Если также сравнить полученные результаты с данными по другим стоянкам бассейна Десны, похожая ситуация наблюдается, например, на стоянках Хотылево (Величко и др. 1999), Елисеевичи (Величко и др. 1997), Тимоновка (Величко и др. 1977). Однако сопоставления имеют лишь приблизительный характер, так как в корреляции разрезов есть определенные трудности, связанные с разной методикой отбора образцов и их исследования.

Подводя итоги, можно сказать, что за время формирования всего проанализированного разреза облесенность территории была низкой. В основном преобладали открытые мезофитные или ксерофитные луга. Немалую роль в формировании почвенно-растительного покрова рассматриваемой территории на ранних этапах сыграли периоды обводнения и подтопления места стоянки. Далее освободившаяся от воды поверхность практически не затапливалась помимо небольшого эпизода на момент формирования слоя 3. Помимо общеклиматических были и локальные геоморфологические причины, влияющие на изменение окружающих ландшафтов (Величко и др. 1999; Грибченко и др. 2002).

Бугорок

В 2007 г. из разреза археологической стоянки Бугорок (северная стенка) с помощью палинологического анализа проанализированы образцы, отобранные каждые 2 см по всему разрезу мощностью 145 см. Так же, как и на стоянке Юдиново, из тех же горизонтов М. Кульковой выполнен геохимический анализ (Kulko-va et al., 2010).

Нижний горизонт выделен на глубине 145–130 см как светло-палевый карбонатный лесс. Однако при спорово-пыльцевом анализе выяснилось, что образцы карбонатны до глубины 136 см. Следующие образцы, выше по разрезу, при проверке на карбонатность дали отрицательный результат. Обычно для лессовых пород типична карбонатность. Видимо, отсутствие карбонатов связано со значительной промытостью лессовых пород Украины (Соколовский 1960).

По результатам спорово-пыльцевого анализа выделено **7 палинозон** (рис. 2), характеризующие этапы развития растительности. Все палинозоны также сопоставлены с слоями, выделенными археологами (Хлопачев, 2011; 2012). Почти все изученные образцы насыщены переотложенной пылью, некоторые — остатками фораминифер.

Нижние три образца (глубина 145–136 см) можно отнести к **палинозоне 1**. Зона представлена в основном светло-палевым карбонатным лессом. Отсутствует пыльца древесных пород. Процентное содержание спор не превышает 5 %. Здесь полностью доминировали травы, среди которых преобладала пыльца цикориевых. Следует отметить постоянное присутствие пыльцы *Ericaceae*, *Poaceae*, *Polygonaceae*. Отмечена пыльца видов, приуроченных к

грунтам с нарушенным или несформированным почвенным покровом. Концентрация пыльцы очень низкая. Большое количество переотложенной пыльцы.

Следующую **палинозону 2** (глубина 136–122 см), представленную коричневым суглинстом лессом, можно выделить по появлению пыльцы древесных пород и некоторому изменению в составе трав. Среди пыльцы древесных пород (до 10 %) появляется сосна, ольховник, ива. Разнообразие пыльцы травянистых пород растет. Несколько усиливается роль злаков, процентное содержание которых иногда достигает 45 %. Однако и здесь распространены перигляциальные виды растительности. Появляется пыльца *Scabiosa* — представителя сухих каменистых местообитаний. Концентрация пыльцы довольно низкая, но немного больше, чем в предыдущей зоне. Переотложенная пыльца также присутствует.

Далее выделяется **зона 3** (глубина 122–106 см) по сокращению древесных в составе спектров (до 5 %). Литологический состав практически не меняется. Среди немногочисленных зерен древесных пород встречается в основном пыльца кустарников. Среди травянистых пород преобладает пыльца *Cichoriaceae*, *Asteraceae*, *Poaceae*, *Chenopodiaceae*. Отмечено первое появление *Malvaceae*. Концентрация пыльцы низкая, отмечается переотложенная пыльца.

Палинозона 4 (глубина 106–75 см) выделена по вновь усилившемуся влиянию древесных пород и представлена коричнево-палевым лессом. Граница достаточно резкая. Количество пыльцы древесных пород увеличивается и временами достигает 40 %. Впервые появляется пыльца ели. Преобладает пыльца сосны и кустарников. Среди травянистых пород преобладает пыльца *Cichoriaceae*, *Poaceae*, *Chenopodiaceae*. Распространение получают мезофиты. Однако ксерофиты присутствуют по-прежнему. Концентрация пыльцы значительно возрастает. Снижается количество переотложенной пыльцы.

Палинозона 5 (глубина 75–35 см) в целом соответствует культурному слою. Границы палинозоны немного шире. Отмечено максимальное количество пыльцы древесных пород по разрезу (53 %). Доминирует и встречается практически постоянно (с небольшим перерывом в середине зоны) пыльца сосны, ольховника. При этом процент пыльцы ольховника иногда достигает 20 %. Периодически встречается пыльца березы и ольхи. Среди трав, как и по всему разрезу, преобладает пыльца злаков и

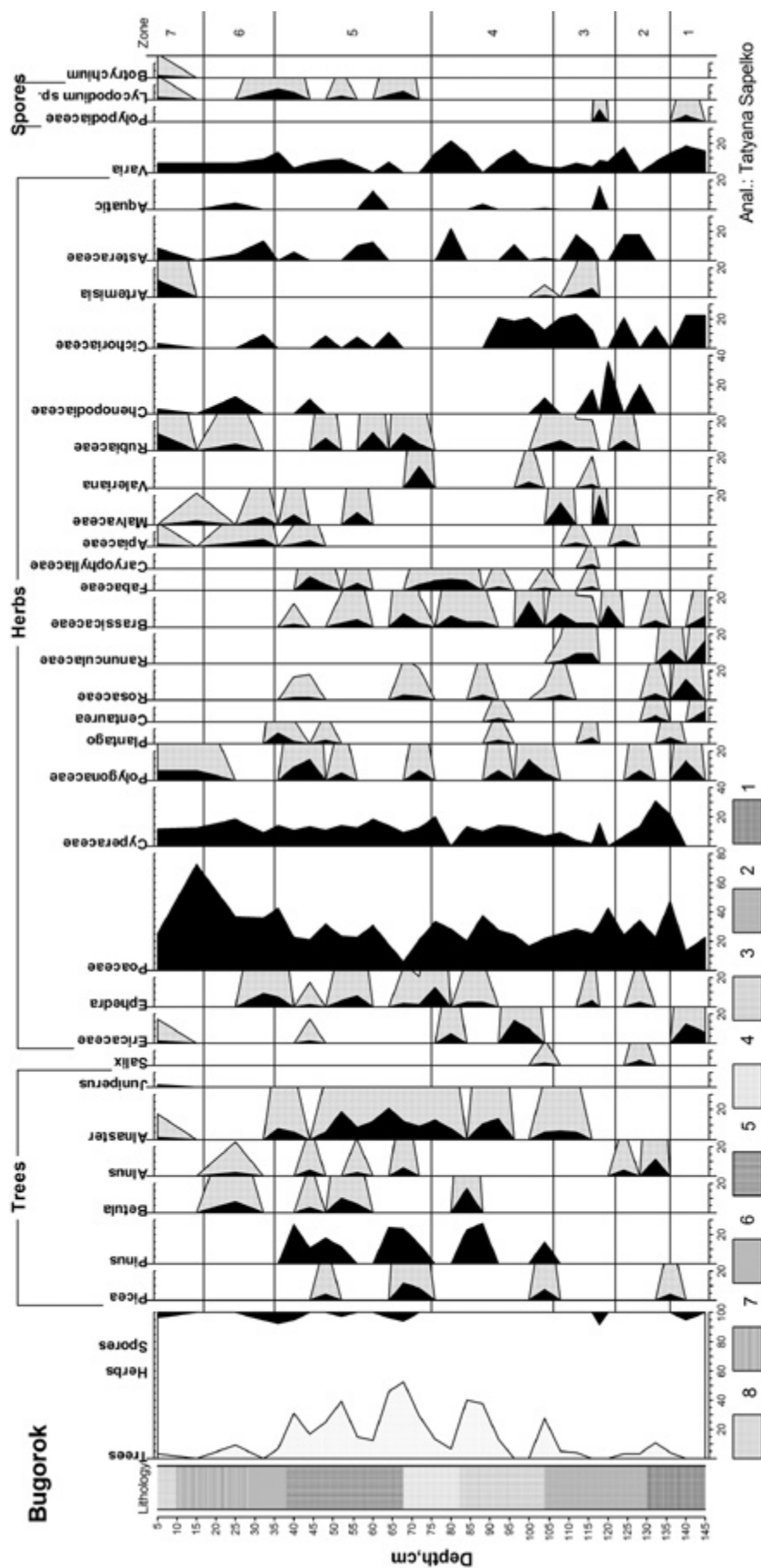

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма стоянки Бугорок.
Условные обозначения: 1–8 — номера слоев, указанных в тексте.

осоковых. Практически постоянно отмечается пыльца эфедры. Отмечено большое видовое разнообразие пыльцы травянистых. Почти постоянно присутствует пыльца *Cichoriaceae*, *Rubiaceae*, *Polygonaceae*, *Brassicaceae*, *Fabaceae*, *Asteraceae*. К концу зоны появляется пыльца *Plantago*, *Chenopodiaceae*, *Ericaceae*, *Malvaceae*. *Malvaceae* возникает вновь после длительного перерыва и далее по разрезу присутствует почти постоянно. В середине зоны определено зерно *Fagorum*. Единично отмечена пыльца рогоза. Среди спор впервые в этой зоне отмечен *Lycopodium*.

Условия самые благоприятные для развития растительного покрова. Единичное присутствие рогоза в образце с очень низкой общей концентрацией пыльцы может указывать на обводненность территории в течение небольшого промежутка времени. Количество переотложенной пыльцы невелико.

Палинозона 6 (гл. 35–17 см) частично соответствует горизонту плотного светло-коричневого лесса, который выше переходит в темно-коричневую подпочву. Граница достаточно резкая. Уменьшается общая концентрация пыльцы. Резко снижается процент содержания пыльцы древесных пород до 5 %. Отмечается лишь пыльца березы и ольховника одновременно и непостоянно. Среди травянистых увеличивается количество пыльцы постоянно доминирующих злаков и осоковых. Также отмечена пыльца *Chenopodiaceae*, *Asteraceae*, *Cichoreaceae*, *Apiaceae*, *Rubiaceae*. Продолжает встречаться пыльца *Malvaceae*. Среди спор периодически присутствует *Lycopodium*. Единично отмечены водоросли *Pediastrum*. Количество переотложенной пыльцы невелико.

Палинозона 7 (глубина 17–0 см) соответствует почвенному горизонту. Концентрация пыльцы немного увеличивается. Процентное содержание пыльцы древесных пород уменьшается еще больше. Среди пыльцы древесных пород единично отмечена лишь пыльца ольховника и можжевельника. Абсолютно доминирует пыльца трав. Увеличивается их видовое разнообразие. Преобладает пыльца злаков, осоковых, полыни, гречишных, мареновых. Отмечена пыльца *Ericaceae*, *Chenopodiaceae*, *Cichoriaceae*, *Apiaceae*, *Malvaceae*. Среди спор отмечены *Lycopodium*, *Botrychium*. Количество переотложенной пыльцы возрастает.

По полученным данным сделаны некоторые выводы.

На первом этапе (**палинозона 1**) возможно говорить о распространении перигляциальных тундрово-степных сообществ. Распространены открытые пространства. Аридизация климата максимальная по разрезу. В этот период, помимо отсутствия древесной растительности, не встречаются и осоковые, которые дальше активно участвуют в формировании травянистого покрова. Максимальное распространение получили цикориевые — растения, обитающие на нарушенном или несформированном почвенном покрове, что типично для суровых условий формирования лессовых отложений (Величко и др., 1999; Болиховская, 1995 и др.). В этот период существовали самые неблагоприятные условия для накопления пыльцы, что, вероятно, было связано с резкими изменениями влажности и температуры. Климат в это время был сухой и довольно холодный, а его колебания критическими.

Далее (**палинозона 2**) характер растительного покрова несколько меняется. Небольшое распространение получает древесная растительность при общем доминировании перигляциальных сообществ. В древостое лесных участков господствовали сосна и ольха. По всей видимости, леса имели ограниченное распространение и были приурочены к долинам рек. Здесь же вдоль рек росла ива. Травянистый покров отличался разнообразием. Получили широкое распространение степные и луговые сообщества, в которых преобладали злаки и осоки. Параллельно существуют ландшафты, характерные для перигляциальной зоны и условий лессонакопчений. Это растения нарушенных местообитаний (с нарушенным или несформированным почвенным покровом) — *Cichoriaceae*, *Asteraceae*, *Chenopodiaceae*, *Caryophyllaceae*, *Polygonaceae*. Такие растения, как подорожник и василек синий, чье распространение в период голоцена преимущественно связано с поселениями человека, в позднеледниковье входили в состав перигляциальных сообществ. О степных ландшафтах можно судить по появлению эфедры, обитательницы меловых обнажений, галечников, известковых, песчаных и щебнистых почв. Однако, учитывая распространение долинных лесов, в целом можно говорить о существовании перигляциальной лесостепи. Климат становится более теплым и влажным. Однако условия были еще не очень благоприятными для накопления пыльцы и развития растительного покрова.

Дальше (**палинозона 3**) вновь увеличивается площади открытых пространств. Однако

условия в этот период были более благоприятными, чем при формировании зоны 1. Климат становится уже не настолько холодным, но прохладным и сухим. Уменьшение влажности здесь имело решающее значение в формировании окружающих ландшафтов. Исчезают леса по долинам рек. Получают распространение заросли ольховника. Значительные территории занимают растения из семейства цикориевых, злаки, полынь, маревые, типичные для перигляциальных сообществ. Продолжает встречаться в таких сообществах подорожник. Известно, что *Plantago*, *Rumex*, *Centaurea cyanus* и другие растения, определяемые как сегетальные, входили в состав флоры позднеледникового времени (Гутман, Хотинский 1981). Впервые появляется *Malvaceae*, исчезая вновь после этой зоны.

В следующий изученный период (**палинозона 4**) произошли значительные изменения в растительном покрове. Получают более широкое (чем в зоне 2) распространение долинские леса. Здесь отмечены сосновые леса с небольшой примесью ели, березово-сосновые леса с подлеском из ольховника. На закрытых влажных участках появились мезофитные луга. Однако и в этот период довольно значительные площади продолжали занимать открытые перигляциальные ландшафты на песчаных каменистых субстратах. На это указывают представители степных формаций — *Ephedra*, *Artemisia*, *Chenopodiaceae*. Климат в этот период стал более теплым и влажным.

Дальше наступает самый благоприятный (по всему разрезу) период для развития растительного покрова (**палинозона 5**). Площадь лесов увеличивается. Состав лесов изменился немного. Увеличилась примесь ели в сосновых лесах. Появилась ольха. Березово-сосновые леса стали занимать больше пространства. Заросли ольховника постоянно преобладали в подлеске. Однако и открытые тундрово-степные сообщества продолжали занимать значительные пространства, каменистые субстраты занимала эфедра. Увеличились площади разнотравных и разнотравно-злаковых лугов. Состав лугов очень разнообразен. Присутствие водных растений указывает на увлажнение. Наличие пыльцы *Typha latifolia* говорит о достаточно влажном теплом климате. Для определения этого вида в палиносpectрах позднего дриаса были рассчитаны средние температуры и отклонения от современных температурных показателей по температурным границам существования вида (Isarin, Bohncke 1999). Для рогоза они установлены в 13 °C. Следова-

но, июльские температуры рассматриваемого периода были выше 13 °C. Современный ареал этого вида также включает рассматриваемую территорию, что говорит о схожести климатических условий периода формирования палинозоны 5 (и культурного слоя) с современными условиями. Однако, например, современный ареал эфедры находится немного южнее. Видимо, климат в тот период был немного суше современного, а состав лесов указывает на то, что климат был холоднее современного. Здесь отмечены лишь представители хвойных лесов без присутствия широколиственных пород. Современному же составу лесных ценозов Деснинского Полесья свойственны хвойно-широколиственные леса. Однако и пыльцы сибирских хвойных пород (кедра, лиственницы, пихты), характерной для многих археологических разрезов в бассейне Десны (Болыховская 1995; Величко и др. 1997; Новенко 2002; Zelikson 1986), здесь не было обнаружено. Стоит отметить появление *Malvaceae* и ее постоянное присутствие в дальнейшем. Пыльца представителей этого семейства была определена до этого лишь в палинозоне 3. Ее появление можно было бы связать с увеличением сухости климата, однако *Malvaceae* встречается и как сорное рудеральное растение. Учитывая весьма редкое присутствие пыльцы *Malvaceae* на спорово-пыльцевых диаграммах археологических разрезов изучаемого региона, можно говорить об узкой локальности условий ее произрастания. Не отмечается *Malvaceae* и на диаграммах разрезов природных объектов (озерных, болотных, террасовых отложений) региона. Исходя из этого можно высказать предположение об антропогенном характере появления *Malvaceae*. В таком случае растительный покров палинозоны 3 также формировался в условиях антропогенного влияния.

Разнообразие ландшафтов (долинские сосновые и сосново-березовые леса, тундрово-степные сообщества и разнотравно-злаковые луга) в целом позволяет говорить о перигляциальной лесостепи.

В следующий период (**палинозона 6**) снова наступает похолодание. Площадь распространения лесов резко сокращается. Древесная растительность представляла собой скорее кустарниковые формации из берез и ольховника. Основными ландшафтами являются тундрово-степные сообщества. Видовое разнообразие травянистого покрова уменьшилось за счет мезофитного разнотравья. Соответственно резко сократились территории, занимаемые луговыми сообществами. О некотором увлажнении

можно судить по редким находкам водных растений и зеленых водорослей. В целом можно говорить о распространении перигляциальной кустарниковой тундры и злаковых степей.

Следующий растительный комплекс (**палинозона 7**) в некоторой степени отражает характер современной растительности. От всех предыдущих рассмотренных типов растительного покрова последний период отличается изменением состава растительности. Некоторые виды появляются впервые. Однако соотношение общего состава растительного покрова практически не меняется.

В заключение можно сказать, что характер формирования растительности культурного слоя несколько отличается от ранее сделанных палинологических описаний археологических памятников бассейна Десны. Говоря о поздневалдайских периодах потеплений, речь обычно шла о широком развитии лесных участков из сосны, ели, березы (иногда с участием сибирских хвойных пород: лиственницы, пихты, кедра). При этом, когда речь заходит об аллереде, практически везде отмечается разная степень примеси широколиственных пород. Это и разрезы долины Дона (Спиридонова 1991), и долина Днестра (Болиховская 1995), и некоторые разрезы долин Днепра и Десны (Величко и др. 1999). Что касается археологических памятников долины р. Десны, то здесь выделяют отложения наиболее поздних культурных слоев, датируемых в интервале 18–12 тыс. л.н. (Величко и др. 1999). Эти слои характеризуются сходными чертами пыльцевых спектров. Такими чертами обладают слои стоянок Хотылево, Елисеевичи, Тимоновка, Юдиново. Комплекс растительности, реконструируемый по культурному слою стоянки Бугорок, в принципе схож с растительным покровом, окружающим перечисленные стоянки. Основным отличием Бугорка является отсутствие сибирских хвойных пород. Это может служить подтверждением иного, ранее менее всего описанного поздневалдайского потепления — аллереда. Полученные описания растительности на этапе формирования культурного слоя и последующего за ним периода резкого изменения климата в значительной мере соответствуют полученным выводам по комплексному исследованию территории для периодов аллереда и позднего дриаса (Зеликсон 1994; Маркова и др. 2008). Период беллинга — аллереда А.К. Марковой с соавторами объединен в один период, как обычно в последнее время делает большинство исследователей. Иногда беллинг вы-

деляют по усилению роли хвойных пород, например ели. Если принять эту точку зрения, палинологическое обоснование культурного слоя стоянки Бугорок можно отнести к аллереде. Несмотря на сделанный ранее вывод о том, что возраст позднепалеолитической стоянки Бугорок не может быть моложе 12 тыс. л.н. (Грибченко и др. 2002), рискнем предположить возможность датировать стоянку и более молодым возрастом. Вероятно, правильно будет датировать стоянку в промежутке 12,4–10,9 тыс. л.н. При этом необходимо учитывать, что палинологический анализ — метод относительный, и мы получаем относительные характеристики и приблизительные даты. Для уточнения предполагаемых датировок желательно получить дополнительно серию дат с помощью методов абсолютного датирования.

Также необходимо еще раз упомянуть об общей низкой концентрации пыльцы по всему разрезу. Стоит упомянуть здесь и о работах по различным причинам сохранности пыльцы и спор (Березина 1969; Березина, Тюремов 1973; Болиховская 1995). В изученном разрезе на сохранность пыльцы наиболее значительное отрицательное влияние оказали резкие колебания температуры и влажности. В термически неустойчивых условиях особенно сильному разрушению подвержена пыльца древесных лиственных пород. В связи с этим непременно необходимо сделать оговорку об отсутствии пыльцы древесных пород. Причиной этого отсутствия может быть и плохая сохранность.

Елисеевичи 1

На стоянке Елисеевичи также ранее предпринимались попытки палинологического анализа (Величко и др. 1997). В апреле 2011 г. из северной стенки шурфа 3 стоянки Елисеевичи 1 на спорово-пыльцевой анализ было отобрано 26 образцов. Нижние слои серой опесчаненной и лессовой буровато-серой супесей слоя 9 до середины слоя 7а (163–220 см) оказались сильно карбонатными. Образцы из погребенного почвенного горизонта, серой ячеистой супеси, культурного слоя и до первого этапа формирования светло-коричневого суглинка — слабо карбонатными. Верхние отложения светло-коричневого суглинка, суглинка коричневатого и гумуссированного слоя современной почвы — не карбонатными совсем.

Проведен анализ образцов из слоев со 2 по 9. По результатам построена спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 3). Результаты по стоянке Елисеевичи 1 получены предварительные.

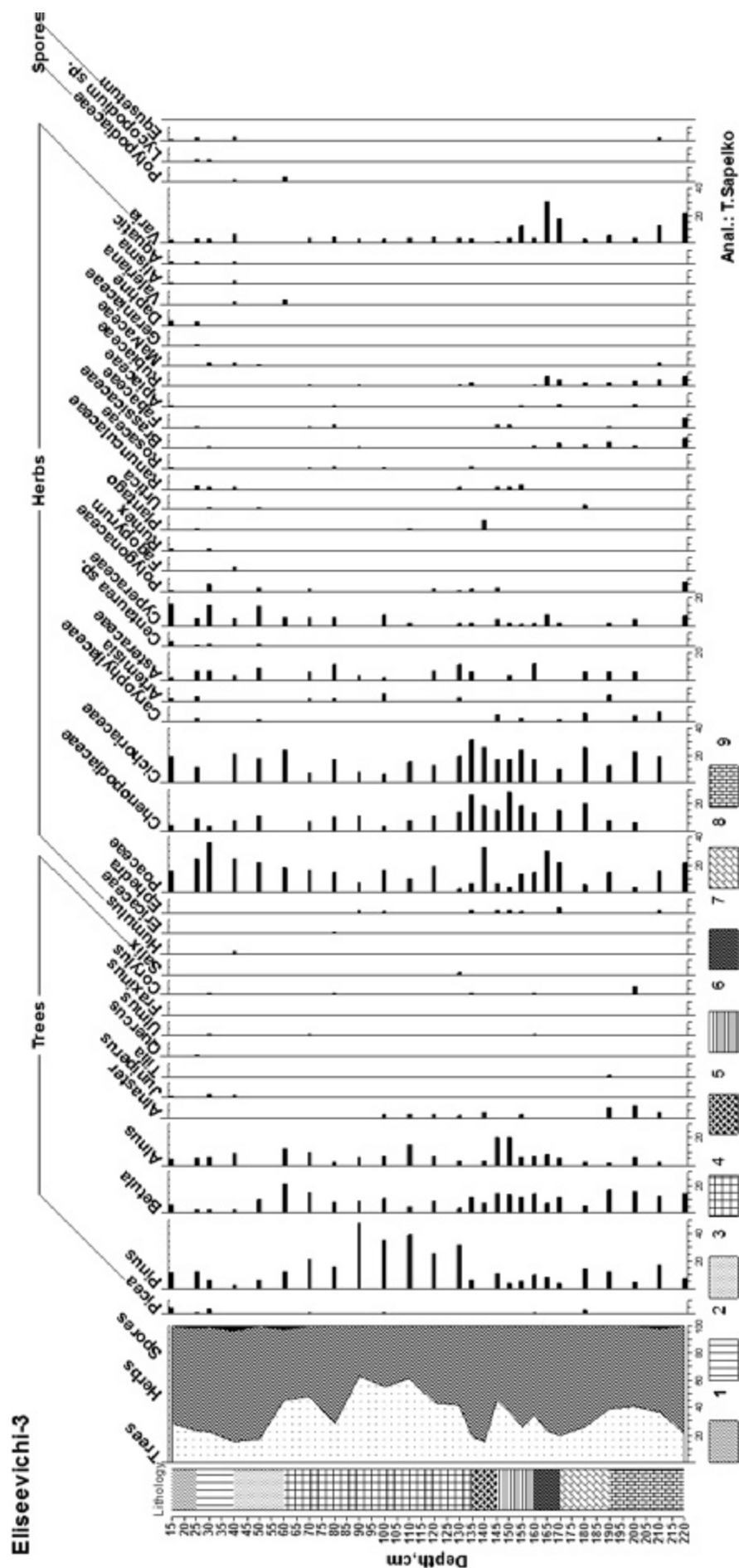

Рис. 3. Спорно-пыльцевая диаграмма стоянки Елисеевичи. Шурф 3, 2011 г.
Условные обозначения: 1 — слой 2 и 2а, 2 — слой 3, 3 — слой 4, 4 — слой 5,
5 — слой 6 (культурный слой), 6 — слой 7, 7 — слой 7а, 8 — слой 8, 9 — слой 9.

В период 2010–2013 гг. здесь на палинологический анализ отобрано еще несколько разрезов из различных стенок археологических раскопов разных лет.

В связи с этим и невозможностью на данный момент корректно выделить палинозоны описание полученных результатов дается по литологическим слоям, описанным археологами (Хлопачев, Грибченко и др. 2013).

Слой 9 (195–220 см) серой опесчаненной супеси формировался в условиях, неблагоприятных для развития растительного покрова. Концентрация пыльцы низкая, преобладает пыльца травянистых пород (59–79 %). Доминирует пыльца злаков и цикориевых. Количество пыльцы древесных составляет 21–40,8 %. Преобладает пыльца березы. Встречается пыльца *Pinus*, *Alnus*, *Alnaster*. Встречается пыльца видов, в настоящее время не распространенных на рассматриваемой территории. Определены *Ephedra* — представитель степных ландшафтов и *Alnaster* — представитель растительных сообществ северных регионов. Ландшафты напоминали тип перигляциальной лесостепи, как подобные смешанные ландшафты, не имеющие аналогов в настоящее время, их охарактеризовала Э.М. Зеликсон (Zelikson 1986). Климат был довольно холодный.

В **слое 8** (175–195 см), представленном лессовой буровато-серой супесью, в общем составе также преобладает пыльца травянистых пород (74 %). Увеличивается разнообразие видового состава травянистого покрова. К по-прежнему доминирующим *Poaceae* и *Cichoreaceae* добавляются *Artemisia* и *Chenopodiaceae*. Среди древесных пород преобладает пыльца сосны и березы, так же как и в предыдущем слое 9. Немного увеличивается процент пыльцы сосны и снижается березы. Содержание пыльцы *Alnus*, *Alnaster* немного снижается. Единично отмеченное пыльцевое зерно липы, вероятно, является переотложенным. Пыльцевые спектры свидетельствуют о довольно прохладных условиях во время формирования этого слоя.

Слой 7а (162–175 см), представленный серой супесью, сложно охарактеризовать однозначно. Можно сказать, что условия формирования слоя 7а (описанного Ю.Н. Грибченко как почвенный горизонт) были менее благоприятными, чем условия формирования слоя 7. В **слое 7** (148–162 см) концентрация пыльцы выше, содержание древесных пород разнообразнее. Среди древесных пород отмечены зерна вяза и лещины, которые, возможно, так

же, как зерно липы в слое 8, являются переотложенными. В слое 7а определено минимальное по разрезу процентное содержание пыльцы древесных пород (20–23 %), притом что процент пыльцы трав достигает 80 %. Доминирующие виды в целом остаются прежними. Немного снижается содержание перигляциальных сообществ. Отмечается большой процент разнотравья в составе травянистого покрова.

Слой 6 (137–148 см), соответствующий культурному слою, отличается снижением концентрации пыльцы. Доминирует пыльца трав, достигая здесь своего максимума по разрезу — 85 %. Отмечена пыльца рудеральных видов. Однако следует отметить, что два проанализированных образца из слоя 6 значительно отличаются друг от друга, и, например, при делении на палинозоны эти образцы не вошли бы в одну зону. В начале слоя, вероятно, было небольшое потепление. Процент пыльцы древесных пород здесь выше и составляет 45 %, значительно содержание пыльцы березы и ольхи. При этом вторая половина слоя характеризуется более низкой концентрацией пыльцы древесных пород и увеличением пыльцы трав. Здесь же отмечены виды, возможно, связанные с поселениями человека (*Plantago*).

Слой 5 (65–137 см) соответствует светло-коричневому суглинку. О существенном потеплении можно говорить с начала формирования слоя 5. Наблюдается увеличение общей концентрации с одновременным увеличением пыльцы древесных пород. Процент пыльцы древесных здесь достигает своего максимального значения — 63 %. Основной доминантой становится сосна. Постоянно встречается пыльца березы и ольхи. Постепенно ко второй половине формирования слоя исчезают перигляциальные виды, появляются термофильные виды. Увеличивается облесенность местности. Климат становится теплее.

Слой 4 (65–45 см) представлен коричневатым суглинком. Процент содержания пыльцы древесных пород достигает 45,5 %. Увеличение процента трав в начале формирования слоя, вероятно, связано с поселениями человека. Отмечается пыльца рудеральных видов. Среди древесных доминанты практически не меняются. Среди трав значителен процент пыльцы *Poaceae*, *Cichoreaceae*, *Cyperaceae*, *Chenopodiaceae*. Появляются споры (до 3 %). В целом климат был достаточно теплым и благоприятным для развития древесных пород.

Верхние **слои 3, 2а и 2** (0–45 см) сформированы современной почвой и отличаются

очень высокой концентрацией, высоким содержанием древесных со значительным количеством широколиственных пород. Очень высокое разнообразие пыльцы трав. Преобладает пыльца злаков, осок и цикориевых. Количество спор по всему разрезу очень незначительно, не превышает 3,8 % и своего максимума достигает в 3-м слое. Высокий процент пыльцы трав (до 81 %) можно объяснить активным сведением лесов человеком. Спектры этих трех слоев имеют общие черты и соответствуют сходным природным условиям. Растительность и климат примерно соответствуют современным.

Окончательные выводы по динамике растительного покрова на рассматриваемой территории и условиях обитания человека можно будет сделать только после палинологического анализа всех отобранных разрезов на стоянке Елисеевичи 1. Представленные результаты могут рассматриваться как предварительные.

Можно сделать некоторые выводы по проведенным палинологическим исследованиям трех позднелепестчатых памятников Десны.

Сравнивая стоянку Юдиново со стоянкой Бугорок, можно отметить, что на стоянке Бугорок влияние сторонних локальных факторов было ниже, что, вероятно, связано с расположением стоянки на более высокой отметке относительно уровня реки. Облесенность территории в районе стоянки Бугорок была выше. Исходя из полученных результатов можно предположить два варианта объяснения подобных различий:

1. Время формирования культурных слоев стоянок Юдиново и Бугорок примерно одина-

ково, и некоторые различия в ландшафтах связаны с расположением стоянки Бугорок ближе к рефугиумам лесной растительности в конце позднего плейстоцена (Маркова и др. 2008). Также Бугорок на протяжении всей истории формирования разрезов располагался на более высокой высотной отметке относительно уровня реки (а также на более высокой абсолютной отметке), что обеспечило автономное развитие окружающих ландшафтов в независимости от многих локальных процессов, имевших существенное влияние на формирование территории вокруг стоянки Юдиново. При этом следует подчеркнуть, что характеристика практически любых археологических разрезов отражает локальные условия.

2. Возраст культурного слоя стоянки Юдиново превышает возраст стоянки Бугорок. Динамика растительности вокруг Юдиново в целом соответствует общим тенденциям развития региона 14–15 тыс. л.н. Соответственно, можно предположить, что возраст стоянки Бугорок, возможно, аллередский.

В настоящее время получены радиоуглеродные датировки, подтверждающие второе предположение, высказанное по результатам палинологического анализа, а также подтвержденное данными геохимии (Сапелко и др. 2010; Kulkova et al. 2010).

По стоянке Елисеевичи 1, как уже было сказано выше, выводы пока делать преждевременно. Однако на данный момент можно констатировать, что время существования стоянки пришлось на прохладный период. Степень участия древесных пород в составе растительности этого периода требует дальнейшего исследования.

Литература

- Березина Н.А.* Некоторые факторы, определяющие формирование спорово-пыльцевого спектра и использование анализа при геоботанических исследованиях. Автореферат кандидатской диссертации. - М: МГУ, 1969. - 24 с.
- Березина Н.А., Тюремнов С.Н.* Сохранность и разрушение пыльцы – важный фактор формирования спорово-пыльцевого спектра // Методические вопросы палинологии. - М., 1973.
- Болховская Н.С.* Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. - М., 1995. – 270 с.
- Борисова О.К., Новенко Е.Ю.* Среда обитания позднелептостигматического человека на стоянке Юдиново (по палинологическим данным) // Актуальные проблемы палинологии на рубеже третьего тысячелетия. - М., 1999. - С. 54-60.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.* Первообытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. – М., 1997. – 192 с.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю.* Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. - М., 1999. - С. 19-50.
- Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И.* Позднелептостигматический человек заселяет Русскую равнину // Природа. – 2003. - № 3.
- Гричук В.П.* Методика обработки осадочных пород, бедных органическими остатками, для целей пыльцевого анализа // Проблемы физической географии. – 1940. - Вып. 8. - С. 53-58.
- Гричук М.П., Шумова Г.М., Шпорина И.А.* О применении нового метода выделения пыльцы из плейстоценовых лессовидных и глинистых отложений // Вестник МГУ (серия V). – 1940. - № 3. – 1967. - С. 87-89.
- Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Тимирева С.Н., Новенко Е.Ю., Воскресенская Е.В.* Особенности позднелептостигматического освоения равнин Восточной Европы // Пути эволюционной географии. - М., 2002. - С. 280-298.
- Гутман М.А., Хотинский Н.А.* Антропогенные изменения растительности центра Русской равнины в голоцене (по палинологическим данным) // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. - М., 1981. - С. 7-19.
- Зеликсон Э.М.* К характеристике растительности Европы в аллереде // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. - М.: ИГ РАН, 1994. - С. 113-124.
- Кулькова М.А., Сапелко Т.В.* Оценка изменения климата и антропогенной нагрузки на древние ландшафты Карельского перешейка по данным геохимического и палинологического анализов // Актуальные проблемы экологической геологии. Материалы четвертой международной конференции Наука и образование. – СПб: СПбГУ, 2008. - С. 112-113.
- Куприянова Л.А., Алешина Л.А.* Пыльца двудольных растений флоры Европейской части СССР. - Л.: Наука, 1972.
- Куприянова Л.А., Алешина Л.А.* Пыльца и споры растений флоры СССР. - Л.: Наука, 1978.
- Лагутин Г.Н., Николаев Г.К.* Лесистость и речной сток // Современные леса Брянской области и рациональное лесопользование. - М., 1989. - С. 35-40.
- Маркова А.К. и др.* Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену. - М., 2008. – 556 с.
- Новенко Е.Ю.* К вопросу об использовании растений в хозяйстве первобытного человека (в бассейне Средней Десны) // Пути эволюционной географии. - М., 2002. - С. 301-306.
- Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кулькова М.А., Кузнецов Д.Д., Герасимов Д.В., Субетто Д.А.* Реконструкция среды обитания человека на территории Карельского перешейка (по материалам исследования многослойного поселения Озерное 3) // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке Замятинский сборник. - СПб, 2008. - Вып. 1. - С. 149-164.
- Сапелко Т.В., Кулькова М.А., Грибченко Ю.Н., Хлопачев Г.А.* Палеогеография позднего плейстоцена бассейна р. Десны // Марковские чтения. – М.: Географический факультет МГУ, 2010. - С. 78.
- Соколовский И.Л.* Лессовые породы Западной части УССР / Автореф. дис. ...док. г.-мин. н. – К., 1960. - С. 16-17.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене и голоцене. - М.: Наука, 1991.

Флора Восточной Европы. Т. XI / под. Ред. Цвелева Н.Н., М.-СПб, 2004, 536 с.

Хлопачев Г.А. Верхнелепеолитическое поселение Юдиново: новые данные о возрасте и этапах заселения // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. Радловский сборник. - СПб, 2010. - С. 262-267.

Хлопачев Г.А. Стоянка Бугорок и его место позднем верхнем палеолите Подесенья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. - Великий Новгород; М.; Старая Русса, 2011. - С. 95-97.

Хлопачев Г.А. Многослойная палеолитическая стоянка Пушкари IX // Палеолит и мезолит Восточной Европы. - М., 2012. - С. 185-203 (цветная вкладка).

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н. Возраст и этапы заселения Юдиновского верхнелепеолитического поселения // Краткие сообщения Института археологии РАН. - М., 2013. - Вып. 227. - С. 134-144.

Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н., Сапелко Т.В. Палеолитическая стоянка Елисеевичи 1: результаты полевых исследований 2010–2011 гг. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. - СПб, 2013. - С. 80–90.

Шанцер И.А. Растения средней полосы Европейской России. Москва, 2004, 690 с.

Berglund, B.E. & Ralska-Jasiewiczowa M. Pollen analysis and pollen diagrams // Handbook

of Holocene Palaeoecology and Palaeohydrology. - 1986. - P. 455-484.

Isarin R.F.B. and Bohncke S.J.P. Mean July temperature during the Younger Dryas in North-western and Central Europe as inferred from climate indicator plant species. Quaternary Research. - 1999. - Vol. 51. - P. 158-173.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleg-horn N.El., Koulikova M.A., Sapelko T.V., and Shackley M.S. Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // Current Anthropology. - 2010. - Vol. 51. - No. 5 (October). - P. 655-691.

Kulkova M.A., Khlopochev G.A., Sapelko T.V. Environment of Upper Paleolithic site Bugorok at Desna basin region // Abstract of The Eighth International Conference on the Mesolithic in Europe. - Spain, 2010. - P. 206.

Moore, P. D., Webb, J. A. & Collinson, M. E. Pollen analysis (2nd edition), 1-216. Blackwell Scientific Publications, Oxford, 1991.

Novenko E.Yu. Late Valdai pollen flora from loess sediments in the central East-European Plain. Paleoenviromental reconstruction // Quaternary International. - 2006. - 152/153. - С. 146-152.

Reille Maurice Pollen et spores D'Europe et D'Afrique du nord. France, Marcelle, 1999, 520 p.

Zelikson Ella M. On the Palynological Characteristic of Late Valdai Loesses in the Centre of Russian Plain // Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska. - Lublin-Polonia, 1986. - Vol. XLI. - 8. - P. 137-148.

Zelikson E.M. Methodology of loess palynology // GeoJournal. - 1995. - 36.2/3. - P. 223-338.

SAPELKO T.V.

PALYNOLOGY OF LATE PALEOLITHIC'S ARCHEOLOGICAL SITES IN THE DESNA RIVER REGION

We studied Late Paleolithic archeological sites Yudinovo, Bugorok and Eliseevichi for pollen analysis. There are obtained data on the paleoenviroment change of the Desna river basin. High-resolution pollen data made it possible to get a chronology of events related to human settlements during the Upper Paleolithic in the study area.

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ СТОЯНКИ ЮДИНОВО: НОВЫЕ ФАКТЫ, АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

В статье анализируется фаунистический комплекс стоянки Юдиново. По результатам исследований, делается вывод об основных объектах охоты её обитателей и сезонности существования поселения.

Ключевые слова: палеонтология, археозоология, поздний плейстоцен, эпиграветт, фаунистический комплекс.

Остеологическую коллекцию Юдиновской стоянки изучали многие палеонтологи: В.И. Громов, Н.К. Верещагин, В.Е. Гарутт, И.Е. Кузьмина, М.В. Саблин, Н.Д. Бурова. Все исследователи единодушно отмечали преобладание в ней костей мамонтов и песцов, остатки других животных на памятнике во все годы раскопок были немногочисленны (Поликарпович 1968; Верещагин, Кузьмина 1977; Кузьмина, Саблин 1993; Бурова 2002; Саблин 2002а; Хлопачев и др. 2006; Хлопачев, Саблин 2009; Хлопачев, Саблин, Пантелеев 2012). Нами была произведена ревизия и переопределение всего имеющегося на настоящий момент в наличии палеонтологического материала с Юдиновской стоянки, хранящегося в Зоологическом институте РАН (раскопки 1980–2013 гг.) и музеях Республики Беларусь. В результате анализа были удалены из списка видов бобр, бизон, корсак, добавлены три новых для памятника вида млекопитающих — донской заяц, обыкновенная лисица и антилопа сайга, уточнен состав орнитофауны (табл. 1). Впервые в культурном слое зафиксированы остатки обитателей пресноводного водоема — рака и рыбы.

Фаунистические комплексы со стоянок Мезин, Межеричи, Елисеевичи, Юдиново традиционно относят к «среднедеснянской» группе, существовавшей на территории Русской равнины в интервале 17–14 тыс. л.н. (Бибикова, Белан 1979; Саблин 2001; Саблин 2002b). Для этой фаунистической группы характерно наличие большого количества костей мамонта, песца, волка. Очевидно, что заходы теплолюбивых степных травоядных даже во время летних миграций в Подесенье были крайне редки: остатки широкопалой лошади, первобытного бизона, антилопы сайги встречаются редко. Среди копытных млекопитающих на данной территории доминируют овцебык и северный олень (Lorenzen et al. 2011). Знание современ-

ной экологии овцебыков не дает оснований сомневаться, что и в позднем плейстоцене эти животные были обитателями крайне холодных открытых биотопов (перигляциальной тундростепи). Мелкие грызуны представлены в основном копытным леммингом *Dicrostonyx guilielmi* — 59,8 % костей, узкочерепной полевкой *Microtus gregalis* — 33,0 % и сибирским леммингом *Lemmus sibiricus* — 6,1 % (Маркова 1995). Кости тундровой белой совы среди птиц самые многочисленные. В целом фауна со стоянки Юдиново наиболее близка по составу к фаунистическому комплексу со стоянки Елисеевичи, ревизия которого еще предстоит. В отличие от большинства предыдущих исследователей, в настоящей работе автор рассматривает костные остатки как результат человеческой деятельности, отображающей специфику хозяйствования и охотничьих пристрастий древнего населения Подесенья.

Наличие большого количества костей хищных млекопитающих, особенно песца и волка, однозначно трактуется как пушной промысел, проводимый в холодное время, ведь именно тогда качество меха оптимальное (Верещагин, Кузьмина 1977; Soffer 1985; West, Kozlovski, Montet-White 2000). В остеологической коллекции среди многочисленных (182 особи) остатков песца нами были обнаружены фрагменты нижних челюстей семи щенков, погибших, судя по стадии смены молочных зубов на постоянные, в возрасте от 4 до 4,5 месяцев от роду (рис. 1). Массовое щенение современного песца в тундровой зоне приходится на май–июнь (Соколов 1979). Из этого можно сделать вывод, что молодые песцы были добыты верхнепалеолитическими охотниками в сентябре–октябре (рис. 2).

Фрагмент нижней челюсти медведя *Ursus arctos* в возрасте 7–9 месяцев с постоянным зубом M_1 и еще не сформировавшимся P_4 был найден В.Д. Будько при раскопках 1964 г. на квадрате О-43. Скорее всего, медвежонок родился в берлоге в конце зимы и был убит в самом начале осени (рис. 3).

¹ Работа выполнена в рамках проекта НАНУ №07-06-12 (У) – РФФИ №12-06-90400-Укр-а.

Таблица 1.

Фауна стоянки Юдиново

Виды	Особи	
<i>Astacus</i> sp. - речной рак	1 взрослая	1
Pisces indet. - рыба	1 взрослая	1
<i>Anas</i> sp. - утка	1 взрослая	1
<i>Cygnus bewickii</i> - малый лебедь	1 взрослая	1
<i>Anser fabalis</i> - гусь гуменник	1 взрослая	1
<i>Branta bernicla</i> - черная казарка	1 взрослая	1
<i>Lagopus lagopus</i> - белая куропатка	1 взрослая	1
<i>Lagopus mutus</i> - тундряная куропатка	1 взрослая	1
<i>Larus argentatus</i> - серебристая чайка	1 взрослая	1
<i>Aquila chrysaetos</i> - беркут	1 взрослая	1
<i>Nyctea scandiaca</i> - белая сова	2 взрослых 1 молодая	3
Всего птиц	10 взрослых 1 молодая	11
<i>Lepus tanaiticus</i> - донской заяц	1 взрослая	1
<i>Marmota bobak</i> - сурок	4 взрослых 1 полувзрослая 1 молодая	6
<i>Mammuthus primigenius</i> - мамонт	91 взрослая 12 полувзрослых 12 молодых	115
<i>Alopex lagopus rossicus</i> - песец	175 взрослых 7 молодых	182
<i>Vulpes vulpes</i> - лисица	1 взрослая	1
<i>Canis lupus</i> - волк	3 взрослых 1 молодая	4
<i>Ursus arctos</i> - бурый медведь	2 взрослых 1 молодая	3
<i>Panthera spelaea</i> - пещерный лев	1 взрослая	1
<i>Equus latipes</i> - широкопалая лошадь	1 взрослая 1 молодая	2
<i>Rangifer tarandus</i> - северный олень	2 взрослых 2 молодых	4
<i>Saiga borealis</i> - сайга	1 взрослая	1
<i>Ovibos pallantis</i> - овцебык	3 взрослых 3 полувзрослых 1 молодая	7
Всего млекопитающих	285 взрослых 16 полувзрослых 26 молодых	327

В остеологической коллекции с поселения Юдиново имеется много костей взрослых сурков *Marmota bobak*. Охота на этого крупного грызуна обычно ведется в конце лета — начале осени, когда зверь накапливает наибольшее количество жира. Нужно также отметить, что современный сурок в северных широтах обычно залегает в спячку до мая в глубокой норе в конце сентября, когда температура понижается ниже +6 °C (Бобринский и др. 1944). В 2008 г. в культурном слое памятника на квадрате Г-66 нами был обнаружен фрагмент бедренной кости молодого животного, погибшего, судя по размеру кости и стадии прирастания эпифизов, на рубеже август-сентябрь (рис. 4).

В 2007 г. на квадрате Е-65 нами была обнаружена нижняя челюсть другого обитателя

плейстоценовой тундростепи — овцебыка *Ovibos pallantis* с полностью сохранившимся зубным рядом (рис. 5), на котором четко фиксируется начальная стадия прорезывания постоянного зуба M_1 , соответствующая индивидуальному возрасту животного около 5 месяцев (Hillson 1986). Телята у современного овцебыка рождаются в конце апреля — начале мая (Соколов 1979). Отсюда следует, что теленок мог быть добыт в конце сентября — начале октября (рис. 5).

Среди многочисленных остатков мамонта *Mammuthus primigenius* из Юдиново нами были обнаружены фрагменты костей детенышей этого животного. Их индивидуальный возраст удалось установить достаточно точно, используя общепринятые методики (Кузьмина

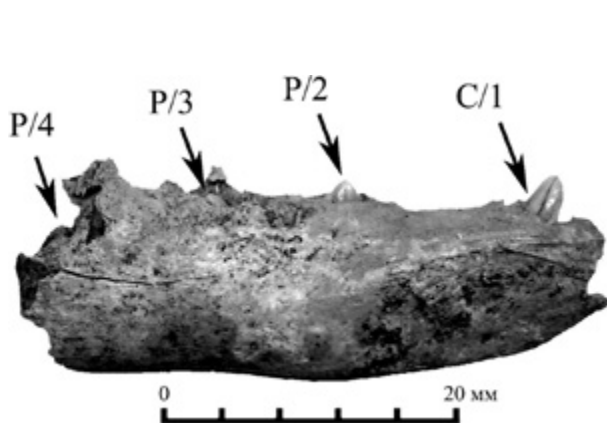

Рис. 1. Фрагмент левой ветви нижней челюсти щенка песца возрастом 4 месяца с квадрата Ж-66 (раскопки 2007 г.) с прорезающимися, еще в альвеолах, постоянными зубами C_1 , P_2 , P_3 и P_4 ; молочные зубы на фрагменте не сохранились. Зверь был добыт предположительно в течение сентября.

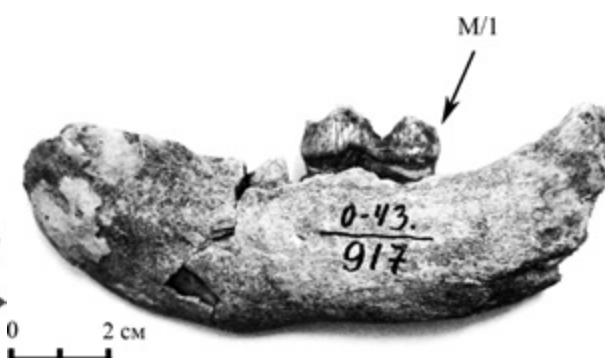

Рис. 3. Фрагмент левой ветви нижней челюсти медвежонка возрастом 7–9 месяцев с квадрата О-43 (раскопки 1964 г.) с постоянным зубом M_1 . Зверь был добыт предположительно в начале осени.

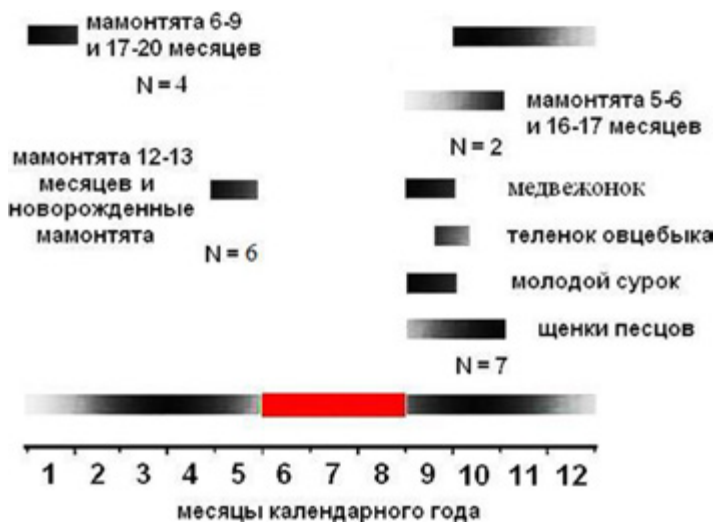

Рис. 2. Сезонность стоянки Юдиново.

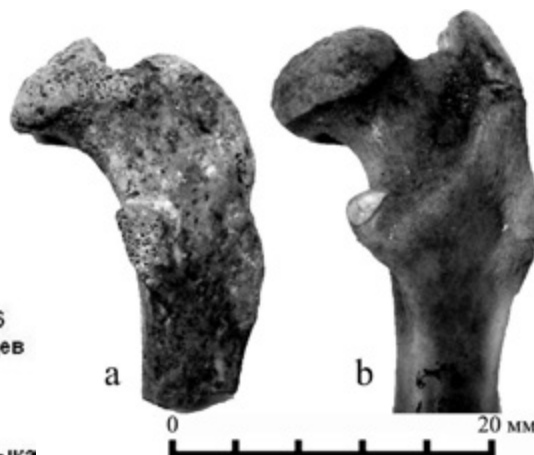

Рис. 4. Проксимальный эпифиз правой бедренной кости плейстоценового молодого сурка (а) с квадрата Г-66 (раскопки 2008 г.) в сравнении с аналогичной костью современного молодого сурка (b), добытого на рубеже август-сентябрь.

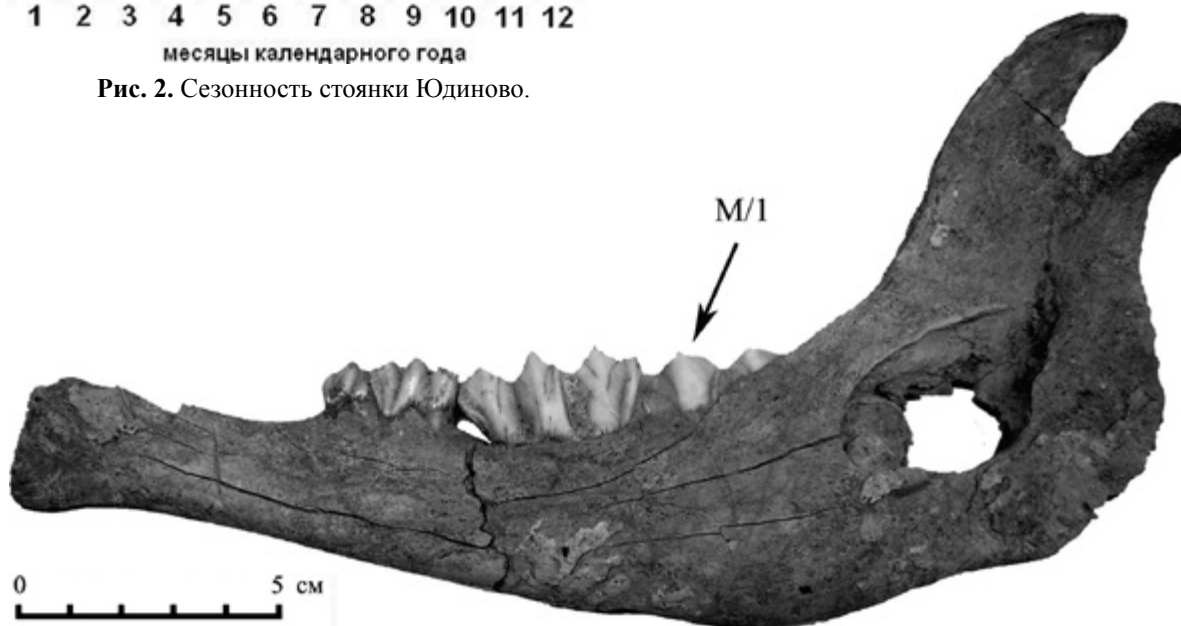

Рис. 5. Фрагмент правой ветви нижней челюсти теленка овцебыка возрастом 5 месяцев с квадрата Е-65 (раскопки 2007 г.) с молочными зубами и прорезающимся постоянным зубом M_1 . Зверь был добыт предположительно в конце сентября.

1999). Так, судя по стадии развития молочных зубов первой смены dP^2 и dP_2 (исследовано 5 экземпляров от пяти особей) и наличию плечевой кости мамонтенка длиной всего 187 мм, можно сделать вывод, что новорожденные мамонята погибли в возрасте от 0 до 4 недель (рис. 6, 7). Кроме этого нами по фрагменту нижней челюсти с зубом второй смены dP_3 были определены остатки *Mammuthus primigenius* в возрасте 5–6 месяцев, а также двух моло-

дых особей, судя по степени стертости коронки двух изолированных нижнечелюстных зубов второй смены dP_3 , возрастом 12–13 и 16–17 месяцев от роду. В остеологической коллекции обнаружены три нижние челюсти мамонят с зубами второй и третьей смены dP_3 и dP_4 , соответствующие индивидуально возрасту животного 17–20 месяцев. И.Е. Кузьмина (1999) указывает также на молочный бивень первой смены dI молодой особи из Юдиново шести-девяти месяцев от роду. Принято считать, что детеныши у мамонта рождались в конце апреля — мае (Верещагин, Тихонов 1990; Тихонов 2005). Таким образом, результаты анализа возрастных характеристик свидетельствуют о том, что время гибели мамонят на верхнепалеолитическом поселении Юдиново, согласно нашим данным, приходится на май (6 особей), сентябрь — октябрь (2 особи), октябрь — январь (4 особи) (рис. 2). Необходимо отметить, что на таких верхнепалеолитических стоянках, как Костенки 1 (I) и Елисеевичи, обнаружены многочисленные остатки эмбриональных мамонят и молодых *Mammuthus primigenius*, погибших, так же как и в Юдиново, осенью, зимой или весной (Кузьмина 1999), что может указывать на сходную сезонность этих памятников.

В остеологической коллекции представлено 39 костей от девяти видов птиц. Белая и тундрная куропатки, белая сова встречались в районе стоянки весь год, а утка, малый лебедь, гусь гуменник, черная казарка, серебристая

чайка и беркут являлись перелетными и обитали здесь с мая по сентябрь. Среди остатков белой совы найдены еще не полностью окостеневшие кости молодой особи, которая могла быть добыта только в августе-сентябре. Фрагменты крыльев этой птицы на стоянке наиболее многочисленны (22 шт.), при этом сохранились все их элементы, включая мелкие фаланги (Хлопачев, Саблин, Пантелеев 2012). Следует отметить, что также исключительно из крыльев происходят кости малого лебедя (2 шт.), гуся гуменника (1 шт.), беркута

Рис. 6. Верхнечелюстной молочный зуб dP_2 мамонтенка возрастом 1 месяц с квадрата 3-66 (раскопки 2007 г.). Стрелкой указано стирание первой пластины (начальный этап). Зверь был добыт предположительно в конце мая.

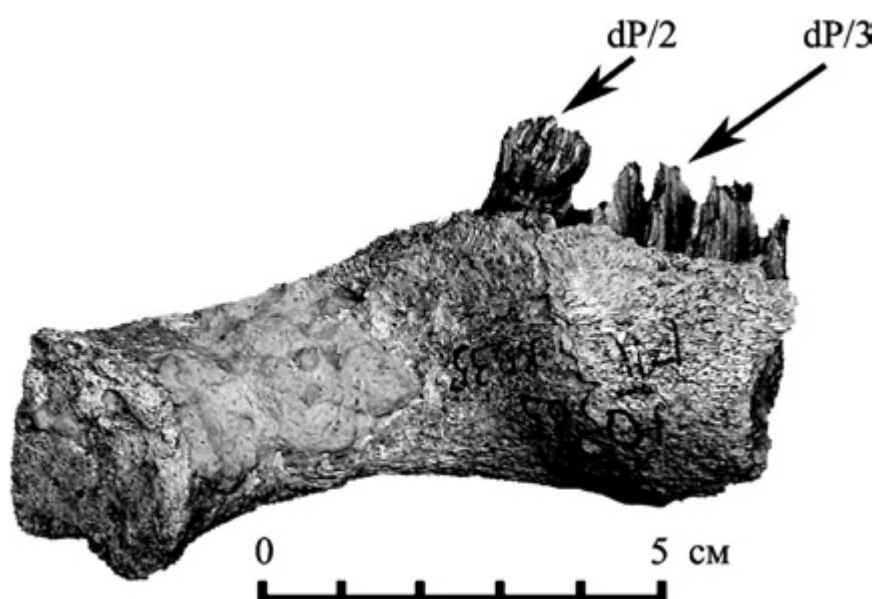

Рис. 7. Правая ветвь нижней челюсти новорожденного возрастом до 1 недели мамонтенка с квадрата 35 (раскопки 1985 г.) с сохранившимися dP_2 и dP_3 . Пластины на молочных зубах не затронуты стиранием. Зверь был добыт предположительно в начале мая.

(1 шт.). При этом на плечевой и локтевой кости белой совы и плечевой кости лебедя зафиксированы порезы — следы расчленения передней конечности. Создается впечатление, что всех крупных птиц здесь били лишь ради маховых перьев, из которых могли изготавливать плюмажи или оперения стрел.

Анализ костей животных из культурных слоев Юдиново позволяет уточнить временные рамки обитания здесь верхнепалеолитических людей. Так, можно уверенно говорить о присутствии древнего человека на территории стоянки в период с сентября по май включительно и о вероятном отсутствии его там в летнее время (рис. 2). На это указывают массовый пушной промысел, а также уточненные даты гибели молодых особей белой совы, сурка, песца, медведя, мамонта и овцебыка. Наличие в культурных слоях Юдиново раковин пресноводных моллюсков, фрагмента клешни речного рака *Astacus* sp. (рис. 8), позвонка некрупной рыбы и остатков шести видов перелетных птиц свидетельствует об активной деятельности человека на берегу незамерзшего водоема. Это не противоречит нашим выводам, поскольку люди могли находиться на стоянке при плюсовых температурах в сентябре. Причину отсутствия людей на стоянке Юдиново летом следует искать, вероятно, в откочевках семейной группы подальше от поймы реки для защиты и спасения от гнуса, активного в тундре с июня по август (Хлопачев, Саблин, Пантелеев 2012).

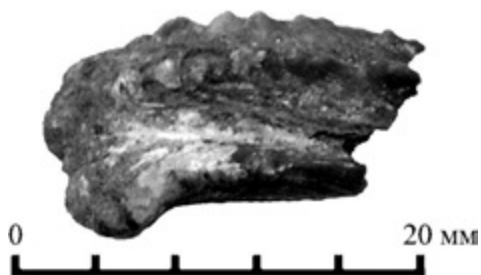

Рис. 8. Фрагмент клешни речного рака с квадрата 3-64 (раскопки 2007 г.), попал в культурный слой предположительно до замерзания близлежащего водоема.

Происхождение скоплений костей мамонтов, так называемых «жилищ», на палеолитических стоянках Восточной и Центральной Европы до сих пор один из наиболее дискуссионных вопросов. Существуют две основные гипотезы: 1) на стоянки приносили кости мамонта, которые собирали в местах их естественной гибели или добывали из древних костеносных горизонтов; 2) на стоянках использовались

кости мамонтов, убитых на охоте (Аникович, Анисюткин 2002; Чубур 1993, 1998; Soffer 1985, 1993; Haynes 1999; West 2001; Koziowski 2003; Svoboda et al. 2005 и др.).

«Жилище» 1 стоянки Юдиново, обнаруженное К.М. Поликарповичем в середине прошлого века, в настоящее время не доступно для изучения, а «жилище» 2, которое было раскопано В.Д. Будько в 1964 г., изучалось совсем недавно (Хлопачев, Саблин 2013). Также нами был проведен тафономический и палеозоологический анализ костей мамонта из «жилищ» 3 и 4 — павильона (Жермонпре и др. 2008; Germonpre et al. 2008). Здесь не все материалы были доступны для исследования, поскольку костное скопление освобождено от лессовидного суглинка лишь частично, и при этом некоторые фрагменты «жилищ» оказались перекрыты вышележащими костями. Общее количество взрослых особей мамонта на стоянке Юдиново, вычисленное по черепам, составило 91 экземпляр, в том числе 30 особей из «жилища» 1 (Абрамова и др. 1997), 8 особей из «жилища» 2 (Хлопачев, Саблин 2013) и 53 особи из «жилищ» 3 и 4 (Жермонпре и др. 2008; Germonpre et al. 2008).

Всего на площади павильона около 85 кв. м насчитывается 517 костей мамонтов. В таблице 2 дано частотное распределение скелетных элементов из конструкций «жилищ» 3 и 4. Средняя плотность костей мамонтов в разных частях раскопа составила от 1 до 26 костей на кв. м, при этом плотность особей — в среднем 1,5 мамонта на кв. м. Скелетные элементы обычно не сочленены, однако заметна некая искусственная сортировка отдельных костей скелета (рис. 9, 10). Так, бедренные кости встречаются только в «жилище» 4. В квадрате 3-58 было найдено семь больших берцовых костей. Наибольшая плотность черепов на квадратный метр наблюдается в квадрате 3-56, содержащем четыре черепа, здесь же обнаружены четыре лопатки. Тридцать семь костей (7,2 %) по меньшей мере от четырех особей находятся в сочлененном состоянии, что соответствует 11-ти сочлененным частям скелета. Это пять серий сочлененных позвонков (рис. 11), плечевая кость полувзрослой особи с несросшимся проксимальным эпифизом, лучевая и локтевая кости другой полувзрослой особи, левое и правое бедра одной молодой особи, две большие берцовые кости двух разных полувзрослых особей с несросшимися дистальными эпифизами и полноразмерная дистальная голень, состоящая из сочлененных большой берцовой, малой берцовой и таранной костей (рис. 12).

Рис. 9. Стоянка Юдиново, «жилище» 3.

Рис. 10. Стоянка Юдиново, «жилище» 4.

Рис. 11. Семь грудных (в центре) и трое поясничных (вверху справа) позвонков мамонта в сочленении с квадрата К-55, «жилище» 4.

Рис. 12. Большая, малая берцовые кости и таранная кость мамонта в сочленении с квадрата М-51, «жилище» 3.

Примерно четверть всех костей мамонтов из «жилищ» 3 и 4 сломаны. Разбито 66,0 % черепов. Отмечено два основных типа повреждений: 1) разрушение бивневых альвеол и 2) разрушение черепной коробки. 32 черепа имеют вскрытые черепные коробки (рис. 13), у 10 других черепные коробки сохранились целыми (рис. 14), в 11 случаях судить о состоянии черепной коробки невозможно по вышеизложенным причинам. Большинство повреждений черепов мамонтов в павильоне, скорее всего, были вызваны действиями человека с целью изъятия мозга и бивней. Количество посткраниальных элементов скелета составляет 404 экземпляра. Из них сломано лишь 68 костей (16,8 %). Несколько посткраниальных костей мамонтов, в основном лопатки (более 43 %), имеют отверстия, сделанные человеком (рис. 15). Такие отверстия в лопатках были найдены в Гонцах, Бердыже и Межиричах. Это явление было интерпретировано как архитектурная особенность, связанная с использованием этих костей в строительстве (Soffer 1985; Iakovleva 2003). Можно также предложить и другие цели: отверстия в лопатках могли делать для облегчения транспортировки мяса или обработки туш. В отличие от лопаток из Мезина (Pidoplichko 1998) у лопаток из Юдинова отросток ости не отломан.

Лишь большая берцовая кость мамонта из квадрата 3-56 имеет порезы. Она принадлежит животному с реконструированной высотой в холке около 220 см. Однако из отсутствия порезов на костях мамонта не следует, что доисторические люди не разделяли туши мамонтов. Д. Крэйдер (Crader 1983) осматривал места забоя и разделки современных слонов племенем Биза в Замбии. Следы порезов на костях слона почти отсутствовали, возможно, из-за обилия имеющегося мяса его не срезают до самой кости (Crader 1983). Кроме того, Г. Фрайзон (Frison 1989), производивший экспериментальную разделку туш современных слонов доисторическими орудиями, показал, что разделка не оставляла порезов на костях. Порезы, указывающие на разделку туши, также отсутствуют в Дольни Вестонице II (Svoboda et al. 2005).

На концах некоторых длинных костей и одной лопатке (что составляет 2,5 % всех костей) сохранились погрызы хищников. Длинные кости стоят почти вертикально (Абрамова 1995). Необходимо отметить: погрызы хищников присутствуют исключительно на костях из «жилища» 4, особенно возле западной части павильона, что означает, что обгладывание ко-

стей хищниками происходило *in situ*. Можно предположить, что, если бы кости происходили из разных мест, пространственное распределение погрызов было бы более равномерным. Есть погрызы и на дистальных эпифизах двух из трех бедренных костей бурого медведя (рис. 16). Возможно, это сделали собаки. Во всяком случае на стоянке Елисеевичи 1 эти домашние животные уже были (Саблин, Хлопачев 2001; Саблин 2007; 2008; Sablin, Khlopachev 2002; 2003) и, очевидно, играли не последнюю роль в охоте, в том числе и на мамонтов. Роль собаки в исчезновении плейстоценовой мегафауны в настоящее время активно обсуждается (Fiedel 2005). По-видимому, большинство скоплений костей были по какой-то причине недоступны для хищников либо слишком быстро перекрывались лессом. Признаки активности хищников также невелики в Миловице G (Svoboda et al. 2005) и Кремс-Вахтберге (Fladerer 2003). На стоянке Спадзиста В следы погрызов имеются на 5,6 % костного материала (Wojtal, Sobczyk 2005). В Мезине частота костей мамонта с погрызами достигает 10,3 %. Есть мнение, что кости из Мезина были обглоданы хищниками до их использования для постройки «жилищ» (Pidoplichko 1998).

Общее число вычисленных нами по комбинированной методике (были изучены коренные зубы, сохранившиеся в верхних и нижних челюстях, и длинные кости скелета мамонтов) особей мамонтов из «жилищ» 3 и 4 составило 63 экземпляра. Исследование показало, что, судя по размерам больших берцовых костей, здесь в основном представлены взрослые самки, что отличается от мест естественной гибели слонов, в которых доминируют очень молодые особи (< 12 лет) с частотами от 85 % до 90 % (Haynes 1991). Анализ костного материала из «жилища» 2 показал, что и здесь доминируют остатки взрослых самок (Хлопачев, Саблин 2013). В целом для стоянки Юдиново количество мамонтов могло насчитывать до 116 особей (табл. 1). Из них 91 взрослая особь, 12 полувзрослых младше двенадцати лет и 12 детенышей младше двух лет (возраст указан в «годах африканского слона»). Наши данные отличаются от материалов со стоянок Спадзиста В, Миловице, Дольни Вестонице I (Svoboda et al. 2005), Кремс-Вахтберге (Fladerer 2003), Межиричи (Pidoplichko 1998), где преобладают детеныши и полувзрослые мамонты. Большое количество взрослых самок указывает на то, что забивали в основном самок-лидеров вместе с их детенышами. Очевидно, что

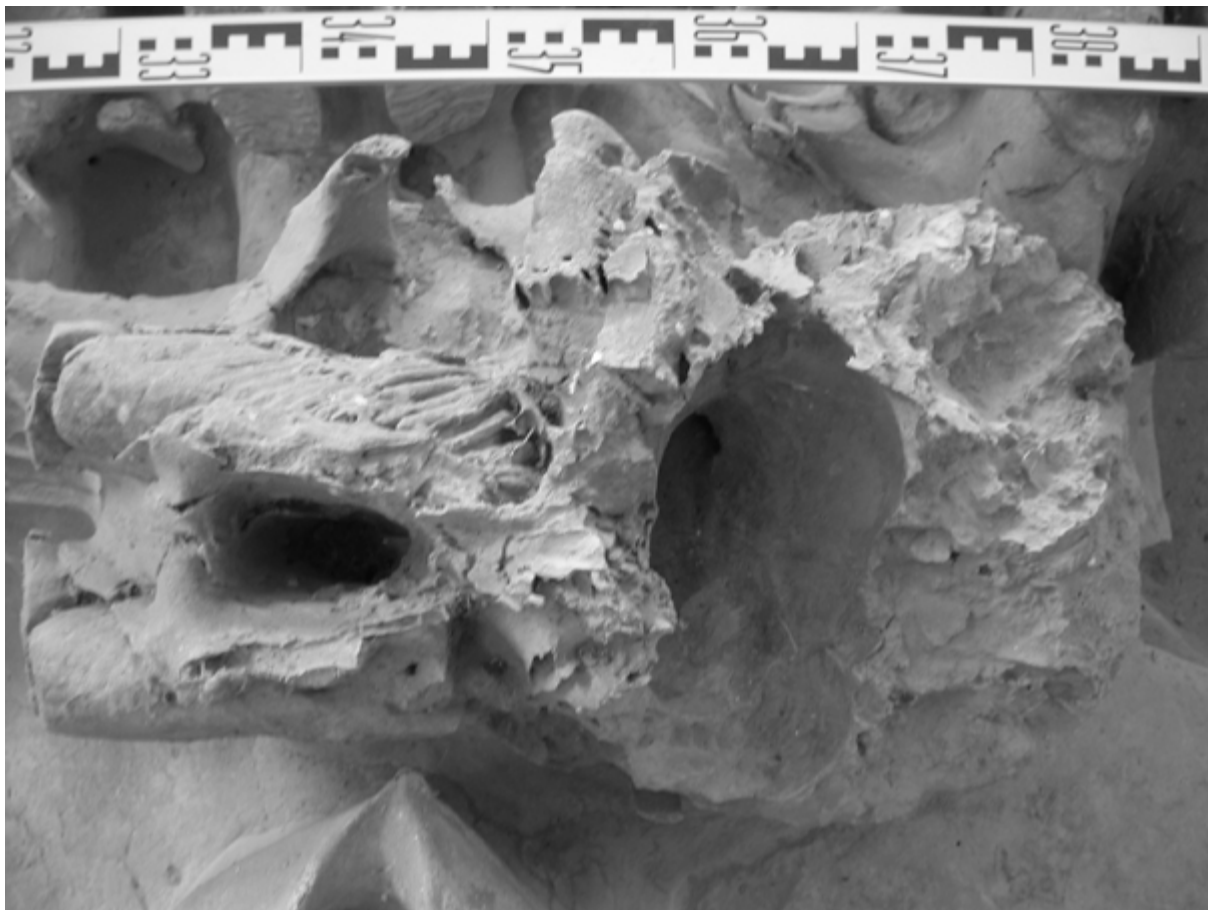

Рис. 13. Череп мамонта со вскрытой мозговой камерой с квадрата И-48, «жилище» 3.

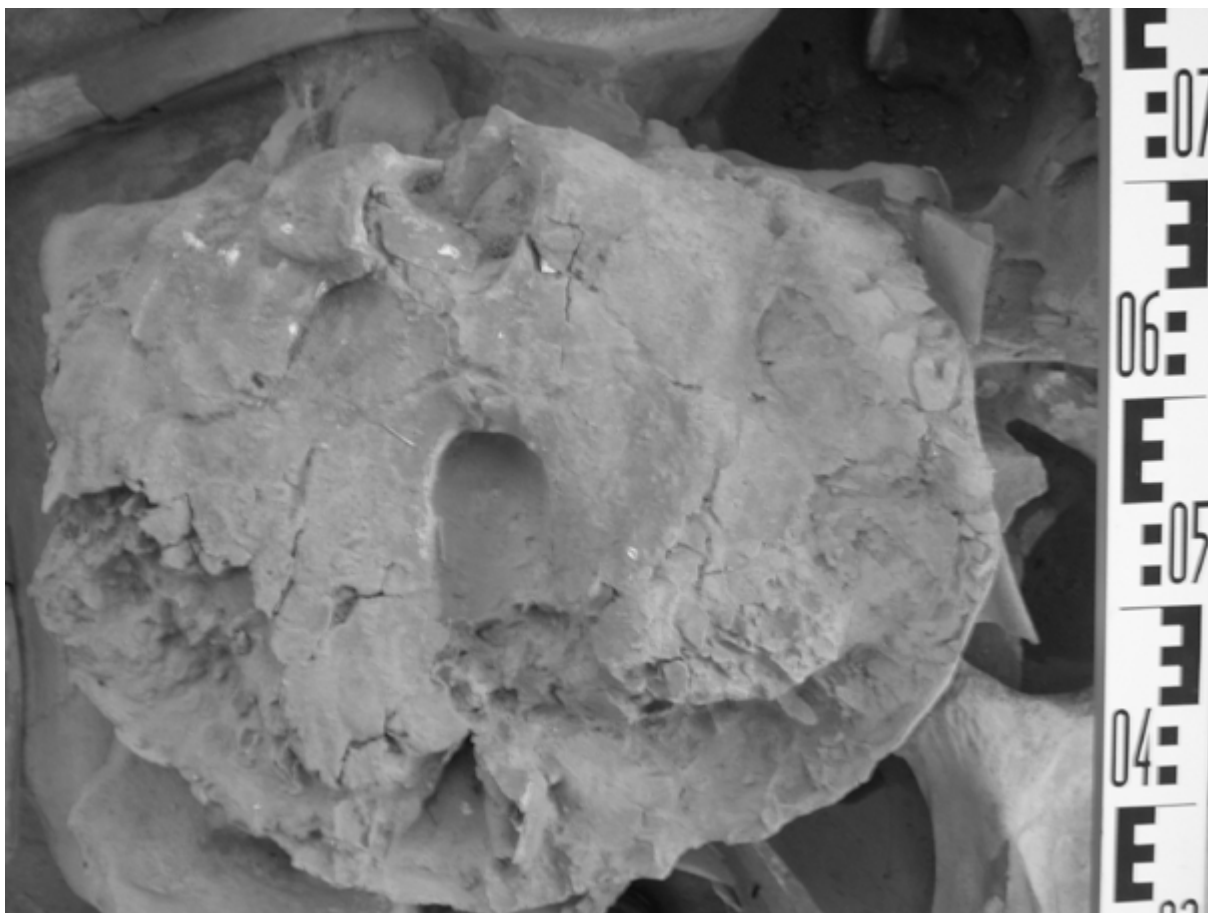

Рис. 14. Череп молодого мамонта с неповрежденной мозговой камерой с квадрата 3-49, «жилище» 3.

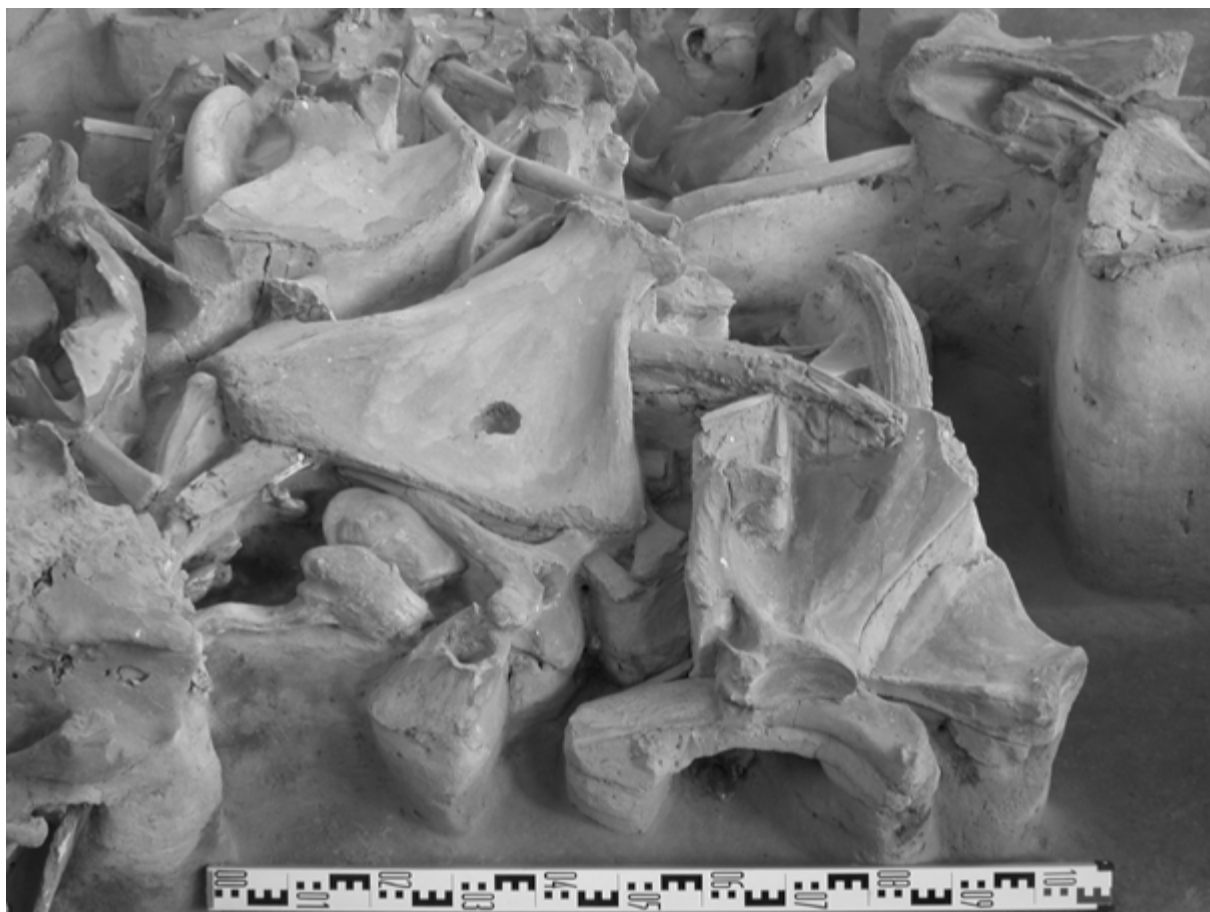

Рис. 15. Лопатка мамонта с отверстием, пробитым человеком, с квадрата К-51, «жилище» 3.

Рис. 16. Дистальный эпифиз бедренной кости бурого медведя с квадрата У-41 (раскопки 1966 г.) со следами погрызов.

люди лишь изредка охотились на одиноких самцов, отделившихся от стада. У современных африканских слонов в Кении самки-лидеры моложе 35 лет возглавляют небольшие семьи из 4–5 особей. Самки-лидеры старше 35 лет, «бабушки», возглавляют семьи из трех поколений численностью примерно 10 особей (Wittemyer et al. 2005). Если предположить, что семейные группы мамонтов на Русской равнине были сопоставимы с африканскими семьями и составляли от четырех до десяти особей, то на стоянке Юдиново представлены остатки от 11 до 30 семейных групп.

По этнографическим данным установлено, что слона можно убить с помощью копий или стрел (Hobley 1903; Stannus 1910; Trilles 1932; Janmart 1952). Г. Фрайзон (Frison 1989) экспериментально доказал, что наконечники типа клонис, установленные на дротиках или пиках, пробивают толстую кожу африканского слона и наносят смертельные раны животным всех возрастов и полов. Современные хоботные протаптывают тропы к водопою, местам кормления, минеральным источникам и социально важным для стада объектам (Haynes 2006). Считается, что в зимнее время мамонты проламывали своими бивнями речной лед, чтобы

пить воду (Vereshchagin, Baryshnikov 1982). Возможно, мамонты приходили к реке Судость на водопой, пользуясь традиционными тропами на протяжении многих поколений. На таких тропах первобытные охотники и могли выследживать древних хоботных.

Высота скелета взрослых мамонтов со стоянки Юдиново вычислялась по следующей формуле: высота скелета = $4,35 \times$ наибольшая длина большой берцовой кости (см) + 12,7 см (Germonpre 2003). Высоту в холке получили, прибавив 15 см к высоте скелета (Christiansen 2004). В итоге реконструированная высота в холке взрослых самок ($n = 10$) со стоянки Юдиново составила 210–254 см при средней высоте 233 см, средний вес, рассчитанный по большим берцовым костям — 2,1 т. Вес мамонтов рассчитывали по формулам П. Кристиансена (Christiansen 2004), Р. Лоуса и др. (Laws et al. 1975), Ж. Хэнкса (Hanks 1972) и О. Джонсона и И. Басса (Johnson, Buss 1965). Одна крупная плечевая кость полувзрослой особи со стоянки Юдиново принадлежит мамонту с высотой в холке около 285 см, скорее всего самцу. Его средний вес составил приблизительно 3,8 т. Другой самец имел высоту в холке более 250 см, судя по его неполной большой берцовой кости, и весил не менее 2,5 т.

Время, прошедшее между смертью животного и захоронением его костей, можно определить по степени выветривания материала. Есть шесть стадий климатического разрушения, от свежих костей (стадия 0) до фактически распадающихся костей (стадия 5) (Behrensmeyer 1978). Кости из аллювиальных отложений обычно характеризуются высокой степенью истертости. Кости, лежащие на поверхности, могут быть подвергнуты воздействию биотических факторов: уничтожению хищниками (Haynes 1983) и вытаптыванию крупными травоядными (Lyman 1994). Другим следствием продолжительного нахождения костей на поверхности или в приповерхностном слое грунта является их химическое повреждение корневой системой растений (Badgely 1986). Практически все кости мамонтов в «жилищах» 3 и 4 имеют низкую стадию выветривания (стадия 1 по Беренсмейеру), лишь 12 из обнаруженных костей (2,3 %) выветрены в большей степени, в том числе пять бивней. Это может означать, что более 97 % костей не были собраны из различных мест, таких как поверхностные россыпи скелетов мамонтов или из древних костеносных горизонтов. На стоянке Спандиста В также около 95 % остатков имеют первую стадию выветривания (Wojtal, Sobczyk

2005). Внутри скопления костей мамонтов Кремс-Вахтберг различий по степени выветривания не обнаружено (Fladerer 2003). Следов химического повреждения костей мамонтов в «жилищах» 3 и 4 корневой системой растений не зафиксировано. Это также указывает на то, что свежие кости быстро перекрывались лесом. Есть мнение, что конструкции непосредственно после их возведения были прикопаны самими обитателями стоянки, возможно, с ритуальными целями.

В пользу подобного предположения свидетельствует то, что степень выветривания ископаемых костей мамонтов, происходящих не из конструкций «жилищ», а непосредственно из культурного слоя раскопа, гораздо выше — в пределах четвертой, иногда пятой стадии по Беренсмейеру. В большинстве своем это не крупные фрагменты размером от 15 до 3 см, на них часто встречаются химическое повреждение корневой системой растений, нередко кости обожжены. В данном случае мы имеем дело именно с типичными кулинарными отбросами — остатками трапез (табл. 3). Вероятно, туши животных разделяли прямо на стоянке, позже кости скелета под воздействием внешних факторов (в том числе вытаптывания древним человеком) рассыпались на множество частей: средняя плотность в раскопе 2007 г. составила, например, до 180 определенных фрагментов костей мамонтов на квадратный метр. И это не считая неопределимых обломков (Хлопачев, Саблин 2009).

Тафономический и палеозоологический анализы показали, что стоянка Юдиново не являлась местом естественной смерти мамонтов и остатки этих хоботных не были добыты из древних костеносных горизонтов. Кости мамонтов получены при разделке туш животных и могут свидетельствовать в пользу гипотезы существования охоты на мамонта в верхнем палеолите. Охота на взрослых и молодых мамонтов была возможна благодаря относительно небольшому размеру животных (Жермонпре и др. 2008; Germonpre et al. 2008).

Наличие ряда характерных особенностей в строении тела песца со стоянки Юдиново позволило выделить его в отдельный подвид *Alopex lagopus rossicus* (Кузьмина, Саблин 1993). Для него характерно относительное удлинение зубного ряда и усиление хищнических зубов, а также некоторое укорочение костей конечностей по сравнению с современными формами. При этом отличия от голоценового *A. l. lagopus* достигли статистически достоверного уровня. Сравнение размеров и пропор-

ций черепов, некоторых зубов и костей передних и задних конечностей показало, что позднелейстоценовый песец центра Русской равнины ближе всего к материковому песцу и отличается от островных форм. Ареал данного подвида был значительно шире и охватывал также перигляциальные тундры Западной Европы (Germonpre, Sablin 2004), однако резкое изменение ландшафтно-климатических зон на рубеже плейстоцена — голоцена привело к полному вымиранию *Alopex lagopus rossicus* (Dalen et al. 2007).

Охота на песцов велась с начала осени до конца весны при помощи метательного оружия, петель, ловушек. Очевидно, что тушки доставлялись на стоянку Юдиново целиком, где и происходила их разделка. В культурном слое в больших количествах обнаружены фрагменты абсолютно всех частей тела (табл. 3), включая хвостовые позвонки, метаподии, фаланги, иногда в анатомических связках. Практически все кости этих хищников (97,4 %) имеют низкую стадию выветривания (стадия 0 по Беренсмейеру) (Кузьмина, Саблин 1993; Бурова 2002; Хлопачев, Саблин 2009). Необходимо отметить, что кости песцов несут на себе многочисленные следы расчленения для кулинарного потребления, что не должно вызывать удивления, поскольку это был не пушной промысел, проводимый в холодное время года исключительно ради меха, а тотальная утилизация добычи. Люди не брезговали извлекать костный мозг из длинных костей песцов, кото-

рые в дальнейшем использовались для изготовления различных изделий (Абрамова и др. 1997). В целом порезы зафиксированы примерно на 5 % всего костного материала, около 60 % всех обнаруженных порезов были нанесены на этапе расчленения животного, при этом отчленение нижней челюсти, элементов скелета конечностей проводилось главным образом по суставам (Бурова 2002).

На квадрате Ж-64 (раскоп 2007 г.) сохранились фрагменты черепа, шейные позвонки и грудная клетка волка: лопатки, ребра, позвонки — все в анатомической связке. Фрагмент тазовой кости этой же особи извлечен из культурного слоя на квадрате Д-65. Добытое животное было взрослым, относительно некрупным волком, принесенным на стоянку целиком. Похожая картина наблюдалась во время раскопок 1962 г. Тогда на соседних квадратах У-35 и У-36 были найдены тазовая кость и 4 поясничных позвонка *Canis lupus* в анатомической связке.

Все трубчатые кости конечностей лошади, северного оленя и овцебыка разбиты с целью извлечения костного мозга (Бурова 2002; Хлопачев, Саблин 2009). Малочисленность находок фрагментов рога северного оленя *Rangifer tarandus* может свидетельствовать о тотальной его утилизации в качестве косторезного материала. Хорошо сохранились лишь так называемые «мотыжки», сделанные из основания рога северного оленя.

Таблица 2.

Остатки мамонтов из конструкций «жилищ» 3 и 4 (раскопки 1981–1989 гг.)

Мамонт	Всего		Анатомические связки		Механические повреждения									
					Следы от ударов/ отверстия		Порезы		Следы обработки		Погрызы хищниками		Сломы	
	Кости	Особи	Кости	Особи	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%
Череп	53	53											35	66
Верхняя челюсть	3	3											3	100
Нижняя челюсть	24	22											4	16,7
Бивень	27	17							5	19,2			17	63
Зуб	6	1											4	66,7
Ребро	95	3											3	3,7
I шейный позвонок	4	4												
Шейный позвонок	6	1	4	1										
Грудной позвонок	37	2	17	1									11	32,4
Поясничный позвонок	2	1	2	1										
Крестец	3	3	1	1									1	33,3
Лопатка	71	38			31	43,7					1	1,4	9	12,7
Плечевая	35	19	2	1	1	2,9					2	2,8	2	5,9
Локтевая	24	14	1								2	2,8	2	8,3
Лучевая	8	5	1	1									1	12,5
Тазовая	35	19			3	8,6							22	62,9
Бедренная	25	13	2								7	28	3	12
Коленная чашечка	1	1												
Большая берцовая	39	21	5	2			1	2,7			1	2,7	1	2,7
Малая берцовая	3	2	1	1										
Таранная	2	1	1	1										
Метаподия	1	1												
Неопределимая длинная кость	13												13	100
Всего	517		37		35		1		5		13		131	
Всего %	100		7,2		6,8		0,2		1,0		2,5		25,3	

Таблица 3.

Определимые кости млекопитающих

Кость	Зяц	Сурок	Мамонт*	Мамонт**	Мамонт***	Мамонт****	Песец	Лисица	Волк	Бурый медведь	Пещерный лев	Широкопалая лошадь	Северный олень	Сайга	Овцебык
Череп		5	7	53	38	368	125		6			1			
Верхняя челюсть		3	3	3	3	4	101		1						7
Нижняя челюсть		4	27	24	15	20	339			2					3
Рог															
Бивень			1	27	294	704									
Зуб		12	1	6	151	928	1965		5	2	3	1		1	3
Подъязычная кость					18	15									
Грудина					1	7	545		2						
Позвонок		15	5	49	286	767	4736		29			1	2		1
Ребро		1	47	95	1790	1671	867		27						
Крестец		2		3	6	2	128		1						
Лопатка		1	10	71	108	34	309		3				1		2
Плечевая		6	9	35	21	6	559	1	2				1		6
Локтевая		5	4	24	15	10	392		1	1					1
Лучевая	1	8	2	8	25	41	595	1	1						4
Тазовая		5	5	35	47	40	387		4						1
Бедренная	1	9	12	25	33	17	508		4	3		2			17
Коленная чашечка				1	5	16	129								2
Большая берцовая		9	14	39	32	40	303		1				1		11
Малая берцовая		2	3	3	16	16	41								
Запястье/заплюсна		7			105	305	2147		36			5	44		34
Таранная		2		2	27	7	345						1		2
Пяточная		6			4	13	363						2		4
Метоподия	1	13		1	102	199	3467		6	5		3	16	1	13
Фаланга		6			72	243	7221		24	11		6	10		24
Всего	3	121	150	504	3214	5473	25572	2	153	24	3	19	87	2	135

* материал происходит из конструкции «жилища» 2 (раскопки 1964 г.)

** материал происходит из конструкций «жилищ» 3 и 4 (раскопки 1981-1989 гг.)

*** материал происходит из культурного слоя стоянки за пределами павильона (раскопки 1947, 1961, 1962, 1964, 1966, 1967 и 1980 гг.)

**** материал происходит из культурного слоя стоянки за пределами павильона (раскопки 2000-2013 гг.)

Литература

- Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. - СПб, 1995. - Вып. 1. - 130 с.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. - СПб, 1997. - Вып. 3. - 162 с.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К. Охота на мамонтов в палеолите Евразии // *Stratum plus* - СПб, 2002. - 1 - С. 479—501.
- Барышников Г.Ф., Аверьянов А.О. Молочные зубы хищных млекопитающих (отряд *Carnivora*). Часть IV. Семейства *Amphicyonidae* и *Canidae* // Труды Зоологического института РАН. - 1993. - 249 - С. 158-197.
- Бибикова В.И., Белан Н.Г. Локальные варианты и группировки позднепалеолитического териокомплекса юго-восточной Европы // Бюл. Моск. о-ва испыт. природы, отд. биол. - 1979. - 84. - 3. - С. 3-14.
- Бобринский Н.А., Кузнецов Б.А., Кузякин А.П. Определитель млекопитающих СССР. - М., 1944. - 440 с.
- Бурова Н.Д. Особенности формирования костного скопления остатков млекопитающих на верхнепалеолитическом поселении Юдиново // Костенки в контексте палеолита Евразии. - СПб, 2002. - С. 196-205.
- Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Труды Зоологического института АН СССР. - 1977. - 72. - С. 77-110.
- Верещагин Н.К., Тихонов А.Н. Экстерьер мамонта. - Якутск, 1990. - 40 с.
- Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонтов // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник - СПб: Наука, 2008. - 1. - С. 91-112.
- Кузьмина И.Е., ред. Детеныши мамонта *Mammuthus primigenius* // Труды Зоологического института РАН. - 1999. - 275. - 135 с.
- Кузьмина И.Е., Саблин М.В. Позднеплейстоценовый песец Верхней Десны // Труды Зоологического института РАН. - 1993. - 249. - С. 93-104.
- Маркова А.К. Остатки грызунов из позднепалеолитической стоянки Юдиново // Тез. докл. Первого международного мамонтового совещания. - 1995. - С. 626-627.
- Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. - Минск, 1968.
- Саблин М.В. Новые данные о составе фауны крупных млекопитающих центра Русской равнины в позднем вюрме, динамика относительной численности ряда видов // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. - М., 2001. - С. 262-265.
- Саблин М.В. Палеозоология стоянок Верхней Десны: новые данные // Верхний палеолит - верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. - СПб, 2002. - С. 107-109.
- Саблин М.В. Фауна крупных млекопитающих центра Русской равнины в позднем плейстоцене, среднем голоцене // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. - СПб, 2002. - 1 - С. 213-217.
- Саблин М.В. Древние собаки стоянок верхней Десны // Деснянские древности. - Брянск, 2007. - 4. - С. 70-74.
- Саблин М.В. Природный и социокультурный феномен появления собаки в верхнем палеолите // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник. - СПб: Наука, 2008. - 1. - С. 128-134.
- Саблин М.В., Хлопачев Г.А. Собаки из верхнепалеолитического поселения Елисеевичи 1 // *Stratum plus*. - Кишинев; Одесса; СПб, 2001. - 1. - С. 393-397.
- Соколов В.Е. Систематика млекопитающих. - М., 1979. - 528 с.
- Тихонов А.Н. Мамонт. - М.; СПб, 2005. - 90 с.
- Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В., Кулькова М.Л., Саблин М.В. Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново (2000-2005) // *Радловские чтения*. - СПб, 2006. - С. 269-274.
- Хлопачев Г.А., Саблин М.В. Ямы с костями мамонта Юдиновской стоянки (по материалам полевых исследований 2006-2007 гг.) // *Радловский сборник: Научные исследования и музей-*

ные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – СПб, 2009. – С. 109-113.

Хлопачев Г.А., Саблин М.В., Пантелеев А.В. Сезонность обитания Юдиновской верхнепалеолитической стоянки: археологические и палеонтологические данные // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. – СПб, 2012. – С. 70-78.

Хлопачев Г.А., Саблин М.В. “Жилище” № 2 палеолитической стоянки Юдиново: набор костей и конструктивные особенности выкладки // Замятинский сборник (в печати). – СПб: Наука, 2013.

Чубур А.А. Мамонтовое собирательство в бассейне Десны // Природа. – 1993. – 7. – С. 54-57.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // *Paleobiology*. – 1978. – 4. – P. 150-162.

Christiansen P. Body size in proboscideans, with notes on elephant metabolism // *Zoological Journal of the Linnean Society*. – 2004. – 140. – P. 523-549.

Dalen L., Nystrom V., Valdiosera C., Germonpre M., Sablin M., Turner E., Angerbjorn A., Arsuaga J.L., Gotherstrom A. Ancient DNA reveals lack of postglacial habitat tracking in the arctic fox // *Proceedings of National Academy of Sciences of the USA*. – 2007. – 104. – 16. – P. 6726-6729.

Fladerer F. A calf-dominated mammoth age profile of the 27 ky BP stadial Krems-Wachtberg site in the middle Danube Valley // *Deinsea*. – 2003. – 9. – P. 135-158.

Fiedel S.J. Man's best friend – mammoth's worst enemy? A speculative essay on the role of dogs in Paleoindian colonization and megafaunal extinction // *World Archaeology*. – 2005. – 37. – P. 11-25.

Frison G.C. Experimental use of Clovis weaponry and tools on African elephants // *American Antiquity*. – 1989. – 54. – P. 766-784.

Germonpre M., Sablin M.V. Systematics and osteometry of Late Glacial foxes from Belgium // *Bulletin de l'Institut royal des Sciences Naturelles de Belgique, Sciences de la Terre*. – 2004. – 74. – P. 175-188.

Germonpré M., Sablin M., Khlopachev G., Grigorieva G. Possible evidence of mammoth hunting during the Epigravettian at Yudinovo,

Russian Plain // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 2008. – 27. – 4. – P. 475-492.

Hanks J. Growth of the African elephant (*Loxodonta africana*) // *East African Wildlife Journal*. – 1972. – 10. – P. 251-272.

Haynes G. A guide for differentiating mammalian carnivore taxa responsible for gnaw damage to herbivore limb bones // *Paleobiology*. – 1983. – 9. – P. 164-172.

Haynes G. Mammoths, mastodons, and elephants. Biology, behavior, and the fossil record. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 413 p.

Haynes G. The role of mammoths in rapid Clovis dispersal // *Mammoths and mammoth fauna: studies on an extinct ecosystem, Deinsea*. – 1999. – 6. – P. 9-38.

Haynes G. Mammoth landscapes: good country for hunter-gatherers // *Quaternary International* – 2006. – 142/143. – P. 20-29.

Hillson S. Teeth. – NY, 1986. – 376 p.

Hobley C.W. Notes concerning the Eldorobo of Mau, British East Africa // *Man*. – 1903. – 3. – P. 33-34.

Iakovleva L. Les habitats en os de mammouths du Paleolithique superieur d'Europe orientale: les donnees et leurs interpretations. Perceived Landscapes and Built Environments // *The Cultural Geography of Late Paleolithic Eurasia. BAR International Series*. – 2003. – 1122. – P. 47-57.

Janmart J. Elephant hunting as practised by the Congo Pymies // *American Anthropologist*. – 1952. – 54. – P. 146-147.

Johnson O.W., Buss I.O. Molariform teeth of male African elephants in relation to age, body dimensions and growth // *Journal of Mammalogy*. – 1965. – 46. – P. 373-384.

Laws R.M., Parker I.S.C., Johnstone R.C.B. Elephants and their habitats: the ecology of elephants in North Bunyoro, Uganda. – Oxford: Clarendon Press, 1975. – 376 p.

Lorenzen E.D., Nogues-Bravo D., Orlando L., Weinstock J., Binladen J., Marske K.A., Ugan A., Borregaard M.K., Gilbert M.T. P., Nielsen R., Ho S.Y.W., Goebel T., Graf K.E., Byers D., Stenderup J.T., Rasmussen M., Campos P.F., Leonard J.A., Koepfli K-P., Froese D., Zazula G., Stafford Jr. T.W., Aaris-Sørensen K., Batra P., Haywood A.M., Valdes P.J., Boeskorov G., Burns J.A., Davydov S.P., Haile J., Jenkins D.L., Kosintsev P., Kuznetsova T., Lai X., Martin L.D.,

- McDonald H.G., Mol D., Meldgaard M., Munch K., Stephan E., Sablin M., Sommer R.S., Sipko T., Scott E., Suchard M.A., Tikhonov A., Willerslev R., Wayne R.K., Cooper A., Hofreiter M., Sher A., Shapiro B., Rahbek C., Willerslev E. Species-specific responses of Late Quaternary megafauna to climate and humans // *Nature*. - 2011. - 479. - P. 359-364.
- Lyman L.R. Vertebrate taphonomy. Cambridge manuals in archaeology. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - 348 p.
- Pidoplichko I.G. Upper Palaeolithic dwellings of mammoth bones in the Ukraine // *BAR International Series*. - 1998. - 712. - 276 p.
- Sablin M.V., Khlopachev G.A. The earliest Ice Age dogs: evidence from Eliseevichi 1 // *Current Anthropology*. - 2002. - 43. - P. 795-798.
- Sablin M.V., Khlopachev G.A. Die ältesten Hunde aus Eliseevichi I (Russland) // *Archaeologisches Korrespondenzblatt*. - 2003. - 33. - S. 309-316.
- Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. - Orlando: Academic Press, 1985. - 539 p.
- Stannus H.S. Notes on some tribes of British Central Africa // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. - 1910. - 40. - P. 285-335.
- Svoboda J., Péan S., Wojtal P. Mammoth bone deposits and subsistence practices during Mid-Upper Palaeolithic in Central Europe: three cases from Moravia and Poland. *Quaternary International*. - 2005. - 126/128. - P. 209-221.
- Trilles P. Les Pygmées de la Forêt Equatoriale. - Paris: Librairie Bloud et Gay, 1932. - 530 s.
- Vereshchagin N.K., Baryshnikov G.F. Paleoecology of the mammoth fauna in the Eurasian arctic // *Paleoecology of Beringia*. - NY: Academic Press, 1982. - P. 267-279.
- West D.L. Mammoth hunting or scavenging during the Upper Paleolithic // *Proceedings of the International Conference on Mammoth Site Studies*, University of Kansas Publications in Anthropology. - 2001. - 22. - P. 57-67.
- West D.L., Kozlovski J.K., Montet-White A. Fox hunting in Poland // *Anthropologie et Préhistoire*. - 2000. - 111. - P. 237-241.
- Wittemyer G., Douglas-Hamilton I., Getz W.M. The socioecology of elephants: analysis of the processes creating multitiered social structures // *Animal Behaviour*. - 2005. - 69. - P. 1357-1371.
- Wojtal P., Sobczyk K. Man and woolly mammoth at the Krakow Spadzista Street (B) - taphonomy of the site // *Journal of Archaeological Science*. - 2005. - 32. - P. 193-206.

SABLIN M.V.

PALAEONTOLOGY OF THE YUDINOV SITE: THE NEW FACTS, ANALYSIS, INTERPRETATION

The osteological material from the Epigravettian Yudinovo site in the Russian Plain was studied. Detailed paleontological and archaeozoological analyses of the faunal complex were carried out. As shown by the animal remains, the subsistence of the sites of Western Russia was based on hunting. Mammoth constituted the preferred hunting prey, followed by fur animals. During the final stage of the Late Pleistocene the climate became cooler, drier and the tundra-steppe zone was predominating. The analysis of the osteological material leaves one in no doubt that the Yudinovo site was inhabited seasonally. The absence of animal remains procured in the summer proves that Yudinovo was the cool season settlement. The taphonomic and palaeobiological analyses shows that the bone complexes at the site were constructed from body parts and bones that were extracted from freshly killed mammoths.

ІНФОРМАЦІЯ ПРО АВТОРІВ

Васильєв Павло Михайлович – відділ «Археологічний музей» Інституту археології НАН України, вул. Богдана Хмельницького 15, Київ 01030 Україна pavelvas@i.ua

Грибченко Юрій Николаевич – к.г.н., Інститут географії РАН, Старомонетный пер. 29, Москва, 119017 Россия, yu_gribchenko@mail.ru

Комар Марина Семенівна – д.г.н., Палеонтологічний музей ННПМ НАН України, вул. Богдана Хмельницького 15, Київ 01601 Україна, Інститут геологічних наук НАН України, вул. О. Гончара 55-б, Київ 01054 Україна maryna.com@gmail.com macom@ukr.net

Куренкова Елена Ивановна - к.г.н., Інститут географії РАН, Старомонетный пер. 29, Москва, 119017 Россия paleolith@yandex.ru

Нужний Дмитро Юрійович – к.і.н., Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ 04210 Україна nuzharch@ukr.net

Pean Stephane – Dr.PhD, Muséum National d'Histoire Naturelle Département de Préhistoire (USM 103) / UMR 7194 du CNRS IPH, 1 rue René Panhard, 75013 Paris, France, stpean@mnhn.fr

Саблін Михайл Васильєвич – к.б.н., Зоологический институт РАН, Университетская набережная 1, Санкт-Петербург 199034 Россия msablin@yandex.ru

Сапелко Татьяна Валентиновна – к.г.н., Інститут озероведения РАН, ул. Севастьянова 9, Санкт-Петербург 196105 Россия tsapelko@mail.ru

Ступак Дмитро Вікторович – Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ 04210 Україна stupak17@ukr.net mitja17@list.ru

Хлопачев Геннадий Адольфович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН, Университетская набережная 3, Санкт-Петербург 199034 Россия, gak@pochta.ru

Шидловський Павло Сергійович – к.і.н., доцент, Київський Національний університет імені Тараса Шевченка, вул. Володимирська 62, Київ 01033 Україна, shydlovskiy@mail.ru

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Археологічний альманах, № 31

ЕПІГРАВЕТСЬКІ ПАМ'ЯТКИ СЕРЕДНЬОГО ПОДНІПРОВ'Я

(Українською, російською та англійською мовами)

Головні редактори:

В.П. Чабай, О.В. Колесник, А.М. Усачук

Відповідальні редактори:

Д.В. Ступак, Г.А. Хлопачев

Комп'ютерна верстка Є.В. Пічкур

Дизайн обкладинки - Є.В. Пічкур

Підписано до друку 18.08.2013. Формат 60х84/8.

Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.

Наклад 300 пр.

Видавець Олег Філюк

07300, м.Вишгород, вул.Дніпровська, 3б, кв. 97

Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
(Серія ДК №4506 від 18.03.2013 р.)